П. 309-14
Т. 11
1961 пг.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX – начала XX века

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ТОМ 11

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА XIX—начала XX века

659867

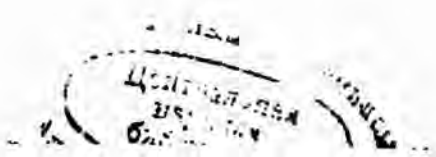
П309-14ис.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА · 1961

Сборник посвящен истории аграрных отношений, рабочего и аграрного движения в Казахстане, развития обрабатывающей промышленности и формирования национальных кадров рабочего класса и некоторым вопросам постановки народного образования в конце XIX — начале XX в. В нем также помещена работа, посвященная истории казахов Мангышлака в период, предшествовавший присоединению этой части Казахстана к России, и ходу его присоединения.

Рассчитан на научных работников, аспирантов, студентов и широкие круги читателей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
П. Г. Галузо, Т. Е. Елеуов (отв. редактор),
Б. С. Сулейменов.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
1961 АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР Том II

Б. С. СУЛЕЙМЕНОВ

РАБОЧЕЕ И АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ В 1905—1907 ГОДАХ

1. Краткая характеристика социально-экономической обстановки в Казахстане накануне революции

Завершение присоединения Казахстана к России, имевшее независимо от колониальной политики царизма прогрессивное значение, привело к приобщению края к передовой экономике и культуре России. Шире стали проникать сюда капиталистические отношения, росли города и усиливалась торговля. Доживали последние дни учрежденные в Казахстане и соседних с ним районах еще в XVIII в. меновые дворы. Во многих городах и местностях открывались ярмарки, обороты которых росли с каждым годом. Товарно-денежные отношения проникали в Казахстан все в более широком масштабе. Как свидетельствуют современники, «... среди киргиз натуральное хозяйство начинает сменяться денежным, а вместе с тем незаметно меняются и нормы обычного права... Современный киргиз без денег обойтись не может, он связан многими нитями с русским рынком»[1].

Ежегодно на ярмарки в Казахстан почти со всех концов страны съезжалось большое количество купцов. Они сбывали здесь главным образом промышленные товары и покупали скот и продукты животноводства (шерсть, кожи, сало и др.). Казахстан превратился в рынок сбыта и источник сырья для развивающейся промышленности центра России, ибо растущая буржуазия России к концу XIX в. не могла не только развиваться, но и существовать без рынка, процесс преобразования которого шел вглубь и вширь. Развитие капитализма вглубь означает, по определению В. И. Ленина, «дальнейший рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории», а развитие капитализма вширь — «распространение сферы господства капитализма на новые территории»[2].

Русская буржуазия, развиваясь вширь, развернула, таким образом, свою деятельность в Казахстане, как и в других частях империи.

Вывоз сырья и скота из Казахстана возрос в конце XIX — начале XX в. Так, в 1894 г. только на одной Акмолинской ярмарке было куплено и отправлено в Центральную Россию свыше 9 тыс. лошадей, 13 тыс. крупного рогатого скота, 142 тыс. баранов, около 50 тыс. пудов овечьей и козьей шерсти, тысячи пудов конского волоса, 573 тыс. овчин, 94 тыс. кож[3]. То же наблюдалось и в других областях Казахстана. Если в

---

[1] «Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год». Семипалатинск, 1902, стр. 154.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

[3] Е. Федоров. Казахстан — колония царизма в XIX—XX вв. «Ученые записки КазПИ им. Абая», 1941, т. II, стр. 181—182.

1900 г. из Тургайской области было вывезено в Центральную Россию скота, мяса и других продуктов животноводства на 9 млн. руб., то к 1910 г.— на 14 млн. руб.; из Уральской области в 1901 г.— на 7,5 млн. руб., а в 1906 г. — на 9,3 млн. руб.[4] Вывоз сырья усилился особенно после постройки Среднеазиатской и Сибирской железнодорожных магистралей.

Превращение Казахстана в сырьевую базу царской империи во многом тормозило развитие капиталистических отношений в крае.

В резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу сказано, что корень отсталости угнетенных царизмом народов лежит «не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплуатируемые промышленно развитыми центральными районами»[5]. С другой стороны, это стремление в известной степени влияло и на экономическое развитие самой Центральной России. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, — писал В. И. Ленин, — ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев»[6].

К началу XX в. в некоторых городах Казахстана открывались отделения Российского Государственного банка, финансировавшие крупных местных купцов.

К концу XIX в. в Казахстане насчитывалось около 40 тысяч человек занятых торговлей[7]. Это были казахские баи, имевшие в среднем свыше 500 голов крупного скота, а также русские и татарские купцы. Они же являлись и скотопромышленниками.

К этому времени многие сэудегеры-алыпсатары (ростовщики) превратились в крупных купцов-предпринимателей, сконцентрировавших в своих руках большую часть предприятий по первичной обработке животноводческого сырья и других продуктов сельского хозяйства.

В казахских аулах, главным образом отдаленных от железных дорог, господствовал торгово-ростовщический капитал. Торговлю вели преимущественно татарские, казахские, узбекские алыпсатары. Этому способствовали отсталость и окраинное положение края. «Необходимой принадлежностью мелких местных рынков, кроме примитивных форм ремесла, — писал В. И. Ленин, — являются также примитивные формы торгового и ростовщического капитала. Чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополия местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»[8].

Ростовщики разоряли, закабаляли трудящихся казахского аула. Они торговали промышленными товарами, чаем, сахаром, конфетами, махоркой, меняя их на кожи, шерсть, козлиный пух, меха, скот, и получали при этом большие прибыли. О сэудегерах-алыпсатарах, разъезжавших по отдаленным казахским аулам, корреспондент «Русской жизни» некий В. О. в своей заметке «Из Тургайской области» писал: «Сэудегер

---

[4] Там же.

[5] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.» Ч. I, Изд. 7, 1954, стр. 714.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 278.

[7] «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 408.

[8] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

обменивает свой товар на домашних животных и их продукты (шерсть, кожа), причем цены их товаров удваиваются, а цена продуктов, предлагаемых киргизами, на половину уменьшается, не говоря уже об обычных приемах сэудегеров, заключающихся в обмеривании, обвешивании»[9].

Сэудегеры-алыпсатары выполняли также посредническую роль. Они покупали скот, продукты животноводства и меха у казахских шаруа и перепродавали их купцам и скотопромышленникам Центральной России и Поволжья, извлекая при этом значительную выгоду. К. Маркс в «Капитале» дает четкое определение посреднической роли торгового капитала. Он пишет: «Пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит»[10].

Сэудегеры раздавали в аулах свои товары казахской бедноте с условием возврата продуктами животноводства, мехами, скотом. Это усиливало зависимость шаруа от сэудегеров. Отсюда у казахов пошла поговорка: «Сэудегер есеппен байиды» (торговец богатеет расчетом).

Проникавшие в экономику Казахстана товарно-денежные отношения способствовали усилению товарности сельского хозяйства, и в первую очередь животноводства, ускоряли разложение родового быта казахов, и вместе с тем усиливали имущественное неравенство и классовую дифференциацию в ауле.

В начале XX в. усилилась товарность животноводства, особенно в хозяйствах крупных баев. Они намеренно разводили такой скот (овец, лошадей), который мог проводить зиму на подножном корму, быстро размножаться и таким образом дать большие прибыли. В семи уездах Тургайской и Уральской областей (Кустанайском, Актюбинском, Иргизском, Тургайском, Темирском, Лбищенском, Уральском) свыше 60 проц. проданных лошадей и 58 проц. баранов и коз принадлежало баям. В конце XIX в. в Кустанайском уезде баи, имевшие свыше 100 лошадей, составляли всего 1,5 проц. хозяйств уезда, но владели около 20 проц. всего скота; хозяйств, имевших свыше 25 лошадей, в этом уезде насчитывалось около 9 проц., но в них было сосредоточено около 40 проц. всего скота[11]. Таким образом, в основном скот находился у баев. Это видно и из другого примера. В начале XX в. в Павлодарском уезде Семипалатинской области, по данным Переселенческого управления, 12.500 бедняцких хозяйств имели 63.500 лошадей, тогда как 1800 байских хозяйств — 172.700. До 94 проц. населения Семипалатинского уезда той же области составляли бедняцкие и середняцкие хозяйства.

К началу XX в. в байском хозяйстве все шире стали применяться сельскохозяйственные машины и орудия. Так, в Петропавловском уезде Акмолинской области на крупное байское хозяйство приходилось 48 сельскохозяйственных орудий, а в Кокчетавском уезде той же области — 32. Усилился также переход казахских общин к оседлости и земледелию, почти повсеместно для скота на зиму стали заготавливать корма. Однако в экономике Казахстана, как и во многих других национальных окраинах страны, все еще были сильны докапиталистические формы хозяйства, патриархально-феодальные отношения и родовой быт, тормозившие рост производительных сил и обусловливавшие экономическую, политическую и культурную отсталость края[12].

---

[9] «Русская жизнь», 1893, № 26; А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 191

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. I, стр. 358.

[11] Е. Федоров. Указ. работа, стр. 170.

[12] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. Изд. 7, М., 1954, стр. 558—559.

Трудящиеся массы аула были опутаны патриархально-родовыми отношениями. Этим объясняется разорение, нужда и нищета трудового крестьянства Казахстана, рост которых при невозможности найти работу по вольному найму еще более усиливал феодальную эксплуатацию в ауле. Из года в год увеличивалось число батраков и пастухов. Например, в перечисленных семи уездах Тургайской и Уральской областей 23 тыс. хозяйств эксплуатировали 38 тыс. батраков и пастухов[13].

Эксплуатация приняла здесь самые грубые формы, а царизм намеренно культивировал этот патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Плата за труд производилась в основном натурой. Но, конечно, это не исключало найма батраков за деньги крупными баями, особенно в северных земледельческих районах, во время вспашки и уборки урожая. Наем производился на сезон в среднем за три-пять годовалых баранов, т. е. за 9—15 руб. по тогдашним ценам. Таким нищенским заработком батраки и пастухи еле содержали свои семьи. Поэтому батрак шел к баю вместе со своей семьей. Взрослые члены семьи были заняты разнообразной работой в байском хозяйстве: доили коров, пасли скот и т. д., за что их только кормили.

Баи эксплуатировали и бедняков, которые выполняли также различную работу: поили скот, косили сено и т. д., за что временно пользовались байским рабочим скотом или же молоком дойного скота. Бедняки так же, как и батраки жили в неимоверно тяжелых условиях.

Тяжелое положение трудящихся масс аула нашло свое отражение в произведениях классика казахской литературы Абая Кунанбаева. Он писал:

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану:
Жена, бедняга, ткет чекмен, от холода дрожа.
И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.
Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка, —
Благодари скорей его, семью его и род[14].

Трудящиеся массы аула испытывали тяжелый гнет и со стороны царских властей. Кроме уплаты множества различных налогов и повинностей, представители власти: волостные управители, аульные старшины и бии обирали население под разными предлогами. В начале XX в. известный исследователь обычного права казахов А. Добросмыслов называл биев «неправыми и несорыми, лицемерными и лихоимными»[15]. Такого же мнения был и другой исследователь обычного права казахов Н. Максимов. Он писал: «суд биев стал неправым судом, несправедливо решал вопросы», причем в решениях его торжествовала «случайность» особенно тогда, когда она была на стороне баев[16].

---

[13] Е. Федоров. Указ. работа, стр. 170.

[14] Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. Алма-Ата, 1940, стр. 102.

[15] А. И. Добросмыслов. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв. Казань, 1904, стр. 92.

[16] «Журнал юридического общества при С.-Петербургском университете», 1897, кн. VII, отд. II, стр. 62—86.

В конце XIX и начале XX в. усилилась колонизаторская политика царизма.

Царское правительство сначала учредило «временные переселенческие партии», а затем, в 1904 г., разделив почти всю территорию Казахстана на четыре переселенческих района: Урало-Тургайский, Акмолинский, Семипалатинский и Сыр-Дарьинский, повсеместно открыло переселенческие управления для выявления «излишков» земли, изъятия их из пользования местного населения и создания «переселенческого фонда».

Переселенческие управления допускали массовые расхищения земель местного населения. Они забирали у трудящихся лучшие пахотные и пастбищные угодья и переселяли их в малопригодные и совершенно не пригодные для ведения хозяйства пустыни.

Эти факты массовой экспроприации земли у местного населения вынужден был признать даже сенатор К. К. Пален, ревизировавший Туркестанский край. «В общие площади годной земли по волостям, — писал он в своем отчете, — включены громадные площади болотистых, совершенно никуда негодных камышовых зарослей, туда включены громадные площади предгорий, заросшие непролазными шиповниками и другими колючими кустарниками, не исключены из общей площади годной земли овраги; под общим названием годной земли фигурируют огромные пространства каменистой, негодной к орошению степи, дающей самое жалкое произрастание несъедобных трав, или очень ничтожное количество низкорослого, исключительно подножного корма, негодного для сенокошения. Все это включено в общие земельные площади волостей под именем годной земли, без всяких не только исключений, но даже оговорок, лишь для того, по-видимому, чтобы голыми цифровыми данными доказать имеющийся, якобы, в пользовании киргизского населения излишек»[17].

Отнятые земли раздавались царским чиновникам, казачьему войску, баям, православному и мусульманскому духовенству. Еще раньше огромные пространства были отведены под так называемые кабинетские земли, владельцем которых являлся царский двор. От захвата земель страдали бедняцкие и середняцкие хозяйства.

Накануне и в период первой русской буржуазно-демократической революции трудовое казахское население остро нуждалось в земле и вынуждено было арендовывать ее на кабальных условиях. Так, в 1901 г. в пределах Павлодарского, Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области, по данным степного генерал-губернатора, насчитывалось 12. 000 безземельных кибитковладельцев, которые на тяжелых условиях арендовали землю Сибирского казачьего войска, а 2950 кибитковладельцев арендовали кабинетские земли в Бель-Агачской и Кулундинской степях; в Омской и Тобольской губерниях арендовало землю около 850 кибитковладельцев. Таким образом, на территории Павлодарского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского уездов Семипалатинской области, а также Омской и Тобольской губерний землю арендовало около 16. 000 казахских хозяйств[18], главным образом бедняков. Каждый кибитковладелец-арендатор ежегодно выплачивал арендную плату в среднем по 10 руб. 70 коп., а также земский и мирской сборы — в среднем до 7 рублей, кроме того, он выполнял натуральные повинности.

Разоренная бедняцкая масса искала заработка на стороне у кулаков и офицеров казачьего войска. Так, в «Журнале присутствия Семипала-

---

[17] К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб, 1910, стр. 45.
[18] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1900, д. 2, ч. 1, лл. 46—47.

тинского областного правления» от 30 июня 1902 г. говорилось, что немалую роль в жизни прииртышских казахов играют заработки по сельскому хозяйству и домоводству у личного состава Сибирского казачьего войска; со своей стороны казаки заявляли, что без работников-казахов они не могут обойтись, ибо все свои земельные участки или сдают им в аренду, или обрабатывают с их помощью.

Непременный член Семипалатинского областного правления Вдзенковский так описывал тяжелое положение казахов-бедняков: «Обедневшие кибитки, а иногда и отдельные лица, потеряв всякую надежду выбиться из нужды среди своих соплеменников, склонных держать бедняков в кабале, в качестве чернорабочих за пищу и одежду, естественно, должны были искать... заработки»[19].

Генерал-губернатор Степного края в своем отчете указывал, что «лишение скота, а вместе с ним и средств для прокормления вызывают между киргизами отхожие работы. Бедняки-киргизы занимаются поденной работой — нанимаются на Колбинские прииски и на рудники Алтайского горного округа, а во время жатвы и сенокоса массами отправляются в ближайшие деревни Томской губернии, где киргизы, как дешевые работники, в большом спросе». О размерах таких отхожих заработков можно отчасти судить по количеству выданных билетов. В 1902 г. только в Семипалатинском уезде было взято 22.942 билета[20]. Из них трехмесячных и полугодовых — 4559 и годовых — 1223.

Царизм был непримиримым врагом трудящихся масс всех национальностей, населявших Россию, в том числе и трудящихся Казахстана, поэтому в низложении самодержавного строя они были все кровно заинтересованы.

В начале XX столетия происходил массовый приток крестьян из Центральной России на окраины, в том числе и в Казахстан. Это объяснялось обострением аграрных противоречий в Центральной России. «... Русский мужик, — писал В. И. Ленин, — готов бежать не только в Сибирь, но и на край света»[21]. Самовольное переселение русских крестьян в казахскую степь достигло широких размеров. По данным канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, в одной только Семиреченской области в 1902 г. насчитывалось 16 тысяч самовольных переселенцев, а к 1905 г. — 23 тыс.[22] В других областях края наблюдалась такая же картина. Этот приток совершался в условиях аграрного голода мелкого производителя в Центральной России.

Размещая поселенцев, чиновники переселенческого управления торговали землей, вымогали взятки и т. д.

Положение прибывших было тяжелым. Об этом свидетельствуют и официальные документы. В телеграмме Семипалатинского военного губернатора товарищу (заместителю) министра внутренних дел говорилось, что имелось 4000 переселенцев, большинство которых, находясь в крайней нищете, без оказания материальной помощи существовать не может. Аналогичные факты встречались в отчетах военных губернаторов других областей Казахстана.

Крестьяне села Еристовского Ново-Семиозерной волости Кустанайского уезда Тургайской области в прошении так описывали свое тяжелое положение: «Хозяйства наши так плохи, что большая половина нашего посёлка имеет не более чем по одной лошади и у нескольких таких бедняков имеется еще по корове. Живем же мы в таких землянках, что хоро-

---

[19] Там же, д. 2, ч. 2, л. 130.
[20] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 299, л. 14.
[21] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 74.
[22] К. К. Пален. Указ. работа, стр. 17.

шие хозяева скотину не станут держать в них, и кроме этих землянок мы не имеем никаких пристроек, так что приходится самим жить в одной половине землянки, а в другой, или скорее сказать в сенцах, помещается та же лошадь и если есть у кого корова»[23].

Нередко переселенцы поступали в работники к кулакам-сторожилам. Многие переселенцы «оседали» в городах Казахстана. Если, по данным на 1 января 1901 г., в городах Семипалатинской области проживало 51 364 чел., в 1904 г. — 64 163 чел., то в 1905 г. — 91 473 чел.»[24]. В четырех уездных городах Тургайской области (Тургай, Иргиз, Актюбинск, Кустанай) в том же 1905 г. насчитывалось 28. 352 чел[25].

Значительную часть населения в городах дореволюционного Казахстана составляла беднота.

Накануне первой русской революции в Казахстане продолжался рост преимущественно мелких промышленных предприятий. В Семиреченской области в 1904 г. было 1316 мелких предприятий по обработке продуктов сельского хозяйства с 2268 рабочими. На предприятиях господствовал ручной труд, машины и двигатели применялись в очень незначительных размерах.

Более или менее крупными промышленными предприятиями в крае считались предприятия горнодобывающей промышленности, находившиеся в руках иностранного капитала и хищнически эксплуатировавшиеся ими. Царь и его приближенные, присвоившие богатейшие месторождения угля, нефти, цветных и благородных металлов в Казахстане, продали их иностранным капиталистам. Успенский медный рудник, Спасский медеплавильный завод, Карагандинские каменноугольные копи находились в руках французского капиталиста Клод-Эрнест-Жано Карно, который в 1907 г. перепродал их английскому «Акционерному обществу Спасских медных руд», созданному «Сибирским синдикатом» в Лондоне в 1904 г. Затем акции этого общества были скуплены лондонским банкиром Эрлихом. Зыряновское месторождение перешло в 1896 г. в руки французских капиталистов, учредивших «Зыряновское горнопромышленное акционерное общество». Австрийский князь Турн-Таксис, стоявший близко к царскому двору, в 1904 г. приобрел в концессию целый ряд месторождений горнорудного Алтая. Джезказганские рудники попали в руки американских капиталистов. Английский капиталист Лесли Уркварт в 1904 г. организовал «Киргизское горнопромышленное общество» и захватил Экибастузский угольный район и несколько рудников Алтая. Иностранный капитал привлекался сюда богатством недр края, дешевизной рабочей силы, баснословными прибылями, получаемыми от хищнической эксплуатации населения.

К началу XX в. наблюдался некоторый рост пролетариата в Казахстане, оставшегося, однако, немногочисленным. Большинство рабочих составляли казахи.

Из-за хищнической эксплуатации и технической отсталости производительность труда на рудниках и шахтах Казахстана была крайне низка.

Основная масса рабочих была занята на горных предприятиях. В 1905 г. на Карагандинских каменноугольных копях работало 450 человек. В среднем такое же количество рабочих было на Джезказганском и Успенском рудниках, на Экибастузских копях, на рудниках горного Алтая и соляных промыслах.

---

[23] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 4, л. 42.
[24] Там же, ф. 44, д. 42.
[25] Там же, ф. 318, д. 307.

Положение их было очень тяжелым. Они получали низкую заработную плату, работая по 14—16 часов в сутки, жили в сырых, холодных казармах или землянках по несколько семей в одной комнате. О неимоверно тяжелых условиях труда и жизни рабочих можно судить по рассказу очевидца: «Коряковское озеро (недалеко от Павлодара.— *Б. С.*) составляет казенную собственность... На озере каждый год работает до тысячи, а иногда и более рабочих, почти исключительно киргизы... Киргизы нанимаются и работают артелями. Обыкновенно, с рассвета до 10 час. утра заготовленная накануне соль вывозится на берег, а с 10 час. утра до вечера, конечно, с перерывами происходит ломка и складывание выломанной соли в кучки...

Работа на озере крайне нездоровая, так как при ломке соли приходится стоять по колено в соленой воде, благодаря чему на ногах образуются раны...»[26]

Не в лучших условиях находились рабочие мелких предприятий: мельниц, винокуренных, мыловаренных, салотопенных, кожевенных, маслобойных заводов, а также строительные рабочие, получавшие мизерную плату за работу с раннего утра до поздней ночи.

В период первой русской буржуазно-демократической революции газета «Голос Приуралья» писала о тяжелом положении рабочих различных предприятий Кустаная: «Каменщики работают с восхода до захода солнца, с 1-го мая по 10 октября, т. е. минимум 17 часов в сутки. За этот каторжный труд лучшие мастера получают около 30 рублей в месяц, а полумастера — 15 рублей. Рабочее время длится (сезон) 6 месяцев. Каждый каменщик за это время истратил лично на себя самое меньшее 32 руб. 50 коп., по следующему расчету: квартира — 12 руб., обувь — 5 руб., белье и фартуки — 8 руб. 50 коп., дрова — 6 руб. Кроме этого, обязан приобрести мелкий инструмент: кирки, молотки, ведерки и прочие.

Таким образом, каменщики первого типа получат за 17-часовой каторжный труд около 90 копеек, а второго — 15 с половиной в день»[27].

Далее газета разоблачала кабальный характер условий договора между предпринимателями и рабочими. «За прогульный день рабочий платит штраф 2 руб.; хозяин вычитывает дневное жалование в случае болезни рабочего; рабочий обязан исполнить бесплатно ту работу, которую подрядчик найдет выполненной неаккуратно; хозяину-подрядчику предоставляется право во всякое время уволить рабочего, но если последний бросит работу до срока, то обязан заплатить 50 рублей неустойки.

Вот при таких условиях приходилось каменщикам зарабатывать насущный кусок хлеба. Не только в поте, но и в крови лица они добывают хлеб. Нисколько не лучше положение и остальных рабочих: плотников, столяров и прочих»[28].

О нелучшем положении рабочих шерстомойки подробно писала газета «Семипалатинский листок». В шерстомойке Семипалатинска в основном работали женщины, дети и казахи. «Рабочий день у них начинается с 3-х часов утра и продолжается, с небольшим перерывом, до 9 часов вечера. За этот каторжный труд они получают: мужчины самое большое 40 коп., а женщины — 25—30 коп., дети 15 коп. в сутки». Живут они в

---

[26] Н. Коншин. От Павлодара до Каркаралинска. «Памятная книжка Семипалатинской области за 1901 год», стр. 14.

[27] «Голос Приуралья», 1907, 18 апреля.

[28] Там же.

бараках и спят на нарах «повалкой все вместе...»[29] На шерстомойках работало немало малолетних детей в возрасте около 10 лет, продолжительность рабочего дня которых была 15 часов[30].

В № 24 этой же газеты описано невыносимо тяжелое положение рабочих мукомольной промышленности. Так, например, следующим образом характеризуются жилищно-коммунальные условия рабочих на мельнице Плещеева в г. Семипалатинске: «Рабочие не могут иметь нормального отдыха благодаря скученности в казармах, где ютятся в одном помещении по пяти семейств. Отсутствие отдельных квартир более всего отражается на рабочих ночной смены, так как семейства рабочих днем не спят и мешают спокойно отдыхать ночной смене».

Еженедельная газета «Трудовая жизнь» (орган профессиональных союзов), выходившая в г. Семипалатинске в период первой русской буржуазно-демократической революции, знакомила читателей с тяжелым положением рабочих, особенно национальных. На страницах газеты писали, что рабочие вследствие голода «пожирают все, что только попадается под руки и что содержит в себе хоть сколько-нибудь питательности»[31]. Здесь же говорилось о положении рабочих кожевенных складов Мусина, Муртазина, Мирсалимова и других татарских купцов, находившихся на окраине города. Рабочие складов получали до 40 коп. в день. Такой скудный заработок заставлял их экономить на своем содержании, чтобы хоть сколько-нибудь денег сохранить для семьи. «Они срезывают с просушиваемых ими вонючих кож, не разбирая, конечно, с какого они скота — колотого или дохлого, жир, — писала газета, — и в этом жиру варят себе баурсак»[32].

О такой же нужде и голоде, невыносимых условиях труда и быта писала другая газета «Уралец». «Плата сравнительно с продолжительностью труда мизерная, об обстановке и говорить нечего. На просрочивших хотя бы 1—2 часа рабочих насчитывается «за прогул» четверть рабочего дня и вообще за прогул взыскивается штраф в двойном размере заработка. Работая 17—18 часов в сутки..., рабочий вечно чувствует себя как бы в кабале»[33], — так рассказывали о своей жизни рабочие экипажных мастерских г. Уральска.

Таково было положение рабочих в национальных районах царской России накануне и в период первой русской буржуазно-демократической революции.

Рабочие и крестьяне России, в том числе колониального Казахстана, были кровно заинтересованы в низложении самодержавного строя. Они шли рука об руку с русскими рабочими и переселенческой беднотой края. Их вел на революционно-освободительную борьбу русский пролетариат, возглавляемый боевой партией большевиков.

2. Начало распространения марксистско-ленинских идей в Казахстане

К концу XIX — началу XX вв. Россия вступила в эпоху империализма. Она стала центром мирового революционного движения, родиной ленинизма. Всепобеждающие идеи революционного марксизма проникали во все уголки страны, в том числе и в казахскую степь.

---

[29] «Семипалатинский листок», 1906, 7 июля.
[30] Там же, 1906, 6 июня.
[31] «Трудовая жизнь», 1907, 15 апреля.
[32] Там же.
[33] «Уралец», 1905, 26 октября.

Первые семена революционного марксизма были занесены в Казахстан русскими ссыльными революционерами — социал-демократами.

В этом отношении показательна революционная деятельность одного из активных членов социал-демократической организации Украины и Прибалтики Анны Семеновны Кочеровской, сосланной в 1894 г. в г. Верный (Алма-Ата).

В некрологе, напечатанном в журнале «Большевик Украины», говорилось, что А. С. Кочеровская, находясь до 1897 г. в г. Верном, «начала работать над вопросами марксистской методологии, совмещая практическую революционную работу с научной работой»[34].

В условиях сурового жандармско-полицейского надзора, строгой конспиративности она активно пропагандировала идеи марксизма-ленинизма в одном из отдаленных, отсталых районов страны, в Семиречье. Это — не единичный факт. По далеко не полным данным, к середине 1902 г. в г. Усть-Каменогорске под строгим надзором полиции состояло 10 политических заключенных. Кроме того, здесь постоянно жило несколько «бывших поднадзорных», которые вместе с новоприбывшими политическими ссыльными вели революционную пропаганду среди рабочих горнозаводского Алтая. Чтобы пресечь распространение передовых идей марксизма-ленинизма в Усть-Каменогорске, степной генерал-губернатор 23 июня 1902 г. потребовал от военного губернатора Семипалатинской области не высылать больше в город политически неблагонадежных лиц[35].

Группа членов «Сибирского социал-демократического союза», сосланная в 1904 г. в города Акмолинск, Каркаралинск, находясь в подчинении местной полиции, вела революционную пропаганду среди населения городов и уездов. Они «обсуждали вопросы политики и быта рабочих, читали подпольную литературу», распространяли «противоправительственные прокламации и вербовали новых членов, которых до принятия в свой кружок обучали» тактике революционной подпольной работы и знакомили с идеями марксизма-ленинизма[36].

Идеи марксизма-ленинизма проникали в Казахстан из Центральной России, а также из ближайших крупных промышленных городов и политических центров Сибири, Урала и Поволжья. Активными носителями идей революционного марксизма в Казахстане были также железнодорожные и заводские рабочие. Благодатной почвой для распространения идей марксизма-ленинизма были переселенческое крестьянство, городская беднота и учащаяся молодежь. В секретном уведомлении на имя министра внутренних дел степной генерал-губернатор, характеризуя политическое состояние края, писал, что «рассылка и вообще распространение прокламаций и нелегальных произведений печати летом 1902 г., а также стачка рабочих — все эти факты свидетельствуют о неустанной подпольной деятельности местных агитаторов, тесно сплоченных общностью целей»[37].

Далее он жаловался, что революционная социал-демократия все больше находит приверженцев среди широких слоев трудового населения Степного края и что усиливается революционное настроение населения Акмолинской области, главным образом городов Омска и Петропавловска.

---

[34] «Большевик Украины», 1931, № 23—24, стр. 94.
[35] ЦГА КазССР, ф. 31, д. 765, л. 2.
[36] Там же, ф. 15, д. 403, л. 1.
[37] Там же, ф. 64, д. 465, лл. 6—9.

В распространении идей марксизма-ленинизма в Казахстане большую роль сыграл Сибирский социал-демократический союз. Прокламации и воззвания союза расходились по всему Степному краю, как, например, «К рабочим и работницам Сибири», «К обществу», «Товарищи рабочие», «Тайный циркуляр военного министра Амурскому генерал-губернатору Субботину» и другие, призывавшие рабочих и всех трудящихся к революционно-освободительной борьбе против самодержавного строя.

Сибирский социал-демократический союз печатал их в Омске и Томске и затем рассылал по почте своим местным агитаторам и пропагандистам, в том числе жившим в Акмолинской и Семипалатинской областях. В рапорте начальника Омского отделения жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги от 24 апреля 1902 г., адресованном на имя военного губернатора Акмолинской области, говорилось об изъятии 418 запечатанных писем на имя разных лиц, в которых «оказалось 19 дерзких воззваний к рабочим противоправительственного содержания за подписью «Сибирский социал-демократический союз»[38]. Военный губернатор приказал местной охранке усилить строгий надзор над населением, прежде всего над рабочими.

В связи с широким распространением идей марксизма-ленинизма среди рабочих и крестьян края 5 декабря 1902 г. степной генерал-губернатор Сухотин просил министра внутренних дел «объявить в положении усиленной охраны города Омск и Петропавловск с их уездами»[39].

Эти факты свидетельствуют об активной деятельности Сибирского социал-демократического союза по развертыванию революционной работы, по распространению идей революционного марксизма в Степном крае еще в 1901—1903 гг.

В воззвании Союза «К рабочим и работницам Сибири», напечатанном 1 марта 1903 г. и распространенном в Акмолинской области, пропагандировался союз рабочего класса и крестьянства, гегемония пролетариата в народной революции. «Родился, возрос и окреп русский рабочий класс; тот класс, — говорится в воззвании, — который способен услышать призыв к борьбе, способен поддержать его и уничтожить ненавистное русское самодержавие»[40]. Далее говорилось, что «революционная армия русского пролетариата, всегда готовая услышать голос смелого призыва, понять и отозваться на него, — казнит теперь не царя-самодержца (имеется в виду убийство Александра II. — *Б. С.*), а русское самодержавие. На развалинах царского трона русский рабочий класс развернет все свои силы и, встав в ряды международного пролетариата, вместе с ним уничтожит буржуазный капиталистический строй и воздвигнет царство социализма».

Воззвание заканчивается революционными лозунгами: «Да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

Долой царское самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!»[41]

В этом воззвании, кроме идеи нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, гегемонии пролетариата, выдвигается другая марксистско-ленинская идея — перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, что сыграло громадную роль в полити-

---

[38] Там же, ф. 369, д. 902 а, л. 2.
[39] Там же, ф. 64, д. 465, л. 9.
[40] Там же, ф. 369, д. 846, л. 13.
[41] Там же.

ческом воспитании рабочего класса Сибири и Казахстана в эпоху империализма.

Воззвание «К обществу» было издано в связи с полицейской расправой 18 февраля 1903 г. над демонстрацией томских студентов. Их «избивали нагайками, палками, били шашками и железными цепями, топтали ногами, хватали за волосы, били о помост и сбрасывали через перила моста на лед реки Ушайки. Много избитых, есть и серьезно раненные, из коих один умер на следующий день»[42]. Слух о кровавой расправе над мирной демонстрацией студентов быстро разнесся по всей Сибири, в Степном крае и у всех честных людей, «вызвал самое искреннее негодование по адресу... политического режима»[43].

Сибирский социал-демократический союз разъяснил томским студентам и всем трудящимся Сибири, что «в настоящий исторический момент, переживаемый Россией, единственно серьезной революционной политической силой является русский рабочий класс. Все угнетенные и обиженные царским самодержавием найдут самую надежную помощь и защиту в русском пролетариате, смело и грозно поднявшемся на борьбу с ненавистным царским деспотизмом»[44].

В воззвании говорится о приближении грандиозной народной революции и расплате царского самодержавия за палачество. «Россия переживает теперь тревожное время. Не сегодня — завтра грянет гром и перед царским самодержавием, залитым с ног до головы кровью народа — предстанет его грозный судья, восставший русский народ. И каждый теперь же обязан способствовать приближению этого великого дня. Каждый обязан быть готовым как следует встретить его»[45]. Очевидно, воззвание было написано профессиональным революционером-большевиком, сосланным в Сибирь.

В воззвании «Товарищи рабочие», написанном в апреле 1903 г. и посвященном 1 мая, выдвигались лозунги буржуазно-демократической революции, т. е. о свержении самодержавия, установлении демократической республики и восьмичасового рабочего дня[46].

Союз, вооруженный марксистско-ленинскими идеями пролетарского интернационализма, пропагандировал идеи дружбы угнетенных и порабощенных масс, братство и солидарность рабочего класса всех народов России.

В прокламации, напечатанной в июле 1903 г., рабочий класс и все трудовое население призывалось к сплочению вокруг Российской социал-демократической рабочей партии для непримиримой борьбы сначала с царизмом, а затем с буржуазией[47].

Большую помощь в распространении марксистско-ленинских идей в стране, в том числе и в Казахстане, оказала созданная В. И. Лениным газета «Искра». Жизнь рабочего класса России как центральных губерний, так и национальных окраин была на ее страницах одной из ведущих тем. В газете появились материалы, посвященные положению рабочих в Казахстане. Отдельные номера ленинской «Искры» расходились в крае прежде всего среди железнодорожных рабочих.

---

[42] Там же, ф. 369, д. 846, л. 29.
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] Там же, л. 6.
[47] Там же, л. 68.

Важную роль в пропаганде идей марксизма-ленинизма в Казахстане сыграло распространение марксистской литературы, произведений В. И. Ленина, программы РСДРП, принятой на II съезде партии.

Под руководством сначала Сибирского социал-демократического союза, затем Омского комитета РСДРП глашатаями ленинских идей в северных районах края выступали местные революционно-марксистские кружки.

Первый марксистский кружок, организованный в конце 1902 г. в г. Петропавловске, состоял исключительно из политических ссыльных. Лиц, находившихся в городе в это время под строгим надзором полиции, насчитывалось до 150 человек. Члены кружка были связаны с железнодорожными рабочими и вели среди них революционную работу.

В 1903 г. революционно-марксистский кружок возник и среди железнодорожных рабочих Петропавловска. Ядром его стала группа революционных рабочих железнодорожных мастерских, высланная из Омска, среди которых несколько человек являлись членами Омского комитета РСДРП. Кружок имел ленинско-искровское направление, и к концу 1903 г. число его постоянных участников доходило до 10 человек. Члены кружка держали связь с Омским комитетом РСДРП и вели революционную работу среди железнодорожных рабочих Петропавловска. Деятельность кружка особенно активизировалась с 1904 г. в связи с русско-японской войной и обострением революционного кризиса в стране. Его члены установили связь с рабочими, беднотой и учащейся молодежью и пропагандировали среди них идеи марксизма-ленинизма, гегемонии пролетариата, союза пролетариата и крестьянства, пролетарского интернационализма. Участники кружка впоследствии явились ядром Петропавловской группы Омского комитета РСДРП, возникшей в 1905 г.

Примерно в 1902 г. в г. Оренбурге также возникает марксистский кружок, организованный сосланным сюда старым марксистом Давидом Григорьевичем Гансбургом. В состав кружка вошли столяр Григорий Жоров, его сестра Ева Жорова, рабочие ж.-д. мастерских Славин и Мордовин, Дмитрий Наронович, крещенный казах-семинарист Чернов, семинарист Богоявленский, ссыльный социал-демократ Завойко и др.

Работа кружка до революции 1905 г. ограничивалась, главным образом, распространением социал-демократической литературы в городах Оренбургской губернии и Тургайской области, которую удавалось получать «с оказией» из Питера, Москвы и Самары[48]. Д. Наронович вспоминает, что вблизи города, в Сакмарском лесу, в вырытой яме, обложенной дощечками, был устроен склад литературы. «Семинаристы-киргизы жили близко от меня, в монастыре, — пишет он, — и, голодая от «постной» пищи, питались больше нашей литературой»[49]. Этот кружок, явившийся зародышем Оренбургской группы (комитета) РСДРП, вел большую работу по распространению идей революционного марксизма среди различных слоев населения — рабочих, крестьян, мелких служащих, учащейся молодежи. Весьма интересно, что в кружке участвовала и учащаяся казахская молодежь.

В Казахстане начали свою революционную деятельность такие видные деятели большевистской партии, как М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев.

М. В. Фрунзе родился в 1885 г. в г. Пишпеке (ныне Фрунзе) Семиреченской области, где отец его работал фельдшером. «Получив начальное образование в школе,—пишет в своей биографии М. В. Фрунзе, я по-

[48] «1905 год в Оренбургской губернии». Оренбург, 1925, стр. 7—8.
[49] Там же.

ступил в гимназию в г. Верном, которую и окончил в 1904 году. По окончании гимназии поступил в Петербургский политехнический институт. Первое знакомство с революционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования»[50]. М. В. Фрунзе, живя в Петрограде, не терял связи со своими верненскими друзьями, переписывался с ними и знакомил их с событиями, происходящими в столице.

В. В. Куйбышев родился в 1889 г. в г. Омске, откуда его родители вскоре переехали в г. Кокчетав. В 13—14-летнем возрасте он уже участвует в подпольных сходках революционной молодежи Кокчетава. В 1903 г., будучи учеником Омского кадетского корпуса и приехав летом на каникулы, 15-летний Валериан Владимирович привез из Омска революционные прокламации и распространял их среди рабочих, кустарей, молодежи и солдат местной воинской команды.

Один из участников собраний революционно настроенной молодежи г. Кокчетава подробно описывает деятельность В. В. Куйбышева летом 1903 г. «Помнится мне один случай, — вспоминает очевидец, — был жаркий июльский день. В. Куйбышев с товарищами с 10—11 часов собрались в поле, взяв с собой балалайки и гитары. Пройдя 4 километра, мы свернули в густой сосновый бор, где расположились. Высылаем дозор рассмотреть, нет ли кого в окружении... Собрались все в круг. Куйбышев и другие начали говорить о том, как плохо живется при царизме, и по другим политическим вопросам. После выступлений пропели «Марсельезу» и разошлись по домам»[51].

Этот кружок, возникший в 1903 г., состоявший в основном из революционно настроенной учащейся молодежи г. Кокчетава, организационно и идеологически не смог подняться до уровня местной группы РСДРП, что объясняется отсутствием в городе значительных промышленных предприятий и, следовательно, кадров промышленного пролетариата. Деятельность кружка протекала периодически и, несмотря на это, он проделал заметную работу по пропаганде идей марксизма-ленинизма накануне первой русской революции среди трудящихся города.

Накануне певой русской революции идеи марксизма-ленинизма в Казахстане распространяла Омская организация РСДРП. Прокламации и листовки, составленные ею, расходились в основном в северных и восточных районах края.

В воззвании Омского комитета РСДРП, напечатанном на гектографе 18 апреля 1903 г. и посвященном 1 Мая, пропагандировалась ленинская идея о двух этапах революции: о буржуазно-демократическом, а затем пролетарском. Воззвание призывало бороться «за такой общественный порядок, при котором все средства производства, все фабрики и заводы сделаются общественной собственностью, а не будут принадлежать... кучке крупных предпринимателей, вытягивающих жилы из рабочего народа: только при таком условии рабочий освободится от наглой эксплуатации капиталистов»[52]. Далее в воззвании позором клеймилось царское самодержавие, культивировавшее в стране «произвол наглых проходимцев, сплотившихся вокруг царского трона» и лишавшее народ элементарных прав. Здесь же разоблачалось мошенничество, осуждалось надругательство и произвол со стороны капиталистов и царских слуг

---

[50] М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., 1934, стр. 1.

[51] «Валериан Владимирович Куйбышев. Материалы к биографии». М., 1936, стр. 14.

[52] ЦГА КазССР, ф. 369, д. 846, л. 3.

над рабочими. «На каждое справедливое требование рабочих у нас отвечают казацкими плетьми, поркою при полиции, нередко солдатскими пулями». В воззвании подчеркивалось, что злейшим врагом рабочего класса и всех трудящихся масс страны является «самодержавный царь, окруженный гнусной шайкой полицейских и шпионов»[53]. Воззвание заканчивается лозунгами и призывами буржуазно-демократической революции.

Таким образом, еще накануне первой русской революции проникшие в край отдельные произведения В. И. Ленина, прокламации и воззвания социал-демократических организаций, деятельность политических ссыльных, а также М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева посеяли первые семена революционного марксизма в Казахстане.

3. В период подъема революции

Весть о кровавом злодеянии царя, расстрелявшего безоружных рабочих Петербурга 9 января 1905 г., быстро разнеслась по казахской степи. «За Петербургом последовали окраины,— писал В. И. Ленин, — где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»[54]. В городах и селениях, на собраниях рабочих и городской бедноты, а также на сходках крестьян-бедняков раздавались голоса протеста против гнусного царского произвола.

В г. Верном 12 января 1905 г. на собрании интеллигенции, созванном по случаю годовщины Московского университета, присутствовали и рабочие городских предприятий. Демократически настроенные интеллигенты и рабочие выразили протест против царского злодеяния.

В Ташкенте, являвшемся административным центром Сыр-Дарьинской области и всего Туркестанского края, протест выразили более 300 рабочих, присутствовавших 12 января на собрании интеллигенции, созванном по такому же поводу. На собрании выступали члены местной социал-демократической группы, рассказывавшие о тяжелом и бесправном положении рабочих и крестьянской бедноты в России, о кровавой расправе над безоружными рабочими 9 января в Петербурге. Ораторы призывали трудящиеся массы к борьбе против самодержавия, выдвигали требования о 9-часовом рабочем дне, о провозглашении демократической республики на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов и о свободе слова, печати, собраний, союзов и т. п.

В своем рапорте на имя генерал-губернатора городской голова Ташкента писал, что выступления рабочих-ораторов были в социал-демократическом духе, с критикой действий правительства.

Собрание приняло резолюцию, требовавшую уничтожения царизма и немедленного созыва Учредительного собрания, уравнения в правах всех национальностей, амнистии всем политическим заключенным, уничтожения всех сословий, привилегий и т. д. На собрании были распространены социал-демократические прокламации, призывавшие к решительной борьбе против царизма.

В административном центре Акмолинской области и всего Степного края — Омске по случаю кровавого воскресенья 9 января произошла демонстрация рабочих и городской бедноты. Ораторы, выступавшие на демонстрации, клеймили позором царское самодержавие и требовали наказать царских опричников, расстрелявших рабочих.

---

[53] Там же.
[54] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308.

Учившийся в то время в Омском кадетском корпусе В. В. Куйбышев руководил учащимися, пославшими в Петербург протест царскому правительству.

В середине февраля 1905 г. по всей линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги на станциях: Туркестан, Перовск, Джусалы, Казалинск, Челкар происходили забастовки рабочих. На собраниях железнодорожники требовали улучшения экономического положения и сокращения рабочего дня.

Наиболее крупная забастовка рабочих произошла 19 февраля в железнодорожных мастерских ст. Ташкент. Число бастовавших достигло 1000 человек. Рабочие выдвинули требования, состоявшие из 20 пунктов: 8-часовой рабочий день, празднование 1 Мая, ограничение сверхурочных работ, увеличение поденной платы до 25%, уравнение условий труда ремонтных рабочих с прочими, отмена штрафов, свобода собраний, союзов, стачек, охрана труда подростков и т. д. Был избран стачечный комитет, который выпустил листовки, призывавшие рабочих к решительной борьбе за выполнение предъявленных требований. К забастовке железнодорожных рабочих присоединились и рабочие городских предприятий. Бастовавшие добились некоторых уступок: был установлен 9-часовой рабочий день и 7-часовой рабочий день накануне двунадесятых праздников и воскресных дней, некоторым категориям рабочих увеличили заработную плату[55].

Забастовка ташкентских рабочих укрепляла их классовую солидарность, повышала политическое сознание борющихся масс.

В марте бастовали железнодорожные рабочие Оренбурга, являвшегося административным центром Тургайской области и всего Оренбургского края. На митингах и собраниях социал-демократические ораторы не только выдвигали экономические требования, но и выступали против царской монархии.

Кровавое воскресенье вызвало негодование и у переселенческой бедноты края. В январе — феврале 1905 г. на крестьянских сходках деревенская беднота называла Николая кровавого «злодеем и грабителем», «дураком»[56].

В ходе нарастания первой народной революции в России определились позиции и стремления классов и партий. Каждая политическая партия стремилась выработать свою тактику в революции, свое отношение к другим классам, политическим партиям и течениям, а также свое отношение к самодержавному строю. Развитие революции вынудило и царское правительство выработать свою тактику, направленную на локализацию и подавление революционного движения в стране. Оно образовало различные комиссии по рабочему и крестьянскому вопросам, деятельность которых ни к чему не привела. Царское правительство решило созывом Булыгинской думы, изданием манифеста о «даровании Конституции» отуманить сознание народных масс.

Подъем революционного движения в стране поставил перед РСДРП первоочередную и неотложную задачу — определить свою тактическую линию в буржуазно-демократической революции. Оставаясь на раскольнических позициях, меньшевики к своим старым разногласиям с большинством партии по организационным вопросам, возникшим на II съезде РСДРП, добавили и навязали новые разногласия — по тактическим вопросам.

---

[55] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, 1905, д. 384, лл. 24—26, 33—34.

[56] «Революция 1905—1907 годов в Казахстане». Сборник документальных материалов. Алма-Ата, 1949, стр. 71.

Большевики немедленно созвали III съезд РСДРП (Лондон, 25 апреля — 10 мая 1905 г.), на котором выработали подлинно революционную тактику партии рабочего класса.

В своей знаменитой книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (июль 1905 г.) В. И. Ленин обосновал и развил большевистскую тактику, принятую на III съезде партии.

Решения съезда и книга В. И. Ленина явились для большинства партийных организаций боевой программой борьбы за победу народной революции в России и легли в основу всей практической деятельности партии в годы революции.

После III съезда партии омский, оренбургский, ташкентский комитеты РСДРП усилили свою работу на территории Казахстана.

Они распространяли прокламации и листовки среди трудящихся городов и селений, в воинских частях. Комитеты призывали крестьянскую массу в союзе и под руководством пролетариата вести решительную борьбу против самодержавия и его местных органов. В одной из прокламаций ташкентского комитета РСДРП говорилось: «Дети народа, вы должны понимать, что только в союзе с ним, с российским рабочим людом, сражаясь под его знаменем за дело свободы и счастья, вы будете непобедимы... Идя вместе с пролетариатом, ведя одну общую борьбу по общему плану, вы сможете нанести врагу последний удар»[57].

Комитеты РСДРП призывали народ к сплоченности и организованности. Разоблачая предательскую политику трусливой либеральной буржуазии и ее прислужников, они выступали в защиту интересов трудящихся без различия их национальности. Революционные призывы омского, оренбургского и ташкентского комитетов РСДРП находили живой отклик у трудящихся Казахстана. Рабочие городов, трудящиеся аулов, переселенческих сел и деревень поднимались на борьбу против самодержавия.

Весной 1905 г. в аулах происходили волнения. Об этом, например, в своем письме от 16 апреля 1905 г., адресованном военному губернатору Семиреченской области, писал туркестанский генерал-губернатор: «По полученным мною сведениям, среди киргизского населения за последнее время замечается некоторое брожение, вызываемое, очевидно, доходящими до них слухами противоправительственного характера»[58]. Далее он советовал областной администрации «предложить уездным начальникам и участковым приставам установить самый тщательный надзор за кочевниками» и в случае «появления среди них неблагонадежных лиц, могущих волновать население, немедленно... принимать меры к выдворению таких лиц из среды кочевников»[59].

Трудящиеся аулов, переселенческих сел и деревень с весны 1905 г. нередко открыто выражали свое недовольство местной царской администрации. Имелись случаи потрав посевов, сенокосных и пастбищных угодий, угона скота, принадлежавшего кулачеству и атаманской верхушке казачьего войска. 10 марта 1905 г. военный губернатор Семиреченской области издал специальный приказ, в котором говорилось, что станичные и выселковые атаманы и крупные арендаторы земель «часто обращаются в войсковое управление за содействием по поводу стеснения их соседними крестьянами или киргизами, выпускающими на их владения скот, вытравляющий хлеба, сенокосы и прочие угодья»[60].

---

[57] ЦГА КазССР, ф. 380, д. 1, л. 201.

[58] «Революция 1905—1907 гг. в Казахстане...», стр. 71.

[59] Там же.

[60] Е. Федоров. Революция 1905—1907 годов в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.

Одновременно начались выступления трудящихся казахов против баев и местной царской администрации. Например, выступление трудящихся Арганатинской волости Лепсинского уезда Семиреченской области в начале 1905 г., поводом для которого послужили злоупотребления управителя волости. Он самовольно забрал у жителей аула № 4 за недоимки несколько верблюдов. В ответ на произвол группа в 40—50 человек избила дубинками его и сопровождавших его стражников и баев. Число недовольных росло и быстро достигло 200 человек. Управитель был уведен в степь и убит[61].

Царская власть жестоко преследовала и наказывала активных участников борьбы за свои права. Однако никакие репрессии не смогли остановить движения народных масс. Усилению революционных настроений трудящихся масс в Казахстане способствовало поражение царизма в русско-японской войне. Верненский уездный начальник писал, например, что неудача царизма в войне «несомненно сказалась в понижении престижа власти в глазах киргиз»[62].

В своей борьбе с революционным движением царское правительство опиралось на черносотенцев, кадетов и националистов. Феодально-байская верхушка аула и мусульманское духовенство выступали как классовая опора царизма в его попытках подавить революционное движение в Казахстане. Духовенство активизировало свою деятельность, направленную против освободительного движения народных масс, стремясь увести его в русло панисламизма и пантюркизма. По его инициативе, поддержанной феодальной верхушкой и национальной буржуазией возникли реакционные антинародные пантюркистские организации «Иттифак», ставившие своей целью отторжение Поволжья, Средней Азии, Казахстана и некоторых других окраин от России и присоединение их к султанской Турции, за спиной которой стояла империалистическая Англия. Такие организации были созданы татарской буржуазией в Семипалатинске, Петропавловске, Акмолинске, Верном и некоторых других городах.

Царское правительство шло на некоторые уступки мусульманскому духовенству, стремясь привлечь его на свою сторону. Еще в 1900 г. оно разрешило паломничество в Мекку, бывшее до этого под запретом якобы ввиду эпидемии в Аравии. Царские власти предоставляли своим местным органам право разрешать духовенству, баям и национальной буржуазии строить мечети и открывать духовные школы.

По царскому указу от 17 апреля 1905 г. мусульманскому духовенству разрешалось преподавание ислама в школах на казахском языке, а также было дано обещание пересмотреть действовавшее до этого «Положение религиозного быта мусульман», по которому право духовенства распространять культ магометанской религии ограничивалось. По положению, утвержденному Комитетом Министров 18 июня 1905 г., предполагалось допустить начальное обучение в школах на казахском языке и подтверждалось прежнее обещание о льготах мусульманскому духовенству, феодалам и баям. Положение сулило «усиление выборного начала в волостные управления степных областей».

В период первой русской революции казахская феодально-байская верхушка, как и мусульманское духовенство старательно служила царизму. Стремясь во что бы то ни стало увести трудящиеся массы от революционной борьбы, она организовала «петиционную» кампанию. 25 июля 1905 г. на Куяндинской ярмарке (вблизи г. Каркаралы) со-

[61] «Казахстанская правда», 1935, 22 января. См. ст. Е. Федорова.

[62] Е. Федоров. Революция 1905—1907 годов в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.

стоялся байский съезд, на котором была выработана петиция к царю. В ней главное место занимали вопросы организации в Казахстане особого мусульманского духовного управления, строительства мечетей, открытия духовных школ, выдачи заграничных паспортов для паломничества в Мекку[63] и т. д.

Антинародная сущность, своекорыстие, лицемерие мусульманского духовенства, феодально-байской верхушки и националистической интеллигенции проявлялись во многих событиях того времени. Сохранилось письмо одного казаха, жителя Уральской области, в котором говорилось, что «никаких общественных нужд киргизские «бас-адамы» в лице аксакалов не осуществляют и все заняты вопросами о должностях... корысть стала доминирующим стимулом деятельности всех «бас-аламов»... без подкупов и без взяток ничего у них не делается и не творится...»[64].

Этот документ выражает чувства трудящихся масс и свидетельствует об антинародной контрреволюционной роли феодально-байской верхушки и казахской националистической интеллигенции в годы первой русской революции.

Цели отвлечения внимания трудящихся масс восточных районов России от революции служил созванный по инициативе панисламистов и пантюркистов Уфы и Казани в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде на р. Оке (на пароходе «Густав Струве») Всероссийский мусульманский съезд, в работе которого участвовали представители духовенства Туркестана и степных областей. Созыв съезда был разрешен правительством, поощрявшим всякое реакционное антинародное движение, уводившее трудящиеся массы от общего русла освободительной борьбы. О составе делегатов можно судить хотя бы по тому, что съезд начал свою работу с намаза (молитвы) в честь царя-самодержца. Решения съезда были выдержаны в духе программы кадетов. Съезд образовал проправительственный «Всероссийский мусульманский союз».

Спустя год (16—20 августа 1906 г.) в Нижнем Новгороде состоялся 3 Всероссийский мусульманский съезд. При обсуждении кадетского по духу проекта программы «Всероссийского мусульманского союза», разработанного представителями духовенства и феодальной верхушки, против него выступила оппозиционно настроенная группа делегатов, мотивировавшая свое несогласие классовыми противоречиями, разделяющими мусульманские массы, которые делают «невозможным объединение всех мусульман на политико-экономической почве в одной программе». Сознательные мусульмане, писали они в своем проекте резолюции, «никоим образом не могут присоединиться к постановлению съезда о принятии буржуазной программы, именующейся «мусульманской конституционно-народной», и ее партии, стремящейся к затемнению классовых интересов трудовых элементов». Эта группа считала «своим нравственным долгом выразить протест против постановления съезда, относящегося к политико-экономической части программы»[65].

Судя по содержанию проекта резолюции, представленной оппозиционной группой, она состояла из представителей прогрессивной мусуль-

---

[63] «Семипалатинский листок», 1906, № 84, 85.

[64] Е. Федоров. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925, стр. 41—46. (Приведенные в цитате выражения: «бас-адам» и «бас-алам» представляют собой игру слов. *Бас-адам* — старейшина, *бас-алам* — головорез. — *Ред.*).

[65] См. фото-фоно фонд Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, инв. № 1187, 1202.

манской интеллигенции. Группа использовала трибуну съезда для разоблачения антинародной сущности программы «Всероссийского мусульманского союза» и противопоставила ей специальную резолюцию, составленную в духе программных требований РСДРП, защищавшую «классовые интересы пролетариата и трудового крестьянства»[66].

Отсюда очевидна несостоятельность суждений приверженцев теории «единого потока» национального движения среди народов мусульманского Востока России в период первой русской революции. Этой точки зрения придерживаются многие авторы, хотя В. И. Ленин еще в «Докладе о революции 1905 года» писал: «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России *больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.),* населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют. Напр., мусульмане, составляющие десятки миллионов населения России, с изумительной быстротой организовали тогда — это была вообще эпоха колоссального роста различных организаций — мусульманский союз»[67].

Разумеется, В. И. Ленин придавал серьезное значение национальному движению угнетенных народов Российской империи, которое было направлено на ослабление царизма и империалистической буржуазии. В период первой русской революции В. И. Ленин, несомненно, видел в национальном движении два направления — народно-революционное, являвшееся резервуаром буржуазно-демократической революции, и феодально-байское, колебавшееся между царизмом и либеральной буржуазией и в конечном счете служившее на руку помещикам и контрреволюционной буржуазии, следовательно, являвшееся резервом царизма и русской либеральной буржуазии.

В. И. Ленин всегда учил, что в национальном движении имеется определенная общность, вытекающая из общенациональных интересов, и вместе с тем имеется непримиримое расхождение, обусловленное классовыми противоречиями. При определении роли и значения освободительного национального движения как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции В. И. Ленин отводил главное, решающее место участию трудящихся масс национальных районов в революции *под руководством пролетариата,* высоко ценил деятельность революционно-настроенной прогрессивной национальной интеллигенции и особенно дорожил работой местных групп РСДРП.

В ходе нарастания первой русской революции трудящиеся Казахстана все больше убеждались в том, что феодально-байская верхушка ни в какой степени не заботится о нуждах народа, и царь никогда не сделает сколько-нибудь значительных уступок угнетенным массам. Вот почему казахские рабочие и крестьяне рука об руку с русскими рабочими и переселенческим крестьянством выступали против царизма.

Летом 1905 г. произошли аграрные волнения в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях, встревожившие царских чиновников. Крестьяне Баян-Аульского и Павлодарского уездов открыто выступили против узурпации общинных земель. Они требовали конфискации земли крупных феодалов Чормановых и раздачи ее безземельным. Крестьяне напали на аул Чормановых и угнали их табуны. Царская администрация направила в этот район карательный отряд.

Тогда же поднялась и казахская беднота, арендовавшая на крайне невыгодных условиях земли Сибирского казачьего войска и кабинет-

[66] Там же.
[67] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 241.

ские участки в Бель-Агачской и Кулундинской степях, и земли, принадлежавшие Алтайскому горному округу. В движение втянулась и аульная беднота Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Крестьяне избивали царских чиновников, обиравших местное население. Они подавали петиции, в которых жаловались на чиновнический произвол. Движение усиливалось, в него вовлекались все новые слои населения. Царская администрация подавила его с помощью военно-полицейских сил. Так было, например, в Иргизском уезде Тургайской области, где трудовое казахское население предъявило требования об обеспечении их землей и освобождении из-под стражи руководителей аграрного движения 1903 г.

Известны случаи открытого и демонстративного бойкота народными массами губернских и уездных властей. В июле 1905 г., например, население одного из аулов Акмолинского уезда наотрез отказалось дать сменных лошадей акмолинскому военному губернатору, объезжавшему область с инспекционной целью. Более того, население аула избило стражников, посланных за лошадьми, и предъявило ультиматум уряднику, прибывшему на выручку своим сотрудникам[68].

Аграрное волнение происходило тем же летом в Чимкентском и Аулие-Атинском уездах Сыр-Дарьинской области. В августе 1905 г. Туркестанский генерал-губернатор сообщал в Петербург, что «агитация против государственного порядка и общественного спокойствия может иметь большой успех среди местного населения туземцев, среди которого до сих пор есть лица, не могущие примириться с русским владычеством и питающие еще надежду на освобождение»[69]. Он настоятельно просил военного министра ввести усиленную охрану в Чимкентском, Аулие-Атинском и Ташкентском уездах.

Выступления аульной бедноты происходили под влиянием рабочего движения. В своем рапорте от 19 июня 1905 г. на имя степного генерал-губернатора семипалатинский военный губернатор сообщал, что казахское население внимательно следит за всеми происходящими в России революционными событиями, что в казахские аулы пробираются лица из соседних областей и даже из Букеевского ханства, ведущие революционную противоправительственную пропаганду, вследствие чего в области стало неспокойно[70].

Первого мая 1905 г. во многих городах Казахстана происходили демонстрации и собрания, которые организовали члены местных социал-демократических групп. В этот день была проведена однодневная забастовка рабочих железнодорожных мастерских и городских предприятий, учащейся молодежи и городской бедноты Оренбурга. В лесу на берегу Урала произошла маевка. Маевки рабочих и городской бедноты прошли также в Ташкенте, Перовске, Уральске, Верном, Кустанае и других городах. Участники маевок шли с красными знаменами и лозунгами: «Долой самодержавие!», «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих».

Необходимо отметить, что в то время более передовыми были железнодорожные рабочие края, более тесно связанные с промышленными и политическими центрами Европейской части России. Через железнодорожников в Казахстан доходили подробности о нарастающих революционных событиях в центре страны. Именно у них, начиная с лета

---

[68] Е. Федоров. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12.

[69] Там же.

[70] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 485, л. 1.

1905 г., выступления стали носить политический характер. Рабочие Перовска, например, в течение июня и августа часто собирались в районе вокзала, читали прокламации и листовки местной группы РСДРП, в которых говорилось о предстоящем вооруженном восстании по всей стране. Инициаторами собраний были члены возникшей здесь социал-демократической группы — слесарь Давыдов, плотник Торохов, ученик-слесарь Бирюков, тесно связанные с ташкентским комитетом РСДРП[71].

В августе забастовали рабочие Петропавловского депо. Ремонтники выставляли требования об улучшении экономического и бытового положения.

Революционная волна, прокатившаяся по всей стране, с каждым днем поднимала политическое сознание рабочих и крестьян отсталых национальных окраин, в том числе многонационального Казахстана, и пробудила их к революционно-освободительной борьбе.

Возникли социал-демократические группы в Кустанае, Петропавловске, Актюбинске, Перовске и некоторых других городах и промышленных предприятиях края. Деятельностью групп в Акмолинской и Семипалатинской областях руководил Омский комитет РСДРП. Ташкентский комитет РСДРП направлял работу социал-демократических групп и кружков Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, так как Ташкент в то время был политическим центром всего Туркестанского края, куда входила и Сыр-Дарьинская область. Социал-демократическими группами и кружками Уральской и Тургайской областей руководил комитет РСДРП Оренбурга, административно-политического центра всего Оренбургского края и Тургайской области. Уральская группа РСДРП была тесно связана с Саратовским комитетом РСДРП. В Букеевском ханстве революционную работу возглавлял Астраханский комитет РСДРП. Все эти комитеты и их местные группы издавали и распространяли прокламации и листовки среди городских и сельских трудящихся, призывая их к революционно-освободительной борьбе.

Так революционное движение во всех частях Казахстана сливалось с революционным процессом во всей Российской империи. Поэтому нельзя рассматривать историю революционной борьбы трудящихся Казахстана в 1905—1907 гг. изолированно, в отрыве от революционных событий всей страны, прежде всего Оренбурга, Омска, Ташкента.

На развертывании революционного процесса сказывалась многонациональность населения Казахстана. К началу XX века здесь на предприятиях имелось много русских рабочих, авангардная роль которых ярко проявилась в 1905—1907 гг. В этот период складывался и укреплялся боевой союз русских рабочих с формирующимся казахским национальным пролетариатом, переселенческой бедноты с трудящимися аула. Их объединяла общность цели — борьба против самодержавия.

Молодые, еще не окрепшие, социал-демократические группы и кружки уже тогда начинали возглавлять революционное движение рабочих и крестьян. В течение мая — октября 1905 г. в Кокчетавском уезде Акмолинской области распространялись социал-демократические прокламации, в которых трудящиеся города и деревни призывались к революционной борьбе[72]. Подобные прокламации встречались и в Семипалатинске[73], Петропавловске и других городах. В них разоблачались

---

[71] «Русский Туркестан», 1905, 26 августа.

[72] Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 270, д. 8, лл. 59, 64, 112, 141.

[73] Там же, д. 115, л. 307.

гнусные действия полиции, жандармов и местных черносотенцев, звучал призыв к всенародной революционной борьбе против самодержавного строя, к созыву Учредительного собрания и установлению демократических свобод и т. д. В Петропавловске наряду с прокламациями и листовками Омского комитета РСДРП и Петропавловской группы РСДРП было немало прокламаций и воззваний ЦК РСДРП, Томского комитета РСДРП[74]. Прокламации и листовки в период нарастания революции распространялись также в городах и промышленных предприятиях горнозаводского Алтая, в частности в Усть-Каменогорске, в переселенческих селениях и деревнях[75].

Все революционные события в крае направлялись местными кружками и группами РСДРП. Забастовка железнодорожников Казалинска и Челкара летом 1905 г. началась по инициативе местных социал-демократических кружков. Бастовавшие выдвинули не только экономические, но и политические требования: свержение самодержавия, созыв Учредительного собрания.

Царская охранка жестоко преследовала борцов революции. В августе 1905 г. она, например, произвела облаву, в результате которой были схвачены многие члены Петропавловской группы Омского комитета РСДРП[76].

Все революционные выступления трудящихся Казахстана весной и летом 1905 г. говорят об общности и единстве революционного процесса во всей стране, о гегемонии рабочего класса в нем, о союзе пролетариата и крестьянства, о складывавшейся и с каждым днем крепнущей дружбе казахского и русского пролетариата и крестьянства.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане усилилось в период Октябрьской политической стачки и влилось во Всероссийскую стачку, охватившую почти все районы страны. «Барометр показывает бурю!... — писал тогда В. И. Ленин. — Перед нами захватывающие сцены одной из величайших гражданских войн, — войн за свободу, которые когда-либо переживало человечество...». И далее: *«Всероссийская политическая стачка* охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются теперь в одну великую армию свободы и армию социализма»[77].

В этот период местные группы и кружки РСДРП, руководимые Омским, Оренбургским и Ташкентским комитетами РСДРП, развернули массовую политическую работу среди рабочих, крестьян и городской бедноты. Распространялись листовки и прокламации, в том числе прокламации и листовки Центрального Комитета РСДРП, в которых трудящиеся всей страны призывались к созданию революционных комитетов для руководства борьбой против царизма и его местных органов. В одной из прокламаций ЦК РСДРП, конфискованной в 1906 г. в Петропавловском уезде Акмолинской области, говорилось: «Деревня за деревней, волость за волостью, уезд за уездом — поднимается сельская беднота, доведенная до отчаяния. Почти беспрерывное голодание, нищета, холод и мрак — вот удел многомиллионной голытьбы деревенской, ограбленной царским правительством, эксплуатируемой помещиками и кулаками-односельчанами, разоренной дотла неурожаями и

---

[74] Там же, д. 8, лл. 115, 121, 126, 139, 145, 157; д. 115, лл. 382, 420.
[75] Там же, д. 115, лл. 443, 462.
[76] ЦГА КазССР, ф. 427, д. 117, л. 11.
[77] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 361, 362.

поборами. Нет хлеба, нет топлива, нет одежды. И нищете и горю не видно конца, не видно исхода, такое голодное прозябание тянется всю жизнь... Пусть скорее осознает все крестьянство, что царское правительство мешает ему добиться лучшей доли, что только всенародное восстание освободит угнетенный народ, что судьба народа должна быть в руках народа. Пусть же крепнет и растет связь восстающей деревенской бедноты с борющимся рабочим классом, пусть общей будет борьба, общим путь к недалекой уже победе. Пусть дни великой российской революции будут днями дружного единения между рабочим классом, борющимся за социализм, и массой крестьянства, стремящейся освободиться от тяжелых пут старого крепостничества и кабалы... Пусть подобно социал-демократическим рабочим комитетам в городах устраиваются и в деревнях революционные крестьянские комитеты и руководят борьбой крестьян против царского правительства»[78].

Призывы РСДРП находили живой отклик среди трудящихся края. В городах возникали стачечные комитеты, руководимые местными группами РСДРП. Они были созданы в Перовске, Кустанае, Петропавловске, Уральске, на Успенском руднике и других пунктах, в первую очередь расположенных по железной дороге. Здесь происходили массовые демонстрации и стачки, останавливались предприятия, парализовалась деятельность местных правительственных органов. Стачками и демонстрациями в городах были охвачены не только рабочие, но и мелкие служащие, учителя, учащаяся молодежь.

Напуганное мощным подъемом революции царское правительство 17 октября издало манифест, в котором народу были обещаны «незыблемые основы гражданства и свободы (свобода личности)», свобода совести, слова, собраний и союзов и т. д.

Быстро шла теперь перегруппировка классовых сил. Каждая политическая партия по-своему оценила царский манифест, еще раз проверяла, уточняла свои цели и задачи.

Большевистская партия восприняла манифест как маневр царского правительства, рассчитанный на обман народа. Царизм отступил для того, чтобы, выиграв время, перейти вновь в наступление против революции. В. И. Ленин предупреждал рабочий класс и его партию: «Неприятель не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной, и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения»[79].

С удовлетворением встретила царский манифест либеральная буржуазия и близкие ей феодально-байская верхушка аула и мусульманское духовенство. Меньшевики и эсеры также солидаризировались с царским манифестом. Большевики во главе с В. И. Лениным вскрыли оппортунистическую, предательскую позицию меньшевиков и эсеров.

Дальнейшие события подтвердили правоту большевиков. Ни один из пунктов манифеста не был выполнен царским правительством. Перейдя в наступление, царское правительство усилило репрессии против борцов народной революции. Во всех крупных городах страны, в том числе и Казахстане, создавались террористические бандитские дружины, так называемые «черные сотни», которые устраивали массовые избиения рабочих и крестьян, поднявшихся на революционно-освободительную борьбу.

---

[78] ЦГА КазССР, ф. 369, д. 5, л. 31—32.
[79] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 398.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, местные комитеты и группы РСДРП разоблачали лживую суть царского манифеста. В одной из прокламаций Ташкентского комитета РСДРП (октябрь 1905 г.), обращенной «К трудовому народу» и написанной в большевистском духе, говорилось: «...Не поддавайтесь на эту новую провокаторскую удочку. Пролетариат вас зовет бороться с правительством с большим рвением за истинную, а не призрачную свободу. Сейчас нет иного выбора: кто за интересы всего русского народа — с нами, все остальные, как враги народа, пусть вступают в царские провокаторские «партии». Кто не с нами, тот против нас... Долой провокаторов и предателей!»[80] Омский комитет РСДРП в обращении «Ко всем рабочим и гражданам» разъяснил народу, что царский «Манифест — это первая ласточка... вестница крушения русского самодержавия. Но, товарищи рабочие, и вы все, честные русские люди, это не вестница мирного отступления милостивого дарования и примирения царского правительства с пробудившейся русской жизнью. Нет! В такое примирение мы не должны верить; такого иудина лобзания мы должны страшиться. Пусть наш враг отступает, пусть делает шаг назад, мы сделаем десять вперед, мы догоним отступающее чудовище, поразим его и, только перешагнув через его поганый труп, выйдем на волю из российской самодержавной тюрьмы... Только борьбой, смелой, решительной и непримиримой, ни слова доверия царскому правительству и его слугам, с презрением отвергая всякие приманки и позорные предложения, мы завоюем истинную, а не куцую свободу»[81].

Как провокаторы и предатели выступали в Казахстане местные органы помещичьих и буржуазных партий: «Союз 17 октября» (октябристы) — партии крупной буржуазии, «Конституционно-демократической партии» (кадетов) — партии либеральной буржуазии, возникших в октябрьские дни 1905 г. Они по существу помогали черносотенному «Союзу русского народа», полиции и жандармам в подавлении революционных выступлений рабочих и крестьян.

Кадеты, октябристы и черносотенцы имели свои местные комитеты в Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Верном, Ташкенте, Оренбурге, Уральске и в отдельных уездных городах, издавали свои печатные органы, на страницах которых усиленно выступали в защиту самодержавного строя. Нарастание революционных событий в крае напугало и встревожило местные комитеты помещичьих и буржуазных партий и всю царскую колониальную администрацию края. Они настаивали на введении военного положения в Казахстане.

Угрозами и репрессиями царские власти не смогли приостановить движения народных масс. Росла и крепла интернациональная солидарность рабочих, городской бедноты, трудящихся сел, деревень и аулов. Высоко оценив Всероссийскую политическую стачку 1905 г., В. И. Ленин писал, что боевой зов революции «... проникает даже в наглухо запертые казармы, будит самых темных, самых отсталых и самых забитых»[82]. В телеграмме от 14 октября министру внутренних дел и военному министру степной генерал-губернатор вынужден был сообщить, что «ежедневное оповещание телеграфным агентством об успехах руководителей всеобщей забастовки всех отраслей труда и деятельности по всей России с умолчанием о мерах, о деятельности и действиях представителей власти производит потрясающее впечатление, порождает пани-

---

[80] ЦГА КазССР, ф. 380, д. 1, л. 263.
[81] Там же, ф. 369, д. 846, л. 31.
[82] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 313.

ку, возбуждает неспокойные элементы»[83]. Далее царский сатрап просил разрешения ввести в учреждениях связи строгую цензуру, наложив вето на «реляционную деятельность телеграфных агентов» и ходатайствовал о введении военного положения по всей Сибирской железной дороге и в степных областях — Акмолинской и Семипалатинской.

Забастовки и демонстрации во второй половине октября и ноябре 1905 г. повседневно нарастали. 17 октября забастовали железнодорожные рабочие Петропавловска. С красным знаменем, с пением революционных песен свыше 200 рабочих депо пошли в город. По пути они окружили транспортную контору, чтобы вынудить начальство отпустить рабочих и служащих для участия в народной демонстрации. Присоединив к себе несколько служащих этой конторы, бастовавшие проследовали дальше в город. Демонстрация проходила под руководством членов местной группы РСДРП[84]. При помощи солдат местной воинской команды, полиции и жандармов ее удалось рассеять. Местная администрация, видя возрастающее недовольство и революционное настроение рабочих и городской бедноты, била тревогу, по существу объявила город на осадном положении и установила усиленное наблюдение, расставив «сторожевые посты из частей местных войск, которые патрулировали по городу днем и ночью»[85].

17 октября демонстрации происходили в Уральске, 18 и 19 октября — в Ташкенте. Самая большая демонстрация началась 18 октября в Оренбурге и длилась несколько дней. Рабочие городских предприятий и железной дороги, а также мелкие служащие, учащаяся молодежь, учителя с красными флагами, распевая революционные песни, шли по улицам города[86]. Они выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика и 8-часовой рабочий день!» и др. В течение 16—19 октября революционное движение охватило довольно обширный район Оренбургско-Ташкентской железной дороги, от Кинеля до Ташкента. Движение поездов по этой линии приостановилось[87].

В эти же дни массовая забастовка рабочих происходила и на Рязанско-Уральской железной дороге, от Саратова до Уральска включительно. Забастовщиков Уральска горячо поддерживали все слои трудящихся города. Регулярное движение поездов нарушилось. На паровозах и вагонах были вывешены красные флаги и революционные лозунги[88].

19 октября днем в центре Степного края — в Омске в знак протеста против царского манифеста от 17 октября произошла массовая демонстрация рабочих, городской бедноты и учащейся молодежи. Демонстранты прошли по улицам города до железнодорожной станции, «кричали «ура», пели революционные песни, остановившись у окна жандармского управления, пели Марсельезу»[89].

21 октября вновь прошла внушительная демонстрация в Уральске. Рабочие, учащиеся, «толпа людей всех званий, полов и возрастов» с революционными лозунгами и песнями, с криками «ура», прошли по Центральной (Б. Михайловской) улице к центру города. По пути демонстранты освободили «запертых пансионерок в женской гимназии,

---

[83] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 474, л. 74.
[84] ГАОО, ф. 270, д. 115, стр. 429.
[85] Там же.
[86] «Оренбургские епархиальные ведомости», 1905, № 21.
[87] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 233, д. 2555, л. 164.
[88] «Уралец», 1905, 25 октября.
[89] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 4, ч. 70, л. 8.

пансионеров духовного училища, заперли магазины слишком ретивных до торговли Симакова и Зингера, присоединили к себе воспитанников ремесленного училища, отправились на ст. Уральск»[90]. К ним присоединились железнодорожные рабочие и служащие. В этот же день под влиянием революционных событий парализовалась работа станции Уральска и соседних с ней других железнодорожных станций. На станции Ершово бастовавшие железнодорожные рабочие и служащие задерживали пассажирские поезда, заявляя, что «забастовка по всей линии еще продолжается»[91].

С бастующими солидаризировались и пассажиры поездов. В окна вагонов пассажиры вывешивали «красные флаги с крупными надписями революционных лозунгов».

Следует отметить, что в период первой русской революции железнодорожные рабочие выступали как наиболее активная революционная сила. Они шли в авангарде борьбы, оказывая влияние на рабочих других предприятий и всех трудящихся городов и населенных пунктов, расположенных вдоль железных дорог. Под их влиянием 25 октября, например, объявили забастовку рабочие экипажных мастерских Уральска, предъявляя требования об увеличении заработной платы, сокращении рабочего дня, улучшении быта[92].

Всероссийская октябрьская политическая стачка охватила и другие железные дороги — Сибирскую и Оренбургско-Ташкентскую.

22 октября в Омск проследовал специальный поезд с депутацией от рабочих Челябинского и Курганского депо, к которым присоединились делегаты депо Петропавловска для связи с рабочими Омска и выяснения положения в крае. Поезд был украшен красными флагами, на которых были начертаны революционные лозунги[93].

Массовая демонстрация трудящихся прошла 19 октября в Перовске (Ак-Мечеть). В ней участвовали трудящиеся различных национальностей — русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, евреи и др. Несколько раз демонстранты останавливались на перекрестках улиц и площадях, слушали революционные речи ораторов. Затем в помещении привокзального продовольственного склада, где вновь возник митинг, выступали представители местной группы РСДРП. В числе ораторов были рабочий депо Андрей Исаев и А. Торохов, счетовод конторы 5-го строительного участка дороги Новаковский, студент Никольский и другие. Они обрисовали «картину освободительного движения в России на продолжении 50 лет»[94], призывали к революционной борьбе с царизмом. Здесь же был организован стачечный комитет, который по существу выполнял функции революционной народной власти. Им руководил А. И. Торохов. По инициативе комитета тут же было собрано 203 руб. 6 коп. для оказания помощи нуждающимся. А. И. Торохов «организовал при станции Перовск боевую дружину»[95]. Комитет установил связь для согласованных действий[96] с Петербургским и Ашхабадским Бюро союза железнодорожных рабочих и служащих. Стачечный комитет ведал продовольственными делами, обеспечивал общественный порядок

---

[90] «Уралец», 1905, 25 октября.
[91] Там же.
[92] Там же, 26 октября.
[93] Партархив Омской области, ф. 19, оп. 11, д. 14, л. 39.
[94] «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг...», стр. 81.
[95] «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ноябрь-декабрь 1905 г.», ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 976.
[96] ЦГА УзССР, ф. 50, д. 306, лл. 2—12.

и контролировал движение поездов на южном участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги и работу телеграфа на ст. Перовск[97].

Митинг и демонстрация в Перовске продолжались и на следующий день. На митинге выступали представители различных политических партий и течений, но, как сообщил корреспондент большевистской газеты «Русский Туркестан», «вниманием публики овладел представитель социал-демократической партии»[98]. Студент социал-демократ Никольский в своей речи указал «на несостоятельность реформы 1861 г., на развитие фабричного производства в России и эксплуатацию рабочего у нас и на Западе, на несостоятельность государственной Думы, основанной на имущественном цензе»[99].

Забастовки, демонстрации и митинги в Перовске происходили до начала ноября 1905 г.

В конце октября и начале ноября всеобщая забастовка охватила рабочих и служащих южного участка Оренбургско-Ташкентской железной дороги. Попытки управления дороги наладить нормальное движение поездов не увенчались успехом. Работа дороги на участке от Оренбурга до Туркестана была парализована: «пришлось отменить почти все поезда на участке за Туркестаном, в том числе отменен и пассажирский поезд из Казалинска от 29 октября. В тот же день в 6 часов вечера на ст. Перовск кондуктора и служащие тяги, возмущенные приемом входной стрелки, поездная и паровозная бригады убежали; станция до конца забастовки во избежание могущих быть столкновений закрыта для приема всех пассажиров и провизионных поездов. В 50 верстах от Перовска на ст. Соло-Тюбе задержан пассажирский поезд, вышедший в пятницу из Ташкента»[100].

В этих революционных событиях участвовали русские и казахские железнодорожные рабочие. Об этом говорится в воспоминаниях путевого рабочего Абузы Тойчебекова, работавшего и жившего в то время на ст. Соло-Тюбе: «...Выхожу из помещения станции, гляжу — на платформе народ. Волнуется, о чем-то кричит и смотрят все в одну точку. Вижу идет от Перовска паровоз, идет полным ходом под красным флагом... Оглянулся кругом, — веселые все около меня, только жандарм бледный стоит, растерялся.

Поезд пролетел, как дракон, окутался паром, а когда пар растаял, смотрю, высовывается из окна паровоза Мацко — мой старый друг по укладке, и машет нам флагом.

Бросился я к нему, кричу: Здравствуй, Мацко! — А он не замечает и громко рассказывает о забастовке, призывая нас бастовать.

Когда Мацко, наконец, увидел меня, то очень обрадовался. Обнялись мы, точно праздник большой для обеих настал, трясем друг друга за плечи, смеемся»[101].

Этот рассказ старого кадрового казахского железнодорожника, одного из строителей Оренбургско-Ташкентской железной дороги, убедительно показывает, как складывалась и крепла интернациональная солидарность русских и казахских рабочих в октябрьские дни 1905 г.

На южном участке Оренбургско-Ташкентской железной дороги забастовка началась несколько позже, чем на Среднеазиатской железной дороге, но борьба здесь носила более упорный и продолжительный ха-

---

[97] Е. Федоров. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12, стр. 39.

[98] «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах...», стр. 82.

[99] Там же.

[100] «Русский Туркестан», 1905, 2 ноября.

[101] «Казахстанская правда», 1935, 22 декабря.

рактер. Она окончилась лишь 2 ноября[102] — на пять дней позже, чем на Ташкентском узле. Часть требований рабочих и служащих участка была удовлетворена[103].

В дни октябрьской стачки в революционную борьбу втянулись и широкие слои учащейся молодежи. Так, в течение 27—31 октября бастовали учащиеся старших классов мужской и женской гимназий г. Семипалатинска. Они предъявили директорам гимназий свои требования, составленные из 15 пунктов: отмена телесных наказаний, удаление из гимназии законоучителя священника Никольского и реакционного педагога Несмелова, разрешение работы литературного и самообразовательного кружков, предоставление учащимся права посещения театров, общественных библиотек и читален, отмена обязательного посещения богослужений, вежливое обращение педагогического персонала с учащимися; они требовали «неприкосновенности писем», свободы литературных вечеров для учащихся[104] и т. д.

Волнением были охвачены и воинские части, расположенные на территории Туркестанского края и казахской степи, например, в Ташкентском[105], Жаркентском[106] и других гарнизонах.

Необходимо отметить, что влияние этих событий дошло до казахских аулов, переселенческих сел и деревень с некоторым опозданием из-за их удаленности от городов и железнодорожных линий. Замечались лишь отдельные вспышки и волнения крестьян. Так, например, 29 октября произошло волнение казахских крестьян на базаре в с. Орловке (Семиреченская область). Казахские крестьяне Баутерекской волости решительно отказались от уплаты недоимок[107]. Они избили волостного управителя, аульных старшин, биев и аксакалов.

Октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г. открыла глаза широким массам трудового населения страны, особенно ее отсталых национальных восточных окраин. Она накопила опыт борьбы трудящихся масс, руководимых русским рабочим классом, подняла к революционной деятельности широкие слои населения, выковывала у них стойкость и мужество, утвердила их веру в возможность победы над царизмом. Она вскрыла гнилость и предательское нутро буржуазных классов и их партий на глазах борющихся масс.

Всероссийская политическая стачка подготовила революционную ситуацию для периода высшего подъема народной революции, начавшегося по всей стране в ноябре 1905 г. Теперь в центральных и западных губерниях страны революционная волна трудящихся масс нарастала с небывалой быстротой. В это время в казахской степи народные массы раскачивались сравнительно медленно, но и здесь революционные события назревали и ширились.

В революционную борьбу вступили рабочие горной и обрабатывающей промышленности, солдаты, почтово-телеграфные рабочие и служащие, различные мелкобуржуазные слои городов, рабочие полиграфической промышленности, учащаяся молодежь, поступательно развивалось революционно-освободительное аграрное движение национального крестьянства.

В конце ноября прошли митинги рабочих типографии Зыряновой и Овсяного в Верном. Полиграфисты предъявили требование хозяевам

---

[102] «Русский Туркестан», 1905, № 232.
[103] Там же, 1905, № 237.
[104] «Семипалатинский листок», 1905, № 233.
[105] «Новая жизнь», 1905, № 11.
[106] ЦГА КазССР, ф. 44, д. 5083, лл. 4—6.
[107] Там же, ф. 149, д. 167, л. 1.

типографии «о сокращении рабочего дня до 8-ми часов», предоставлении «полного отдыха по воскресеньям и праздникам в течение целых суток»[108] и т. д.

Знаменательно, что требование установления 8-часового рабочего дня, одного из трех основных лозунгов буржуазно-демократической революции, которого требовали рабочие самой отдаленной колониальной окраины царской империи — г. Верного, является в сущности политическим требованием.

Забастовка охватила рабочих и служащих связи. С 16 по 29 ноября бастовали почтово-телеграфные рабочие и служащие г. Верного. Начальник верненской почтово-телеграфной конторы доносил военному губернатору области: «Забастовка по вверенной мне конторе началась 16 ноября вечером, вследствие присоединения чинов телеграфа к Московскому союзу всеобщей забастовки во всей Российской империи и прекращения работы Ташкентом, Омском и отчасти Семипалатинском»[109].

Забастовщики контролировали деятельность конторы связи, телеграфные переговоры и почтовые отправления и т. д.

Во всех городах и крупных поселениях Семипалатинской области и в г. Семипалатинске почтово-телеграфные служащие также объявили забастовку, которая продолжалась в течение 10 дней — с 16 по 26 ноября.

В статье, опубликованной в газете «Семипалатинский листок», о забастовке чинов семипалатинской почтово-телеграфной конторы сообщалось, что она «не являлась одиночной или частичной, а находилась в связи и была вызвана забастовкой, последовавшей во всей империи», и что «по получении от Центрального бюро союза почтово-телеграфных чинов забастовка была принята безусловно всеми»[110].

Из статьи видно, что рабочие и служащие Семипалатинской почтово-телеграфной конторы поднялись на борьбу по призыву Центрального бюро союза почтово-телеграфных чинов и под влиянием всеобщей забастовки работников связи. В забастовке участвовало 45 человек. Они же осуществляли контроль над всей деятельностью конторы. Областная администрация спешно вызвала из Каркаралинска казачью сотню под командованием полковника Чернова для восстановления «порядка» в областном центре, так как «никакие увещания со стороны начальника названной конторы (Семипалатинской. — *Б. С.*) не имели успеха»[111], как доносил военный губернатор генерал-губернатору Степного края. Лишь 25 ноября забастовка была подавлена[112].

В середине ноября бастовали связисты и других областей Казахстана, также вызвав тревогу местных царских властей. Революционная волна охватила и воинские части. С 30 октября по 21 ноября происходило брожение среди солдат гарнизона Джаркента (Семиреченская область).

В рапортах местных полицейских и военных чинов отмечалось широкое распространение революционных социал-демократических прокламаций, призывавших солдат к выступлению против самодержавного строя. Большой научный интерес представляют, конечно, данные о распространении «прокламаций местного производства».

---

[108] Там же, ф. 77, д. 16, л. 14.
[109] Там же, ф. 44, д. 4854, лл. 14—16.
[110] «Семипалатинский листок», 1905, № 263.
[111] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 484, лл. 41—42.
[112] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 115, л. 474.

В рапорте Джаркентского уездного начальника, например, доносилось о постоянных нелегальных ночных сходках солдат и гражданских людей на частных квартирах и в безлюдных частях города. Причем «сходки между нижними чинами постоянны... после первой сходки у врача Астраханцева пристав города Джаркента 15 октября около 10 часов вечера наехал на толпу людей на Гостинноторной улице...» Дальше: «в настоящее время в виду усиленного наблюдения полиции ночами сходки разбились на партии и стали собираться дома небольшими группами». Чиновник пишет далее, что 19 ноября около церкви пристав подслушал разговор двух мальчишек, один из них — сын оружейного мастера 2-го полка Сваровского рассказывал другому: «у отца постоянно собирается народ, много солдат и хотят бунтовать потому, что тяте дают мало жалования, дали бы хотя сто рублей»[113].

Среди лиц, собиравшихся на квартире Сваровского, были не только военные, но и представители местного населения — учитель Джаркентской таранчинской школы Новалихин и ветеринарные фельдшеры[114].

21 ноября местная полиция обнаружила, что «на сходку собираются в ветеринарном околодке 2-го полка... Собираются казаки, низшие чины, в небольшом количестве, выставляя у ворот дозорного, почему и нельзя подойти незаметно к дому для наблюдения»[115].

Все это говорит о том, что в Джаркенте в период Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г. работал свой хорошо законспирированный политический центр — группа или кружок социал-демократов. К сожалению, сохранилось очень мало документальных материалов о работе местных групп и кружков РСДРП в Казахстане за 1905—1907 гг.

Революционное настроение солдат Джаркентского гарнизона выливалось в то, что 20 ноября одна из сотен отказалась «выйти на учение, мотивируя тем, что не учиться надо, а ехать домой»[116].

Социал-демократические прокламации распространялись среди солдат и городского населения Верного. Только в течение 15 октября командир второй батареи Западно-Сибирского артиллерийского дивизиона в городе обнаружил и отобрал у солдат 63 прокламации[117], призывавшие к революционной борьбе с царизмом. Эти прокламации оказывали сильное влияние на нижних чинов, в результате чего в течение 6—7 ноября в 4-м Западно-Сибирском батальоне в Верном происходило брожение. Солдаты не повиновались своим командирам, отказывались отдавать им революционные прокламации. 6 ноября 1905 г. дежурный по 2-му Западно-Сибирскому батальону в Верном докладывал своему командиру, что в 8 часов утра он видел большую группу солдат, среди которых один читал прокламацию «вредного содержания». По словам дежурного, читал прокламацию канонир артиллерийского дивизиона и он «прокламацию дать отказался и даже, когда... хотел ее вырвать у него из рук, то он отдернул свою руку с прокламацией назад, оказав таким образом сопротивление»[118].

В ночь с 15 на 16 ноября восстали солдаты ташкентской военной крепости. По приказу командующего Туркестанским военным округом генерала Сахарова в Ташкент спешно подтягивались крупные военные силы. Город был окружен и объявлен на военно-осадном положении.

---

[113] ЦГА КазССР, ф. 44, д. 5088, лл. 4—6.
[114] Там же.
[115] Там же.
[116] Там же.
[117] Там же, ф. 56, д. 16, л. 63.
[118] Там же, ф. 61, д. 25, лл. 79—80.

659867

Восстание солдат в крепости было подавлено силой оружия. «Ташкент, — сообщала большевистская газета «Вперед», — принял вид военного лагеря. На улицах войска, Военное собрание оцеплено пехотой и артиллерией»[119].

В связи с этим ташкентская группа РСДРП выпустила прокламацию «К товарищам солдатам», в которой говорилось: «Мы приветствуем ваше вступление на путь борьбы за свободу. Кровь, пролитая вами, не останется без ответа. Не падайте духом. Кровожадное правительство отнимало у нас тысячи жизней, но каждый труп товарища, каждая капля братской крови не разъединяли, а объединяли нас гневом и ненавистью против врагов свободы, не ослабляли нас, а вызывали к жизни новые силы. Мы росли и крепли под грозою»[120]. Далее листовка призывала солдат тесно сплотиться вокруг РСДРП.

В ходе подавления ташкентского восстания много солдат было убито и ранено. Свирепствовал царский военно-полевой суд. Активные участники событий были приговорены к каторге, тюремному заключению и другим тяжким видам наказания.

В знак протеста против насилия и произвола над восставшими солдатами и солидарности с ними забастовали трудящиеся Ташкента, рабочие и служащие Среднеазиатской и Оренбургско-Ташкентской железных дорог.

Так, например, 17 ноября объявили забастовку железнодорожники Арыси, Туркестана, Перовска, Джусалы, Казалинска и Челкара. Над зданиями депо и вокзала были подняты траурные флаги. Рабочие отслужили гражданскую панихиду по павшим в результате террора царских военных властей солдатам Ташкентской крепости, борцам народной революции.

Восстание солдат произошло и в пограничной крепости Кушке. Об этом писала большевистская газета «Вперед» от 7 декабря 1905 г.

В эти дни поднялась в крае и учащаяся молодежь, принявшая самое активное участие в массовых революционных событиях. По примеру своих отцов, матерей, старших братьев и сестер, учащаяся молодежь окраинной казахской степи стала почти повсеместно вырабатывать свои требования и предъявлять их своему начальству. Большой интерес представляет петиция учеников Уральской ремесленной школы, принятая на общем собрании учащихся 6 ноября 1905 г. и опубликованная спустя два дня в прогрессивной газете «Уралец». В петиции в числе 22 требований были выдвинуты пункты о преобразовании школы, пересмотре программы, введении преподавания общеобразовательных предметов, дающих «возможность поступать в средние специальные учебные заведения», устройстве музыкально-литературных вечеров, обучении музыке, введении в программу преподавания гимнастики, устройстве катка для воспитанников. Ученики требовали также гуманного обращения мастеров с ними, предоставления права старшим ученикам «без разрешения начальства посещать театры, собрания» и т. д.[121]

Эти требования, безусловно, незрелы, но среди них проскальзывают и политические мотивы, например, требование освободить «несостоятельных учеников» (учеников из бедняцких семей) «от платы за право обучения и давать им учебные пособия». Ученики организовали свой «совет» и решили «прекратить занятия до тех пор, пока не будут удовлетворены настоящие требования по всем пунктам».

---

[119] «Вперед», 1905, 6 декабря.
[120] ЦГА КазССР, ф. 380, д. 1, л. 201.
[121] «Уралец», 1905, № 230.

В Уральской ремесленной школе обучалось довольно значительное число казахской молодежи, большинство которой были дети бедняков. «Петицию» составляли, обсуждали, принимали, подписывали и предъявили своему учебному начальству совместно русские и казахские учащиеся. Они же единым фронтом отстаивали свои права.

В течение ноября продолжалось брожение в гимназиях Семипалатинска. Учебные занятия не проводились более двух месяцев — до января 1906 г. Вместе с учениками выступали и их родители[122]. Волнения учащейся молодежи в течение ноября происходили во многих городах края.

Такова была общая картина революционных событий в городах и по линии железных дорог в Казахстане в ноябре 1905 г.

Царская администрация края все с большей тревогой следила за ходом революционных событий. В своем директивном письме от 31 декабря 1905 г. ко всем начальникам уездов военный губернатор Сыр-Дарьинской области признавал, что «распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в последнее время и в киргизскую степь... пропаганда агитаторов среди киргизского населения Тургайской, Оренбургской и Акмолинской областей производит некоторое волнение умов» казахского населения, что «революционные листовки со статьями зажигательного свойства стали появляться уже и среди татарского населения северной части Сыр-Дарьинской области» и пропагандируемые в этих листках революционные идеи могут быть занесены казахским трудящимся, «вызвав среди них нежелательные явления»[123].

Аграрные волнения в степи происходили под влиянием рабочего и аграрного движения в центральной России. Об этом писала большевистская газета «Новая жизнь»: «Аграрные беспорядки, сопровождавшиеся нападением на помещичьи земли и на земли удельного ведомства, отразились страшно в киргизской степи»[124]. Газета призывала к борьбе за защиту интересов казахского крестьянства, разоблачала реакционную политику царизма, направленную на сохранение помещичьего землевладения в стране.

Среди рабочих Успенского рудника, Карагандинских угольных копей и других горных предприятий северных районов Казахстана в период декабрьского вооруженного восстания вели революционную работу рабочие, приехавшие из Центральной России и с Урала. Они распространяли социал-демократическую литературу и руководили забастовками на Успенском руднике, в Караганде на предприятиях заводчика Карно.

Большую роль в революционном движении в Казахстане в дни декабрьского вооруженного восстания сыграли стачечные комитеты и союзы, объединившие рабочих и мелких служащих.

В начале декабря Всероссийский съезд железнодорожников разослал телеграммы ко всем рабочим, мастеровым и служащим железных дорог России с призывом к всеобщей забастовке. Эта телеграмма нашла отклик и у железнодорожников и связистов Казахстана. Сюда дошла также телеграмма Московской конференции депутатов 29 железных дорог и центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза ко всем рабочим и служащим железных дорог России, в которой подтверждался призыв Советов рабочих депутатов Петербурга и Москвы объявить 7 декабря всеобщую забастовку в стране[125].

---

[122] «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 годах...», стр. 137—138.
[123] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 324, л. 16.
[124] «Новая жизнь», 1905, 5 декабря.
[125] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 753, лл. 16—21.

В своем донесении от 14 декабря 1905 г. военному губернатору Тургайской области начальник Актюбинского отделения жандармского полицейского управления Оренбургско-Ташкентской железной дороги писал, что 6 и 7 декабря были получены специальные телеграммы из управления дороги, в которых рабочие и служащие Ташкентской железной дороги призывались к политической забастовке, что телеграфисты и средние служащие деятельно участвуют в агитации за политическую забастовку, принимая по телеграфу революционные воззвания и раздавая их низшим служащим и рабочим[126]. В знак солидарности с рабочими Москвы в Актюбинске забастовали почтово-телеграфные служащие.

В декабре стачечное движение охватило почти все промышленные предприятия Казахстана. Самая крупная забастовка происходила на Успенском руднике (Акмолинская область), на котором работало 332 мужчины и 2 женщины. Из общего числа рабочих 265 было казахов и 65 русских.

Судя по сохранившимся документам и материалам и по показаниям участников забастовки, непосредственным поводом (причины были общие по всей стране) к выступлению рабочих рудника, находившегося в руках иностранцев, послужило возмущение рабочих «невежливым и дерзким отношением к ним англичан», а также малым жалованьем и высокими ценами в магазине, которые «в заводских магазинах теперь значительно выше, чем они были при Рязановых»[127], — как подчеркивал в своем показании бывший рабочий Полевского завода Михаил Андреевич Жилин, проработавший на Успенском руднике 4 года.

На руднике работали два английских инженера — Мессен и Эрнест Гиббер. Они держали себя очень высокомерно по отношению к рабочим и служащим рудника, обращались с ними грубо и дерзко.

На следствии рабочие показали, что подготовка к забастовке велась заранее рабочими Топорниным, Невзоровым, Алимжаном Байчагировым, Исхахом Каскабаевым и др. Среди них особо выделялся Топорнин, прошедший школу промышленного пролетариата на горнозаводском Урале. Он постоянно вел среди рабочих рудника политическую пропаганду, как показал на следствии крепильщик рудника Тимофей Низовитин, и читал рабочим брошюры по фабрично-заводским вопросам и «книги противоправительственного содержания»; он «мало-помалу начал завоевывать у рабочих симпатии и доверие... все книжки и прокламации, которые читались Топорниным и его сообщниками рабочим, — продолжал на следствии Низовитин, — забраны и увезены с завода после забастовки»[128].

В таком же духе выдержаны и показания конторщика Ивченко: «Пропаганда политического свойства между рабочими была начата Топорниным вскоре после его приезда на Успенский рудник. Топорнин давал для прочтения рабочим разные книжки и брошюры»[129].

Прежде чем объявить забастовку, русские и казахские рабочие Успенского рудника провели ряд собраний, на которых обсуждался вопрос о формах и методах борьбы за права рабочих. Были выработаны требования к концессионеру и решено было объявить забастовку, если они будут отклонены. Для руководства забастовкой был образован «Русско-киргизский союз».

---

[126] Там же, л. 21.
[127] ЦГА КазССР, ф. 427, д. 118, лл. 34—36.
[128] Там же, лл. 43—46.
[129] Там же, лл. 42—44.

«Дня за 4 до забастовки, — показал на следствии Иван Герасимов Низовитин, — рабочие рудника составили записку, написанную карандашом, следующего содержания: «Мы, рабочие Успенского рудника, заключаем русско-киргизский союз борьбы с капитализмом и за прибавку жалованья и просим служащих, если желают, подписываться с нами»[130].

Инициаторами образования «Русско-киргизского союза» были уже известные нам Топорнин, Невзоров, Алимжан Байчагиров, Исхах Каскабаев и др.

Проект требований не раз обсуждался на общем собрании русских и казахских рабочих и был окончательно принят вечером 6 декабря. Под «петицией» подписались все рабочие рудника. В ней говорилось: «Мы, служащие и рабочие Успенского медного рудника горно-промышленника К. Э. Карно — французского гражданина, сплотившись между собой для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря 1905 г. пришли к такому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены; ввиду чего, мы постановили требовать:

1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными.

2. Повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным, получающим до 50 руб. в месяц — на 25%, а свыше 50 руб. — на 15%.

3. Снабжения непромокаемой одеждой и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях....

4. Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями...

5. Немедленного улучшения помещений — казарм для киргиз-рабочих. Казармы без рам, с окнами, завешенными мешками, кошмами, вряд ли могут удовлетворять всем требованиям гигиены, а между тем администрация правления горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно относится, по-видимому, к такому положению вещей слишком безучастно, так как только этим можно объяснить непосылку на рудник необходимого стекла, хотя требования на это стекло посылались слишком часто.

6. Уволить служащих Успенского медного рудника фельдшера Е. З. Костенко, конторщика М. А. Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

Подавая настоящую петицию правлению горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно, даем срок для удовлетворения таких требований пять дней, считая с 7-го декабря с. г.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку»[131].

Текст требований рабочие решили направить в столичные газеты. Русский текст петиции был переведен на казахский язык рабочими Утемисовым, Умирбековым и Батырбаевым.

Для вручения петиции управляющему рудником Н. Феллю, находившемуся на Спасском заводе, была избрана депутация в составе Топорнина, Исхаха Каскабаева, Невзорова и Мартылого. 7 декабря в 6 часов вечера ее вручили управляющему рудником, который, опасаясь дальнейшего развития событий, тут же нарочным послал письмо управи-

[130] Там же, лл. 48—50.
[131] ЦГА КазССР, ф. 427, д. 118, лл. 8—10.

телю Нельдинской волости Акмолинского уезда Ж. Мустафину с просьбой организовать «умиротворение» казахских рабочих.

9 декабря на рудник прибыл Н. Фелль. «Русско-киргизский союз» решил пикетировать контору, где он остановился. Рабочая охрана окружила дом.

Вновь начались переговоры с Н. Феллем. Депутация рабочих «в довольно резкой форме указывала ему на несоразмерность получаемого вознаграждения за службу на промыслах иностранцев сравнительно с другими служащими», ссылаясь при этом на баснословный размер жалования самого Фелля, получающего «60 тысяч рублей в год»[132] и т. д.

Ввиду того, что Н. Фелль не принял ни одного пункта петиции, «Русско-киргизский союз» созвал новое собрание рабочих, на котором было решено вторично послать к управляющему депутацию в составе Исхаха Каскабаева и Невзорова и предупредить, что, в случае отказа выполнить требования, рабочие объявят всеобщую забастовку. Так как Фелль продолжал упорствовать, «Русско-киргизский союз», не дожидаясь установленной в петиции даты — 12 декабря, постановил немедленно объявить забастовку. Ударили в набат. Работа на руднике приостановилась.

На следующий день, 10 декабря, утром на крышах рабочих казарм и конторы рудника появились красные флаги. Рабочая охрана не позволила управляющему уехать с рудника. Успенский рудник был изолирован от внешнего мира.

Утром 11 декабря на рудник приехали управитель Нельдинской волости Мустафин и его кандидат (заместитель) И. Жамандыков в сопровождении группы баев и аксакалов. Вслед за ними в тот же день прибыла другая группа баев и аксакалов Кзыл-Тауской волости Каркаралинского уезда во главе с волостным управителем. Обе группы были приглашены Феллем. Но рабочие не стали их слушать. Забастовка продолжалась.

Прибытие баев на Успенский рудник является характерным фактом объединения сил царизма с феодально-байской верхушкой аула против боевого союза казахских и русских рабочих.

К забастовке успенских горняков присоединились рабочие Карагандинской каменноугольной копи, приостановившие работу 10 декабря. Забастовка рабочих рудника и Караганды вызвала тревогу уездной царской администрации. 12 декабря на Успенский рудник приехали сотрудники Акмолинской уездной полиции. Теперь, заручившись поддержкой полиции и баев, управляющий угрожал рабочим расправой, если они не прекратят забастовку.

При посредничестве служащих рудника и баев начались переговоры между бастующими рабочими и управляющим. Рабочие решительно отстаивали свои требования. Наконец управляющий согласился принять некоторые пункты. Забастовка прекратилась. Однако концессионеры потребовали от местных властей гарантировать «мирную» жизнь рудника. По приказанию Акмолинского уездного начальника Нехорошкова на Успенский рудник и в Караганду была направлена группа карателей. Началось преследование рабочих. Девять активных вожаков, в том числе Топорнин, Невзоров, Белоглазов, Мартылого, Ерофеев, были уволены и высланы с территории рудника. Работа на Карангандинской копи была возобновлена при помощи полиции.

---

[132] Там же, лл. 12—16.

Забастовка рабочих Успенского рудника занимает видное место в истории революции 1905 г. в Казахстане. Она теснее сплотила казахских и русских рабочих, укрепила их интернациональную солидарность. Вместе с тем ход борьбы показал недостаток политической зрелости рабочих масс. Забастовочная борьба, ее успех и поражение еще сильнее разожгли в рабочих чувство ненависти к царизму и капиталистам, рассеялась былая вера в царя и капиталистов.

14 декабря началась забастовка рабочих и служащих Рязанско-Уральской железной дороги, продолжавшаяся около 10 дней. Движение пассажирских и товарных поездов приостановилось. Местная администрация по существу ввела военно-осадное положение в Уральске. Железнодорожная станция охранялась воинской командой. По требованию железнодорожной полиции на вокзал прибыли вооруженные казаки учебной сотни во главе с офицером. Депо также охранялось казаками, которым было приказано «не допускать без ведома начальника депо ни одного служащего в паровозное помещение и на самые паровозы»[133]. Эти меры еще больше ожесточили рабочих, «толкнули на присоединение к бастующим и тех служащих, которые до настоящего времени относились лишь сочувственно к забастовавшим сослуживцам»[134].

Забастовка железнодорожных рабочих и служащих Уральска была подавлена военно-полицейской силой к 22 декабря. С этого дня возобновилось движение пассажирских поездов. Только «23 декабря прибыл в Уральск первый поезд с частным грузом, а того же числа из Уральска отправлен первый товарный поезд». Правильное коммерческое движение товарных поездов началось только 24 декабря[135].

18 декабря в Павлодаре забастовали рабочие и служащие пароходов Западно-Сибирского товарищества Плотниковых, Вардропера, Корниловых. Забастовке предшествовал митинг. Выступавшие требовали от пароходовладельцев увеличения заработной платы рабочим и служащим в следующем размере: получающим свыше 1000 рублей в год — на 10%, от 700 до 1000 рублей — на 15%, от 500 до 700 рублей — на 20%, от 300 до 500 рублей — на 25%, от 200 до 300 рублей — на 30%, повысить зарплату кочегарам на 20 рублей, а матросам до 14—16 рублей в месяц[136]. Рабочие требовали также увеличения пенсионного фонда, оказания бесплатной медицинской помощи и обеспечения больных рабочих медикаментами, предоставления отпусков рабочим и служащим, прослужившим не менее 2 лет (раз в два года на один месяц), с сохранением содержания. «Этот отпуск возможен, — отмечалось в требовании, — если со стороны служащих и рабочих того пароходства или конторы, где он в данный момент служит, не будет препятствий; уволенный в отпуск имеет право бесплатного переезда на всех пароходах по рекам Западной Сибири». Водники требовали, чтобы «всем служащим и рабочим при зимовках должны быть выдаваемы квартирные деньги за счет пароходовладельцев и судовладельцев, а также отопление и освещение квартир за их счет»[137]. Рабочие требовали также открытия специального технического и речного училища для обучения служащих и их детей за счет судовладельцев и т. д.

На собрании речников был избран комитет из четырех человек, которому поручалось связаться с рабочими и служащими всех пароходств

---

[133] «Уралец», 1905, 17 декабря.
[134] «Уралец», 1905, № 263.
[135] Там же.
[136] «Семипалатинский листок», 1905, 31 декабря.
[137] Там же.

Западной Сибири для совместного обсуждения требований к пароходовладельцам и создания общего союза борьбы против самодержавия[138].

В Усть-Каменогорском народном доме 6 и 11 декабря 1905 г. состоялись собрания рабочих, мелких служащих, учащихся, городской бедноты, солдат, где выступавшие политические ссыльные рассказывали им о происходящих в стране революционных событиях. «Люди с красными флагами... добиваются, чтобы у господ и помещиков была отобрана земля и передана в пользование крестьянам»[139], — говорили они.

11 декабря солдаты Усть-Каменогорской местной команды «хотели устроить беспорядок, — отмечалось в полицейском донесении, — больше всех в этом направлении орудовал рядовой Костромин Иван, который нанес две раны, в обе ноги, приказчику Александру Тихомирову, а сгруппировавшиеся солдаты кричали: «Увольнение, забастовка, разобьем все»![140]

В период высшего подъема революции, т. е. в ноябре — декабре 1905 г., развернулось также аграрное революционно-освободительное движение национального крестьянства, особенно в Семипалатинской и Акмолинской областях. 15 ноября многолюдная демонстрация произошла в уездном городе Каркаралинске (Семипалатинская область). На этой большой по тому времени размаху демонстрации в общих рядах шли русские и украинские крестьяне-переселенцы, рабочие, ремесленники и громадная масса верховых казахских джигитов, приехавших сюда почти из всех аулов и волостей уезда разузнать о царском манифесте от 17 октября. К демонстрантам присоединились солдаты местной команды. «Местная команда деморализована влиянием сосланных... солдат нес красный флаг. Команда участвовала в демонстрации»[141], доносил начальству каркаралинский уездный начальник Ассовский. Об этой демонстрации в протоколе, составленном полицией, сказано, что после объявления манифеста русскому и казахскому населению Каркаралинска многочисленные демонстранты, крайне возбужденные революционными речами некоторых лиц, направились с пением революционных песен и криками «ура» по улицам города. Демонстранты несли красные флаги и выкрикивали: «Долой полицию! Долой крестьянских начальников!»[142] В телеграмме каркаралинского уездного начальника управляющему канцелярией степного генерал-губернатора сообщалось, что среди казахского народа при таких условиях возможно национальное движение, степь возбуждена до крайности. Далее в этом донесении говорилось об организации в Каркаралинске революционного комитета как руководящего центра революционной борьбы трудящихся уезда[143].

В своих донесениях вышестоящему начальству области и края каркаралинский уездный начальник писал: «Эти беспорядки, вызванные некоторыми злонамеренными лицами, имеют столь огромное моральное значение для всего вверенного мне Каркаралинского уезда, что я считаю необходимым по долгу службы и присяги доносить о них, как о первом звуке грома, приближающейся грозы. В данное время считаю долгом донести, что степь возбуждена до крайней степени»[144].

---

[138] Там же, 29 декабря.
[139] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 675, лл. 4—5.
[140] «Семипалатинский листок», 1905, 31 декабря.
[141] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 1144, л. 23.
[142] Там же, ф. 369, д. 902 а, л. 11.
[143] Там же, ф. 64, д. 1144, л. 23.
[144] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 5, 1905, д. 1350, л. 18.

Напуганный всевозрастающим ходом революционных событий, он настоятельно просил военного губернатора области спешно прислать в город сотню казаков. «Только при этом условии, — писал уездный начальник, — возможно восстановить престиж правительственной власти»[145].

29 ноября 1905 г. командующий войсками сибирского военного округа генерал-лейтенант Сухотин телеграфировал военному министру: «В степи очень неспокойно благодаря усиленной открытой агитации и пропаганде революционных кружков» и что он снаряжает и посылает в казахскую степь «сильные конно-охотничьи команды, ибо в степи пешие части мало что сделают»[146]. И такая карательная мера царских властей не испугала взволновавшихся крестьян. Аграрное движение развивалось, охватывая все более широкие слои казахских шаруа.

Во второй половине ноября, после обнародования манифеста от 17 октября, почти во всем крае происходили многолюдные собрания в казахских аулах, на которых шаруа обсуждали свои насущные нужды. Так, в Омском уезде Акмолинской области на многолюдном собрании казахские трудящиеся решили отправиться в Омск, чтобы выставить там свои требования колониальной администрации в лице военного губернатора Акмолинской области. Огромная масса верховых джигитов отправилась в путь. В течение 24 и 25 ноября, собравшись у здания областного правления, на центральной площади Омска, они окружили областное правление и квартиру военного губернатора области. 15 декабря 1905 г. газета «Сибирская жизнь» поместила корреспонденцию, в которой сообщалось, что «на площади против областного правления и квартиры губернатора 24 и 25 ноября наблюдалось громадное скопление киргиз, по временам доходившее до 1000 человек»[147].

Несомненно, что это выступление было вызвано реакционной аграрной политикой царского правительства, грубым произволом, чинимым колониальной администрацией на местах. «Толпа эта, — сообщалось далее в корреспонденции, — собралась и открыто протестовала против незаконных действий крестьянского начальника Омского уезда Вологодского, обвиняя его в целом ряде вымогательств и получении взяток с разных лиц и требуя немедленного смещения с должности»[148].

Выступление свидетельствовало о том, что казахские шаруа Омского уезда Акмолинской области, как и во всех остальных областях дореволюционного Казахстана, вступили на путь освободительной борьбы под непосредственным влиянием революционной борьбы русского рабочего класса и переселенческого крестьянства.

Аграрным движением национального крестьянства было охвачено и Семиречье. Так, например, в Джаркентском уезде на путь революционно-освободительной борьбы вступили забитые трудовые массы уйгурского крестьянства. Они выступали против узурпации общинных земель крупным обуржуазившимся феодалом Юлдашевым, требовали у местной колониальной власти оградить их от жестокой эксплуатации со стороны этого феодала-арендатора[149].

Революционно-освободительным движением в Семиреченской области было охвачено также казахское и русское крестьянство, особенно только что пересилившееся из центральных губерний. В связи с обострением аграрных «беспорядков» Туркестанский генерал-губернатор, «об-

[145] Там же.
[146] Там же, д. 1877, ч. 7, лл. 7—8.
[147] «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженное восстание. Ноябрь — декабрь 1905 года». Ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 915.
[148] Там же.
[149] «Русский Туркестан», 1905, № 366.

следовавший» область, вынужден был признать рост революционного настроения русского переселенческого и национального крестьянства. В своем рапорте военному министру от 24 декабря 1905 г. он писал: «Начавшаяся несколько месяцев тому назад противоправительственная агитация среди населения Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов Семиреченской области принимает все более и более угрожающие размеры. Среди населения этих уездов и войск разбрасываются в громадном количестве и усиленно пропагандируются прокламации, возбуждающие против самодержавия и призывающие к сопротивлению начальству с оружием в руках».

Он жаловался на группы самовольно переселившихся в это время крестьян из Европейской части страны, еще не наделенных землей, «представляющих благоприятную почву для восприятия внушаемых ей агитаторами противоправительственных идей». Генерал-губернатор настоятельно просил военного министра разрешить в уездах Семиреченской области ввести «положения усиленной охраны»[150].

Аграрными волнениями были охвачены также Аулие-Атинский и Чимкентский уезды Сыр-Дарьинской области и почти все уезды Уральской и Тургайской областей.

Приведенные нами факты об участии национального крестьянства в революции весной, летом и осенью 1905 г. могут быть приумножены. Тем не менее, это движение в восточных национальных окраинах России, в том числе в Казахстане, развивалось гораздо слабее, чем в Европейской России. Объясняется это целым рядом обстоятельств. Край был слишком удален от промышленных центров страны, капиталистическая промышленность здесь была развита слабо, в связи с чем малочислен промышленный пролетариат. Возникшие в городах местные группы и кружки РСДРП непосредственно не смогли развернуть революционной работы в ауле. Бедняцкие и середняцкие слои казахских шаруа оставались отсталыми, забитыми. Захват огромного пространства общинных земель крупными баями-скотовладельцами нередко прикрывался пережитками патриархально-родового быта и т. д.

Величайшее значение первой русской революции заключалось в том, что она разбудила от векового сна забитые трудовые массы казахского крестьянства и подняла их на революционно-освободительную борьбу. Летом и осенью 1905 г. аграрным движением была охвачена по меньшей мере половина уездов края. Революционная волна постепенно охватила всю казахскую степь.

Перед нами встает законный вопрос: за что боролись казахские крестьяне в период первой русской революции? Не будет преувеличением сказать, что до сих пор в исторической литературе этот вопрос остается незатронутым. Все авторы, в том числе и авторы первого тома «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1957 г., к сожалению, уклонились от конкретного ответа на этот вопрос. Остался вне поля зрения историков и вопрос о формах революционной борьбы казахских шаруа в 1905—1907 гг.

Формы аграрно-революционной освободительной борьбы национального казахского крестьянства, пережившего длительные, сложные, довольно мучительные пути своего исторического развития, были своеобразными и сложными.

Аграрное движение казахского крестьянства в годы первой русской революции сочеталось с его национально-освободительной борьбой. Это движение в низшей фазе протекало довольно робко и пассивно, заклю-

[150] «Высший подъем революции...» ч. 3, кн. 2. М., 1956, стр. 560—561.

чалось в подаче жалоб, заявлений, прошений, требований и «петиций» против изъятия земли, против налогового бремени, против произвола, злоупотреблений и вымогательства со стороны низовых органов управления и царских чиновников. Нередко крестьяне оказывали и активное сопротивление колонизаторской, русификаторской политике царизма, открыто выступали против изъятия земель коренного населения в пользу «переселенческого фонда», против узурпации земель мелких производителей крупными баями-полуфеодалами, против национальной дискриминации и натравливания одних народов на другие и т. д. Вооруженное сопротивление казахских шаруа явилось высшей фазой его участия в буржуазно-демократической революции.

Казахские шаруа боролись в период первой русской революции прежде всего за землю, за воду, за равные со всеми другими народами России политические права, за полную свободу и национальную независимость.

Таковы были коренные, конечные цели национального казахского крестьянства в революции.

Кстати, следует отметить, что до сих пор в исторической литературе многочисленные, разнообразные по содержанию и происхождению «петиции» рассматривались с точки зрения единого потока, оценивались как сплошь реакционные, феодально-байские, националистические. Между тем петиция петиции рознь. Их подавали рабочие, крестьяне, различные слои населения городов, подавала даже буржуазия. Нет ничего общего между петициями, поданными казахскими рабочими совместно с русскими; казахскими шаруа (крестьянами) совместно с крестьянами-переселенцами; казахскими учащимися в городах совместно с русскими и т. д. и теми петициями, которые подавали крупные бай-полуфеодалы, султаны и духовенство.

Разве допустимо ставить знак равенства между этими «петициями»? Конечно, нет. Необходимо строго различать по своему содержанию «петиции» различных слоев населения, прежде всего петиции казахских шаруа, от петиций феодально-байской верхушки и мусульманского духовенства.

Выше нами была приведена петиция феодально-байской верхушки и мусульманского духовенства, принятая на Куяндинской ярмарке в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. Спустя два месяца, состоялось многолюдное собрание уполномоченных 31 волости того же уезда, на котором, в противовес вышеупомянутому документу, была принята совсем иная петиция, которую подписали 46 доверенных лиц. В ней говорилось, что «киргизам, как и другим, объявлена «свобода», но она пока для нас только звук без содержания, потому что гнет власти еще не снят, действуют по-прежнему крестьянские начальники... Во имя политической свободы, основанной на незыблемых началах неприкосновенности личности, требуем удаления крестьянских начальников Каркаралинского уезда»[151].

Этот документ, разумеется, нельзя считать мерилом сплошного потока.

Казахское население Уральской и Тургайской областей накануне и в период Октябрьской политической стачки на своих многолюдных собраниях приняло петицию начальнику Главного Управления землеустройства и земледелия, подписанную 22 уполномоченными. Затем они же подали другую «петицию председателю особого совещания по выборам в Государственную думу графу Д. М. Сальскому. В них выражался реши-

[151] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, оп. 5, д. 1877, ч. 7, л. 10.

тельный протест против колонизаторской политики царизма, требовалось законодательное закрепление за казахскими шаруа «права вотчинной собственности на земли, которые они ныне занимают»[152]. Далее выдвигалось требование предоставления права иметь в Государственной думе по крайней мере не менее «одного представителя от каждого уезда», при выборах «не применять имущественного ценза, не соответствующего ни бытовым, ни историческим условиям» народа, «выбирать членов Государственной думы из всего населения данной области, а не только из числа выборщиков», и «выборщики членов Государственной думы должны избираться всеми кибитковладельцами каждой волости»[153].

В этих «петициях» затрагивались политические, правовые и аграрные вопросы. Резко выступая против колонизаторской политики царизма, казахские шаруа в то же время поддержали крестьян-старожилов в их требовании свободно пользоваться «землей, уже им отведенной»[154].

Это писали отсталые, забитые казахские шаруа и выражавшая их идеологию, демократически настроенная аульная интеллигенция в лице мугалимов (учителей) русско-казахских школ, писарей, переводчиков, а также отдельные студенты средних и специальных учебных заведений, посещавшие свои аулы во время каникул.

Чем грубее и жестче проявлялась колонизаторская политика царизма, его военно-окупационный режим и жандармско-полицейский террор, тем упорнее было на местах сопротивление этой политике, тем заметнее аграрное движение казахских шаруа принимало интернациональное содержание, сливаясь с революционно-освободительной борьбой рабочего класса и крестьянства всей страны.

Постепенно росло политическое сознание шаруа. Если раньше они в какой-то степени верили в «белого царя», писали ему петиции, описывая в них свои нужды, то теперь, т. е. с конца 1906 и начала 1907 гг., они стали терять эту веру.

Петиции казахских шаруа, по существу, явились одной из форм аграрного движения, своеобразной формой борьбы народных масс.

Потеряв веру, в «ак-падшу», шаруа стали искать иной путь освобождения от оков самодержавия и такой выход был найден. Теперь все свои надежды они возлагали на великий русский народ, на русский рабочий класс и угнетенное крестьянство. Не к царю и его сановникам, а великому русскому народу обратились теперь трудовые казахи и перешли от петиций к открытой борьбе совместно с русскими рабочими и крестьянами. Они понимали, что своего национального и социального освобождения добьются путем совместной борьбы и нерушимой дружбы с великим русским народом, под руководством самого революционного в мире русского рабочего класса.

В этом отношении интересно обращение казахских крестьян к русскому народу под названием «От киргиз — русским»[155]. В нем разоблачается реакционная сущность колонизаторской политики царского правительства, «гибельной не только для... киргиз, но и вредной для всей трудящейся России». Ясны мотивы, которые привели шаруа к этому обращению. «Обращаясь к правительству, — писали они, — мы много потратили сил, денег и времени, но все бесполезно. Теперь же мы обращаемся к другому, самому великому властелину на земле русской — это ко всей трудящейся России». В обращении говорилось о грабитель-

---

[152] «Уралец», 1905, № 202.
[153] Там же.
[154] «Уралец», 1905, № 201.
[155] «Уральский дневник», 1907, № 33.

ском характере колонизаторской политики самодержавия, насильственно сгоняющих казахов из насиженных земель в бесплодные пустыни «грубо, путем страха или *особого рода политики — соглашения с богатыми киргизами во вред беднякам*» (курсив наш. — *Б. С.*).

Казахские крестьяне изливали свое горе и страдания перед русским народом. «Граждане! О если бы видели, что творится у нас в степи летом чинами переселенческой партии! Мало того, что они пользуются бесплатно услугами аксакалов, рассыльных, они творят от своего ума всякие правительственные страхи, грозят тюрьмой и протоколом, пугают Сибирью и каторгой, карательными отрядами, казаками и солдатами».

В обращении не только вскрывается классовое сотрудничество царизма с феодально-байской верхушкой аула, но и корыстолюбие, вымогательство и взяточничество низовой аульно-волостной администрации. «Киргизскому народу, в особенности беднякам, — подчеркивалось в обращении, — от этого произвола живется страшно тяжело».

Ярким примером роста политического сознания казахского крестьянства является и то, что оно уже стало понимать, в чем кроется сущность колонизаторской политики самодержавия. Это подтверждают следующими словами обращения «От киргиз — русским»: «Становится ясным, что правительство, желая спасти помещичьи земли, хочет земельный голод крестьян утолить переселением в киргизские степи».

Казахские крестьяне во весь голос заявили, что «право пользование ею (землей. — *Б. С.*) принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее своим трудом. Мы, киргизы, присоединяем свой голос к великому голосу всех трудящихся масс России, *чтобы все земли были изъяты из владения отдельных лиц, или группы лиц во всей России,* были бы обращены в общенародное достояние».

Важно то, что если раньше отсталые и забитые казахские крестьяне писали петиции, просили царское правительство лишь закрепить за ними насиженные земли на правах «вотчинной собственности», то теперь, под могучим влиянием и воздействием революционных событий по всей стране, они присоединили свой голос к голосу «всех трудящихся масс России», требовавших изъятия всей земли «из владения отдельных лиц или групп», другими словами, требовали конфискации всей помещичьей земли и передачи ее в общенародное пользование крестьянам на «уравнительно-трудовых началах».

Обращаясь к великому русскому народу, русскому рабочему классу и трудовому крестьянству, казахские крестьяне писали, что они «готовы с ними поделиться» и просили их начать «дележ сначала у себя дома».

«Пусть все земли перейдут к общинно-уравнительному трудовому достоянию всего народа и тогда мы, — продолжали казахские крестьяне, — от вас не отстанем».

По аграрному вопросу взгляды казахских шаруа и баев были совершенно противоположными. Так, например, один из исследователей хозяйственного быта казахов Г. Чиркин в своей «Записке» в 1907 г. писал: «Экономические интересы 80 проц. киргизского народа, имеющих до 10 единиц скота, настолько противоречивы остальным 20 проц. киргизских богачей, что... на каждом шагу встречаются проявления более или менее явной, открытой борьбы между ними за землю.

Тогда как богачи настаивают на общинном, нераздельном пользовании зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь в то же время всякими правдами и неправдами прибрать к рукам в свое исключительное распоряжение возможно большую площадь сенокосных угодий, — продолжает он, — бедняки хотят, чтобы все общинные земли были разделены поровну между всеми общинниками. Вместо фактически сущест-

вующего, но не выгодного бедным пользования землею «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково как для многоскотных, так и для совсем бесскотных. Иначе говоря, малосостоятельные слои оседлого населения степи уже доросли до сознания личного права на землю, сродняющего их психологию с психологией малоземельного крестьянства»[156].

Об общности классовых интересов казахского и русского крестьянства отчетливо знали в то время и царские колонизаторы. В протоколах совещания при генерал-губернаторе степного края в 1907 г. с предельной ясностью констатировано, что казахские крестьяне повсюду заявляют: «Нам русские ближе, чем они», т. е. казахские феодалы[157]. А в редакционной статье большевистской газеты «Русский Туркестан (№ 58 от 6 декабря 1905 г.) говорится: «Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что туземное население Туркестанского края совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением ближайших целей. Мы имели возможность неоднократно убеждаться в том, что интерес к революционному движению в России и его проявлениям у нас в Туркестане в туземной среде возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени».

Эти интересные сведения, опубликованные на страницах большевистской печати в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г., еще раз подтверждают правильность положения о том, что казахские шаруа проснулись от векового сна и вступили на путь освободительной борьбы под влиянием революционной борьбы русских рабочих и крестьян, что они постепенно стали понимать общность с ними своих классовых интересов, необходимость непримиримой совместной борьбы против самодержавия.

Публично признав великий русский народ своим старшим братом, другом и освободителем, казахские крестьяне гордо заявили, что «у всех народов России одно общее дело и общий враг». Этого общего врага они видели в царском самодержавии. Вместе с тем, казахские крестьяне в своем обращении к русским трудящимся с достоинством писали: «Русские граждане! Нам, киргизам, указывать вам нечего, что несчастье отдельных национальностей есть несчастье всего государства. Этого только правительство и русификаторы не хотят понять».

Шаруа убедились в том, что коренное разрешение аграрного кризиса по всей стране возможно лишь путем совместной революционной борьбы угнетенных и порабощенных масс всех народов России. Они призывали трудящиеся массы всей страны бороться с царизмом со всей решимостью под руководством великого русского народа, русского рабочего класса, «бороться все за одного, и один за всех» — таков был смысл обращения казахского шаруа к великому русскому народу.

Это обращение было опубликовано на русском языке в 1906—1907 гг. на страницах газет «Оренбургский край», «Уральский дневник», а также в большевистской газете «Урал» в № 10 от 7 февраля 1907 г., выходившей в Оренбурге на татарском языке.

Мы подвергли анализу этот важный исторический документ, свидетельствующий о том, какое могучее влияние оказала первая русская революция на отсталые, забитые народные массы казахского аула, как

---

[156] ЦГИАЛ, ф. 136, 1909 г., д. 258, лл. 19, 21.
[157] Там же, л. 8.

идеология этой массы развивалась, хотя сравнительно медленно и робко, под воздействием революционной борьбы русского рабочего класса и крестьянства и как эта же отсталая народная масса аула и выражавшая ее идеологию демократическая интеллигенция, стали понимать один из основных лозунгов буржуазно-демократической революции — лозунг по аграрному вопросу. Вместе с тем необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что казахские крестьяне были отсталыми накануне первой русской революции и продолжали быть отсталыми после революции. Но отсталость отсталости рознь.

Всемирно-историческое значение первой русской революции заключается именно в том, что она разбудила от векового сна забитые трудовые массы национальных окраин, в том числе казахского колониального аула, ибо «действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, — говорил В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года», — только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»[158].

Несомненно, идеология казахских шаруа заметно менялась в ходе революционной борьбы, их мировоззрение росло и развивалось вследствие этой борьбы. Приведенный нами документ «От киргиз — русским» является свидетельством роста политического самосознания казахских шаруа и в период первой русской революции.

Мы забегаем несколько вперед, чтобы полнее представить степень роста политического самосознания казахских шаруа на отдельных этапах истории первой русской революции и последовательно проследить дальнейший ход революционных событий в крае с точки зрения развития идеологии шаруа.

Таким образом, в ноябре — декабре 1905 г. в казахской степи поступательно развивалась революционная борьба рабочих и крестьян, представляя известную угрозу колониальному могуществу царизма в крае. Поэтому 23 декабря 1905 г. царь издал указ о введении военного положения во всех уездах, по которым проходила Сибирская железная дорога[159]. 25 декабря граф Витте писал Туркестанскому генерал-губернатору: «Я вам советую ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание»[160].

6 января 1906 г. специальным царским указом было введено военное положение в Акмолинской и Семипалатинской областях. В указе говорилось: «Для обеспечения общественной безопасности и прекращения происходящих в пределах степного генерал-губернаторства беспорядков, мы признали необходимым объявить на военном положении области Акмолинскую и Семипалатинскую, распространив на них действие правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении»[161].

Эти меры достаточно ярко показывают, какую опасность представляла для трона революционная борьба трудящихся масс края.

4. В годы отступления революции

Самодержавие спешило воспользоваться поражением декабрьского вооруженного восстания, чтобы завершить разгром революции. По всей

[158] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 233.
[159] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 486, л. 5.
[160] ЦГА УзССР, ф. КТГ, д. 18, л. 148.
[161] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 474, л. 62.

стране начался свирепый полицейский террор. 10 января 1906 г. министр внутренних дел Дурново предписал генерал-губернаторам и военным губернаторам областей Казахстана, в случае возникновения аграрного движения, жестоко подавлять его, карать «без всякой пощады, до уничтожения, в крайних случаях, отдельных домов и целых деревень включительно»[162]. Далее военный министр советовал «продолжать систематическую и неуклонную очистку деревень от революционных подстрекателей, к какому бы званию они ни принадлежали».

Местным властям было предложено применять вооруженную силу против революционных выступлений масс, строго наказывать лиц, ведущих революционную «противоправительственную» пропаганду, увольнять со службы лиц, сочувствующих социал-демократическим организациям. Были запрещены демонстрации, митинги, собрания, даже групповые прогулки в городах.

В предписании Туркестанского генерал-губернатора военному губернатору Семиреченской области говорилось: «Вам необходимо немедленно принять решительные меры к прекращению пропаганды и агитации всякого рода, для чего положения... дают вам полнейшую возможность, равно в случае забастовок и беспорядков, немедленно подавлять их, если нужно, силой». Далее он указывал на «неотложность мер по прекращению пропаганды революционного характера, в какой бы форме она ни выражалась». Он предлагал местным властям твердо помнить, что «от подавления агитации зависит спокойствие туземного элемента края и устраняются самые тяжкие последствия»[163] и советовал местным властям в борьбе против революции вступить в тесный контакт с «благоразумной частью населения», т. е. с черносотенцами, октябристами, кадетами и баями.

Губернатор Семипалатинской области 7 января 1906 г. специальным приказом запретил собрания и митинги как под открытым небом, так и в частных и в общественных помещениях[164].

Генерал-губернатор Степного края Сухотин 13 января разослал военным губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей и всем уездным начальникам циркулярное предписание, в котором предлагал применять огнестрельное оружие в случае «враждебных действий со стороны кочевого населения»[165].

Местные националисты всемерно помогали царским чиновникам в подавлении революции. В декабре 1905 г. по инициативе националиста А. Букейханова в Уральске был созван так называемый делегатский съезд феодально-байской верхушки пяти областей Казахстана (кроме Семиреченской), на котором была принята программа кадетов и образован казахский филиал этой партии. В январе 1906 г. на Всероссийском съезде кадетов А. Букейханов был избран членом кадетского ЦК. Националисты Семиреченской области вступили в союз с другой группой либеральной буржуазии — федералистами. Наряду с этими в отдельных местных организациях РСДРП между большевиками и меньшевиками шла довольно острая борьба по предвыборной платформе. К числу таких организаций можно отнести Оренбургскую группу РСДРП, не сумевшую провести своего кандидата в Думу. Эта группа состояла в то время из двух районных организаций—рабочего (железнодорожного) и приказчичьего. При общегородском комитете имелись также боевая дружина, типография, газеты «Степь» и «Простор», слившиеся впоследствии

[162] Там же, ф. 64, д. 1079, л. 83.
[163] Там же, ф. 427, д. 120, л. 65.
[164] Там же, ф. 64, д. 1079, л. 83.
[165] Там же, д. 112, л. 12.

в одну под названием «Степь». В общегородском комитете преобладали меньшевики, а в рабочей районной организации — большевики. В предвыборной кампании меньшевики решили блокироваться с кадетами, эсерами и стоявшей на их платформе мусульманской партией. Большевики осуждали раскольническую позицию меньшевиков. Они решительно отстаивали и пропагандировали большевистскую предвыборную платформу, разработанную и выдвинутую В. И. Лениным. В борьбе против меньшевиков большевики использовали страницы прогрессивной газеты «Оренбургский вестник». В этой газете большевики опубликовали первую часть текста листовки «Кого выбирать в Государственную думу?[166], написанную В. И. Лениным и изданную в ноябре 1906 г. в С.-Петербурге в качестве приложения к газете «Пролетарий» № 8.

Из текста видно, что редакция газеты «Оренбургский вестник» бережно сохранила ленинский текст, заменив лишь в первом абзаце «в С.-Петербурге» словами «в г. Оренбурге», а в последнем «... на выборах за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии» словами «... на выборах за тех кандидатов, которых выставит рабочая партия».

Публикация ленинской работы к выборам в Государственую думу и широкая пропаганда ее по всему Оренбургскому краю вызвала панику не только среди местных кадетов и эсеров, но и злобу меньшевиков.

Меньшевики Оренбурга от имени общегородского комитета поспешили направить письмо в редакцию «Оренбургского вестника» с протестом против опубликования ленинской работы. В письме сказано: «Гражданин редактор! Ввиду могущих возникнуть недоразумений просим Вас на страницах Вашей уважаемой газеты довести до сведения общества, что обращение к избирателям, напечатанное в № 19 Вашей газеты, никакого отношения к Оренбургской группе РСДРП не имеет. Группа не давала и не могла дать, в силу принципиальных разногласий, свою санкцию на печатание такового обращения»[167].

Газета поместила письмо меньшевиков для того, чтобы дать им сокрушительный отпор. Это видно из редакционной статьи, напечатанной в том же номере, как ответ на заявление меньшевиков. В ней подчеркивается, что редакция «никогда не выступала и не думала выступать от имени группы (РСДРП. — *Б. С.*). Но считаем, что общегородской комитет не имел права также выступать в письме от имени группы ввиду того, что, как нам известно,Оренбургская группа не давала своей санкции на заявление общегородского комитета».

Здесь следует привести одну любопытную деталь. На заседании Оренбургского общегородского комитета при обсуждении текста заявления меньшевиков шла жаркая дискуссия, и большевики решительно осуждали половинчатость меньшевистской тактики. Когда меньшевики засевшие в руководстве общегородского комитета, взяли перевес, свыше двадцати большевиков покинули общегородской комитет и, собрав свои силы в районных организациях, написали осуждающее предательскую позицию меньшевиков обращение к рабочим и всем трудящимся города. Вместе с тем большевики единодушно поддержали упоминавщуюся уже реакционную статью «Оренбургского вестника», в которой дана высокая оценка ленинскому документу, вызвавшему гнев меньшевиков: «Редакция убеждена в том, что напечатанное в № 19 «Оренбургского вестника» обращение к избирателям характеризует верно все фигурирующие в России партии с точки зрения классовой борьбы». Далее редакция предлагала меньшевикам написать в популярной форме ответ на «Обраще-

[166] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 292—294.
[167] «Оренбургский вестник», 1907, № 19, 20.

ние к избирателям». «Ибо время не ждет. Предвыборная кампания уже началась»[168].

Все эти факты, обнаруженные и впервые публикуемые нами, свидетельствуют об острой борьбе между большевиками и меньшевиками Оренбурга. Причем борьба шла не вокруг выставленной в депутаты думы кандидатуры, а носила принципиальный характер, явилась выражением тактических разногласий. По существу предательство меньшевиков привело Оренбургскую группу РСДРП к поражению в предвыборной кампании.

На страницах газет «Степь» и «Простор» большевики Оренбурга неустанно продолжали пропаганду ленинской избирательной платформы. Так, например, в номерах газеты «Простор» избиратели призывались подавать свои голоса за кандидатов Оренбургской группы РСДРП. «Только эта партия, — говорилось в воззвании «К избирателям», — способна довести до логического конца борьбу с правительством. Смелее же идите к избирательным урнам. Коль жить, так на свободе или в битве умереть»[169].

Предвыборная пропаганда развернулась на страницах газет демократического направления, как например, «Трудовая жизнь» (Семипалатинск) и др. Группы РСДРП распространяли в Казахстане в большом количестве большевистские прокламации и листовки. В прокламации Курганской группы РСДРП, обращенной «К солдатам II-го Семипалатинского полка», солдаты призывались в случае революционной борьбы перейти на сторону восставшего народа и обратить «дула своих ружей потив насильников народа»[170]. Этот призыв распространяли среди солдат, охранявших железнодоржный мост через Ишим, и в Петропавловске.

В Казахстане, особенно в его северных районах, имели хождение прокламации и листовки Томского комитета РСДРП, которым руководил С. М. Киров.

В Казахстан приходили письма, описывающие революционные события в Закавказье. Революционную агитацию среди населения, особенно среди крестьян, вели солдаты, возвратившиеся с Дального Востока. Не ослабевала революционная работа и среди рабочих горнозаводской промышленности Казахстана. Оживленно распространялись прокламации и листовки РСДРП, проповедующие идеи гегемонии пролетариата, союз рабочих и крестьян, сплочение вокруг РСДРП. Такие же листовки распространялись среди горняков Алтая, в частности в городе Усть-Каменогорске[171].

В период отступления революции под руководством Омского комитета усилилась деятельность социал-демократических групп в северных и северо-восточных районах Казахстана. В своих прокламациях, разоблачая лживый характер и реакционную сущность царского манифеста от 17 октября, Омский комитет РСДРП разъяснял, что «самым непримиримым, самым решительным врагом царского самодержавия является рабочий класс. Он ведет и до конца будет вести борьбу за полную свободу и власть народных масс. В этой борьбе в первых рядах рабочего класса идет его авангард — Российская социал-демократическая рабочая партия»[172].

Почти в большинстве прокламаций Омского комитета РСДРП выд-

---

[168] Там же.
[169] «Простор», 1907, № 7.
[170] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 165.
[171] Там же.
[172] Там же.

вигались лозунги уничтожения самодержавного строя и образования демократической республики. Видный деятель этого комитета В. В. Куйбышев в 1906 и 1907 гг. руководил социал-демократической группой в Петропавловске.

Бывший участник петропавловской группы РСДРП Ф. Виноградов-Ягодин так характеризует деятельность В. В. Куйбышева в Петропавловске: «Он действительно сумел поднять петропавловскую группу: работали кружки на станции и в городе, читались Валерианом Владимировичем доклады; он сумел даже использовать местные газеты, им были втянуты в работу ученики реального училища и ученицы гимназии. Словом, В. В. проявил блестящий организаторско-пропагандистский талант»[173].

Петропавловская группа, руководимая В. В. Куйбышевым, развернула революционную работу не только в Петропавловске, но и в Акмолинске, Атбасаре и Кокчетаве. В этих городах возникли местные социал-демократические кружки. Например, о существовании и деятельности Акмолинского кружка РСДРП в период выборов во вторую Государственную думу говорится в рапорте Акмолинского уездного начальника губернатору области: «Деятельность кружка будет направлена исключительно только на противоправительственную пропаганду, так сказать, на подготовку почвы для будущих революционных действий среди низших слоев населения, в особенности среди крестьян и заводских рабочих, которые более всего восприимчивы к идеям будущего социального строя»[174].

Большую агитационную работу проводил Акмолинский кружок РСДРП, руководимый Петропавловской группой и Омским комитетом РСДРП. Члены кружка распространяли через своих агитаторов по всему Акмолинскому уезду прокламации и листовки РСДРП, полученные из Омска и Петропавловска: «К избирателям», «Для чего идет социал-демократия в Думу», «Черносотенные партии», «Самодержавие прежде и теперь» и др. Прокламация «К избирателям» была перепечатана из большевистской газеты «Пролетарий» и размножена типографским способом Омским комитетом РСДРП. В ней подчеркивалось, что царское правительство нарушило свое обещание дать свободу и законодательные права Думе: «Избирательный закон урезал права крестьян и рабочих в пользу помещиков и капиталистов. Права самой Думы были сведены почти до нуля... Все свободы и права оставались пустой бумажкой, ибо действительная власть, действительная сила была по-прежнему всецело в руках царского правительства».

В прокламации «Для чего идет социал-демократия в Думу» говорится, что рабочий класс борется с самодержавием, что он давно уже вступил в борьбу со всеми эксплуататорскими классами. В ожесточенной схватке дрогнули ряды насильников и царь в Манифесте от 17 октября «обещал народу права и свободу, но обещания его остались на бумаге. Штыками и пулеметами, пушками и смертными казнями царское правительство угрожает тем, кто хочет действительной воли, кто хочет отстоять свою свободу. Оно дало права одним богатым, а для всего остального народа оставило по-прежнему гнет и бесправие, налоги и повинности, штыки и нагайки; оно разогнало даже умеренную Думу, когда она осмелилась напомнить царю о его обещаниях. Царское правительство решило созвать снова Думу, но такую, которая послушно исполняла бы все его приказания и помогала бы ему душить и обирать народ».

Прокламация объясняла, что Российская социал-демократическая

---

[173] «Каторга и ссылка», 1935, № 1.

[174] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 507, лл. 1—10.

рабочая партия идет в Думу для того, чтобы раскрыть глаза народа на его интересы, «помешать правительству созвать черносотенную Думу... Она идет в Думу не для того, чтобы там мирно работать, зная наперед, что ничего из этого не выйдет. Нет, социал-демократия и в Думе и вне ее будет призывать народ к борьбе, за всенародное и полноправное Учредительное собрание, за демократическую республику».

В прокламациях дана характеристика политическим партиям помещиков, буржуазии и кулачества: черносотенцам, октябристам, кадетам, трудовикам. «Черносотенцы стоят за самодержавную монархию, за полицейскую власть, за сохранение своей помещичьей земли». Они—«прямые враги народа, прямые защитники правительства погромщиков, правительства, разогнавшего Думу, правительства военно-полевых судов», — говорилось в прокламации «К избирателям».

В прокламации «Черносотенные партии» указывается, что черносотенцы «заставляют крестьян обрабатывать помещичью пашню за долги или за арендуемую ими землю — это все равно, что отбывать барщину» и что черносотенцы, начиная с «союза русского народа» и кончая октябристами, «хотят задушить освободительное движение, восстановить самодержавие, устроить такую Думу, которая не только не имела бы никакой власти, но в которой даже и голоса народа не было бы слышно, а говорили бы только люди привилегированных сословий — дворяне, духовенство, купцы, фабриканты. Чтобы добиться всего этого, чтобы заставить народ отказаться от борьбы за землю и волю, черносотенцы под покровительством полиции устраивают погромы, собирая и вооружая... черносотенных дружинников». Буржуазные партии дрожат от «торжества крестьянства, а в особенности рабочего класса, потому что страшатся за свои прибыли, получаемые за счет пота и крови рабочих. Для них страшна революция сама по себе, потому что она уменьшает их барыши. Подавить революцию, задушить ее, смирить мятежное крестьянство и крамольный пролетарит — в их интересах».

Партия кадетов охарактеризована как партия либеральной буржуазии. «Либеральные буржуа колеблются между народом и правительством погромщиков, — говорится в той же прокламации. — На словах они против правительства, на деле они больше всего боятся борьбы народа; на деле они хотят сделки с монархией, т. е. с погромщиками, против народа».

Трудовики и эсеры характеризуются в этих прокламациях как партии сельской буржуазии, идущие на выборы рука об руку с контрреволюционной либеральной буржуазией и ее партии — кадетами. Трудовики и эсеры «далеко не всегда умеют освободиться от влияния либеральных буржуа и от буржуазных взглядов во всей своей деятельности», указывается в прокламации «К избирателям».

В том же обращении «К избирателям» сказано: «Крестьяне только тогда смогут добиться земли и воли, если они будут действовать не ходатайствами, а борьбой, если они будут верить не царю и не посулам либеральных буржуа, а верить в силу дружной борьбы рука об руку с рабочим классом».

В прокламациях показана освободительная, всемирно-историческая миссия рабочего класса. «Рабочие — враги всякого угнетения, всякой эксплуатации. Главная конечная цель рабочего класса — полное уничтожение всякой эксплуатации, торжество социализма. Стремясь к этой великой цели, рабочий класс борется за землю и волю для всего народа, потому что это облегчает торжество социализма. Поэтому нет самоотверженнее борца за освобождение, как рабочий класс. И поэтому

партия, выражая интересы рабочего класса, последовательнее других партий ведет борьбу за освобождение».

В рапорте Акмолинского уездного начальника военному губернатору говорится, что распространение листовок исходит «от лиц, входящих в состав... кружка», что члены этого кружка в последнее время довольно открыто выражали свое политическое направление и развернули революционную работу среди населения всего Акмолинского уезда[175].

В прокламации «Ко всем», напечатанной в июле 1906 г. в типографии Омского комитета РСДРП, Петропавловская группа РСДРП, разоблачая провокационные действия третьего отделения и местных черносотенцев, писала : «Пусть не надеются местные погромщики, что им удастся весь гнев народа, направляемый против них, обратить на тот же невинный народ. Пусть они не думают, что им удастся тогда избежать народного суда». Далее она, призывая к бдительности, советовала передовым рабочим и всем честным гражданам Петропавловска разъяснять своим «малоразвитым товарищам коварный замысел местной черносотенной администрации»[176], которая старается внести разложение в ряды борющейся массы, особенно железнодорожных рабочих и служащих.

Судя по отчету делегатов Петропавловской группы РСДРП (их было 3), на Западно-Сибирской конференции РСДРП, созванной в Омске в сентябре 1906 г., группа состояла из двух кружков (подгрупп), объединявших 147 человек. Бюро группы насчитывало 5 человек и избиралось на 4 месяца. Устраивались «партийные собрания, на которых разбиралась программа-минимум»[177].

Петропавловская группа РСДРП вела работу не только в городе и на железной дороге, но и в деревне, среди крестьян, распространяя революционную социал-демократическую литературу[178].

Большим влиянием среди рабочих, трудовых слоев населения городов и деревень пользовалась Уральская организация РСДРП. Под руководством общегородского комитета работали кружки почти на всех предприятиях и на железной дороге, в учебных заведениях (последние несколько позднее были преобразованы в общегородскую социал-демократическую ученическую организацию), среди приказчиков, парикмахеров и работников других мелких заведений. Руководитель кружка учащейся молодежи состоял членом общегородского комитета РСДРП.

Общегородской комитет по существу возглавлял и направлял революционную работу всей Уральской области. В период предвыборной кампании во вторую Государственную думу комитет развернул массовую агитацию и пропаганду среди городских и сельских трудящихся. Наряду с распространением прокламаций и листовок, получаемых из Питера, Москвы и приволжских городов, Уральская организация РСДРП уделяла большое внимание живой устной пропаганде идей и лозунгов РСДРП среди рабочих, крестьян и городских трудящихся.

Уральская организация РСДРП поддерживала непосредственную связь с центром. Об этом свидетельствуют документы. 7 декабря 1906 г. член секретариата ЦК РСДРП прислал из Петербурга в Уральск письмо Ольге Петровне Хорошхиной (связной ЦК РСДРП), в котором просил ее сообщить «новые адреса для присылки листовок, директив и пр.». Далее он писал ей: «Сообщите, доходит ли до Вас что-либо из присы-

---

[175] Там же, лл. 1—14.
[176] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 366.
[177] ГАОО, ф. 19, оп. 12, д. 1.
[178] Там же.

лаемого Вам секретариатом ЦК. Скорее присылайте сведения о себе»[179]. А спустя неделю, 15 декабря, он вновь писал ей: «Товарищи! Непременно известите о том, что из посылаемой вам литературы у вас получается. Иначе нет возможности рассылать, когда не знаешь, доходит ли она по назначению. Пришлите новые адреса». Вместе с письмом были присланы два печатных воззвания РСДРП по поводу «предвыборной агитации в рабочей среде»[180]. С ЦК РСДРП в это время поддерживал связь и ученик Уральского реального училища 18-летний Константин Николаевич Михайловский. Он получал из центра «нелегальные издания РСДРП»[181].

Результаты выборов во вторую Государственную думу показали, что Уральская организация РСДРП завоевала доверие рабочих и крестьян области. Она одержала решающую победу, проведя свою кандидатуру из русского населения области в депутаты Думы.

Жестокий военно-полицейский террор царил и в казахской степи: повсюду происходили аресты и суды над революционными рабочими, крестьянами, революционно-настроенной интеллигенцией, которых отправляли в ссылку или на каторгу в далекую Сибирь.

7 августа 1906 г. царские сатрапы отправляли из Петропавловска политических заключенных. Рабочие города проводили своих боевых товарищей на железнодорожную станцию и, простившись с ними, устроили демонстрацию. На демонстрантов напали две роты солдат под командой ротмистра и без всякого предупреждения начали зверское избиение рабочих.

Безоружных рабочих и горожан «били прикладами, кололи штыками». 20 человек были ранены, из них 5— тяжело[182].

На другой день, на группу ремонтников, работавших вблизи железнодорожного депо, напали вооруженные царские погромщики, ранившие двух рабочих. Поводом к такому дикому произволу «послужил красный сигнальный флажок, который выставляется обыкновенно при работе на пути»[183].

Эти события вызвали глубокое возмущение и протесты со стороны рабочих Сибири. В знак протеста против военно-полицейского, жандармского произвола по отношению к безоружным петропавловским рабочим в Омске по инициативе и под руководством Омского комитета РСДРП 16—17 августа произошли массовые собрания железнодорожных рабочих, в которых в общей сложности участвовало 1100 человек. Было принято обращение — «Письмо к петропавловским рабочим», пострадавшим от рук царских палачей. В нем говорилось, что «революционное движение, охватившее все новые и новые слои народа России, грозило своим потоком смести самодержавное правительство», которое «ради своего спасения, хваталось за все средства, ставило все возможные преграды, чтобы только отсрочить час своей гибели» и что «провокаторы-ротмистры и офицеры, пьяные, невежественные солдаты усердно помогали ему в деле убийства революционно-настроенных людей. Особенно жестоко расправляется правительство с рабочими, как передовыми борцами за Учредительное собрание, следовательно, и самыми опасными своими врагами»[184]. Рабочие выразили глубокое сочувствие пострадавшим, обещали им «помочь материально и... организованной

---

[179] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, 1907, д. 5, ч. 77, лл. 2, 3.
[180] Там же.
[181] Там же, лл. 6, 10.
[182] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 401.
[183] Там же.
[184] Там же.

силой, призвали всех братьев-рабочих, сплотившись вокруг социал-демократической партии, тщательно готовиться к совместной решительной борьбе с самодержавием за «властное Учредительное собрание, за демократическую республику»[185].

19 августа 1906 г. в Петропавловском депо вновь прошло собрание, на котором присутствовало около 100 рабочих, где обсуждался вопрос о грубом произволе царских погромщиков 7—8 августа. По инициативе местной социал-демократической группы была принята резолюция, в которой отмечалось: «1) что ни созыв старой думы, ни выборы новой, назначенные в феврале, не спасут народ от случаев такого насилия, какое мы испытывали на собственных спинах, покамест вся государственная власть находится в руках нынешнего преступного правительства;

2) что только тогда, когда весь народ своей геройской борьбой вырвет власть из рук правительства и созовет полновластное Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права — только тогда будут невозможны случаи такого произвола и только тогда Учредительным собранием будут установлены порядки, нужные всему народу. Вместо нынешнего самодержавия царя — самодержавие народа, т. е. демократическая республика».

Собрание решило «по первому призыву Центрального Комитета РСДРП присоединиться к всеобщей борьбе народа за Учредительное собрание» и «соединиться в профессиональные союзы, с одной стороны, и в Российскую социал-демократическую рабочую партию, с другой стороны». Лишь при этом условии, говорится в резолюции, «к моменту решительной борьбы мы будем сознательны, сплочены, солидарны, с большими средствами, отчего мы будем сильнее и нам легче будет бороться. Только сплачиваясь друг с другом, затем с рабочими в других местах и других странах, мы составим великую всемирную армию пролетариата, которая добьется уничтожения всякого рабства»[186].

Резолюция заканчивается заверением, что очень скоро наступит время, когда «эти убийцы, людьми отвергнутые, отечеством проклятые, предстанут перед судом истории во всей своей дикости и необузданности»[187].

Эта резолюция выражала думы и чаяния борющихся масс, которые возглавляла местная группа РСДРП.

Большую пропагандистскую работу в период отступления первой русской буржуазно-демократической революции вели члены социал-демократического кружка Атбасара.

Кустанайская группа РСДРП имела тесную связь с Оренбургским и Омским комитетами РСДРП, от которых она получала руководящие указания. Она распространяла прокламации и листовки среди трудящихся масс города и уезда.

Кустанайский уездный начальник в одном из своих рапортов на имя тургайского военного губернатора писал, что «население к агитаторам, как замечается, относится сочувственно и не всегда охотно может давать сведения о их деятельности». Он настоятельно просил командировать в Кустанайский уезд «для секретного наблюдения» за деятельностью местной группы РСДРП жандармского офицера и двух-трех унтер-офицеров, которые имели бы возможность «более следить» за лицами, занимающимися революционной пропагандой[188].

В одной из прокламаций, обращенной к «Гражданам города Куста-

---

[185] Там же.
[186] Там же, л. 416.
[187] Там же.
[188] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 327, лл. 4—5.

ная», местная социал-демократическая группа писала: «Граждане! Слейтесь в единый могучий поток, громко и смело выскажите свое презрение заклятому врагу, полицейскому правительству.

Требуйте предания народному суду насильников народа»[189].

Кустанайская группа РСДРП имела связь с социал-демократами Челябинска и некоторых других городов горнозаводского Урала.

В южных районах Казахстана и в Семиречье в годы отступления революции вел большую работу Ташкентский комитет РСДРП. На страницах социал-демократической газеты «Солдатский листок — Правда», выходившей в Ташкенте, помещались статьи, призывавшие бороться за раскрепощение коренного населения Средней Азии и Казахстана, за предоставление ему политических свобод. Так, в статье «Чего хотят рабочие?», опубликованной 7 февраля 1906 г., говорилось: «...Рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права самоопределения, т. е. определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской Республике»[190].

В резолюции первой Туркестанской конференции РСДРП (март 1906 г.) большевики провели специальную резолюцию о работе среди трудящихся Средней Азии и Казахстана. «Конференции, — говорится в информационном сообщении, — пришлось относительно дольше останавливаться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особое внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию как словесную, так и путем листовок, а также и пропаганду»[191]. Однако, социал-демократическая организация Туркестана, в которой значительным влиянием пользовались меньшевики, не сумела претворить в жизнь это решение конференции. Она слабо руководила местными группами и кружками в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях.

В период отступления революции Семиреченская группа РСДРП самостоятельно выпустила несколько прокламаций и листовок, в которых идеи гегемонии пролетариата, союза пролетариата и крестьянства не были сформулированы четко. Правда, в одной из этих прокламаций (январь 1907 г.) давалась правильная оценка думской политики царского правительства и вскрывалась контрреволюционная сущность помещичьих и буржуазных партий как опоры царизма. «Неужели же вы хотите, — говорилось в прокламации, — всю Россию, весь многострадальный русский народ отдать во власть разных путоловых и чичасовых, разных предводителей воровских шаек? Нет, этого не может быть и не будет.

Избранников богачей царь величает «людьми, избранными всем населением», но народ думает иначе и на все царские посулы отвечает одним грозным криком: «Да здравствует Учредительное собрание, избранное всем народом на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования!»[192] Выставить своего кандидата в депутаты второй Государственной думы Семиреченская группа даже не пыталась.

Социал-демократические организации Казахстана во II Государственной думе были представлены тремя депутатами: Виноградов — Акмолинская область, Голованов — Тургайская область и Космодемиянский — Уральская область Первые два были большевиками, а

---

[189] ЦГА КазССР, ф. 25, оп. 1, д. 968 а, л. 14.
[190] «Солдатский листок — Правда», 1906, № 2.
[191] «Революция в Средней Азии», вып. 1, 1929, стр. 68.
[192] ЦГА КазССР, ф. 76, д. 747, л. 7.

последний колебался между большевиками и меньшевиками. Кандидатура Захарова, выставленная Оренбургским комитетом РСДРП, не баллотировалась, так как жандармам удалось заключить его в тюрьму. Зато феодально-байской верхушке Казахстана удалось протащить в Думу своих представителей.

Характерно, что в 1906—1907 гг. революционные события в Казахстане не только не ослабевали, но, наоборот, охватывали все более и более широкие слои населения.

Дело в том, что революция повсеместно отступала с боями. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» (апрель 1914 г.) В. И. Ленин определяет три периода подъема и сравнительной «свободы» в стране во время первой русской буржуазно-демократической революции: осень 1905 г., весна 1906 г. и весна 1907 г.[193] Особенностью же Казахстана является его окраинное положение, вследствие чего волна от удара, нанесенного царизму в центре, дошла сюда несколько позже.

Рабочие Успенского рудника, уволенные за участие в декабрьских забастовках 1905 г., не отказались от борьбы. Они в деревнях вели революционную агитацию среди крестьянства. Акмолинский уездный начальник указывал 20 января 1906 г. полицейскому уряднику 3-го участка: «Иван Прилепский помимо уже того, что является одним из главнейших лиц, принявших участие в подготовке рабочих к забастовке на Успенском заводе, позволил себе еще, проезжая с названного рудника в селение Вишневское и остановившись в Александровском поселке, агитировать между крестьянами этого поселка в революционном и противоправительственном направлении»[194]. А в телеграмме помощника акмолинского уездного начальника военному губернатору области сообщается: «Бывший рабочий Успенского рудника крестьянин Тургеневского селения Михайловской волости, Акмолинского уезда Владимир Мартыновский, он же Мартылого, уроженец Одесского уезда, проезжая после забастовки на Успенском руднике через селение Киевское, остановившись там, агитировал в этом селении в революционном направлении, оскорблял государя императора и проповедовал ниспровержение власти»[195].

В рапорте акмолинского уездного начальника от 5 марта 1906 г. военному губернатору области описывается деятельность того же Мартылого, который «проживал несколько дней в с. Киевском, причем, пользуясь праздничным временем, ходил по селу и дозволил себе агитировать в противоправительственном направлении, проповедуя крестьянам о необходимости свержения существующего ныне государственного строя и об учреждении республики»[196]. В этом же рапорте говорится и об Иване Прилепском.

Революционную пропаганду в деревнях вели и агитаторы местных социал-демократических групп. В июне 1906 г. петропавловский уездный начальник доносил военному губернатору Акмолинской области о том, что агитатор-крестьянин А. Звездин ходил по деревням, распространял революционные прокламации и агитировал против существующего строя[197].

В Семиречье революционную агитацию среди трудящихся масс проводил казак Березовский, подвергнувшийся репрессиям со стороны царских властей. Березовский читал на собраниях крестьян и городской

[193] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 229
[194] ЦГА КазССР, ф. 88, д. 134, л. 8.
[195] Там же, ф. 64, д. 499, л. 15.
[196] Там же, лл. 71—76.
[197] Там же, ф. 369, д. 908, л. 120.

бедноты революционную литературу, распространял противоправительственные прокламации и был весьма популярной личностью. 21 мая 1907 г. в Верном происходила демонстрация городской бедноты, требовавшая освобождения из-под стражи казака Березовского[198].

Революционную пропаганду не свертывали Челкарская и Казалинская группы РСДРП. Например, в прокламации «К товарищам солдатам», разбросанной в сентябре 1906 г. на железнодорожной станции, Казалинская группа РСДРП, характеризуя невыносимо тяжелое положение рабочих и крестьян, писала: «Товарищи солдаты! Теперь вы узнали из-за чего ведется эта ужасная борьба. Неужели у вас поднимается рука, чтобы поразить борца за свободу? Ведь вы вышли из нашей семьи. Добиваясь себе свободы, мы добиваемся ее и вам. Неужели вам не надоело носить позорные цепи рабства?»[199]

В другой прокламации говорилось, что «народ понял коварство царя, он не верит ему, всюду идет глухая борьба с его чиновниками. Но скоро настанет время, когда пламя восстания охватит весь край, раздастся народный боевой клич, тогда мы восстанем, ураганом пронесемся по родной стране, сметем и уничтожим своих врагов, с корнем вырвем самодержавие и их кровью потушим пожар... Долой насилие!»[200]

Казалинская группа РСДРП писала и распространяла прокламации, специально обращенные «К рабочим и служащим Ташкентской железной дороги», где самодержавие характеризуется «как жадный хищник», который вцепился «в народное тело и пьет его кровь. Оно терзает и мучает Россию, — подчеркивается в прокламации, — чаша терпения народного переполняется... поднимается крестьянство. Когда с красным знаменем в руках ринется в последний бой с самодержавием городской рабочий, мы, железнодорожники, ответим им дружной поддержкой. В нас грозная сила..., но чтобы выступить грозной силой, мы должны сплотиться... Товарищи, готовьтесь к решительным выступлениям! Наши силы нужны, чтобы борьба народа с самодержавием была победоносной!»[201]

В прокламациях казалинских социал-демократов говорилось, что царское правительство, опасаясь дальнейшего роста рабочего и аграрного движения в стране и разложения армии, прибегает к гнусным мерам, организует погромы, «армяно-татарскую резню и применяет белый террор... этим оно хочет парализовать революционную силу народа... Дни самодержавного строя сочтены, оно стоит у края могилы»[202]. Далее казалинская группа РСДРП призывала рабочих, крестьян и городскую бедноту к организованности, бдительности и сплочению вокруг социал-демократической партии», которая является выразительницей интересов всего народа, «разрушит современный строй и на развалинах старого создаст новое, лучшее, светлое, которое будет называться демократической республикой. Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»[203]

Казалинская группа имела связь с ЦК РСДРП, нередко получала резолюционную партийную литераутру из С.-Петербурга. Так, 30 января 1907 г. департамент полиции поставил в известность сыр-дарьинского военного губернатора о том, что «Центральный Комитет социал-демокра-

---

[198] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 108, ч. 8, л. 3.
[199] ЦГА УзССР, ф. 50, оп. 1, д. 411, лл. 83—91.
[200] Там же.
[201] Там же.
[202] Там же.
[203] Там же.

тической партии пересылает в город Казалинск революционную литературу»[204].

Организованный в дни Всероссийской октябрьской политической стачки «Казалинский районный комитет Туркестанского отделения Всероссийского железнодорожного союза» в период отступления революции также развернул революционную работу среди рабочих и служащих Оренбургско-Ташкентской железной дороги в тесном контакте и связи с Казалинской группой РСДРП[205]. Судя по материалам царских следственных органов, этот комитет имел целью «ниспровергнуть путем единовременного прекращения движения поездов и работ на всех железных дорогах, а в случае надобности и путем вооруженного восстания существующий в государстве общественный строй с тем, чтобы заменить таковой новым на началах, проповедуемых социал-демократической рабочей партией»[206], — писал следователь Ташкентского окружного суда.

Факт существования в маленьком степном городишке Казалы социал-демократической группы, поддерживавшей связь с ЦК и способной выпускать и распространять среди железнодорожных рабочих и населения уезда прокламации и листовки, сам по себе свидетельствует о том, что в период первой русской революции социал-демократическое движение охватило почти всю страну, в том числе ее отсталые национальные восточные окраины.

По всем данным видно, что Казалинская группа РСДРП в основном состояла из железнодорожных рабочих, а ее организаторами были лица, приехавшие сюда из пролетарских центров страны.

Прокламации Казалинской группы составлены в духе лозунгов большевиков периода первой русской революции.

Десятки прокламаций и листовок издавала и распространяла среди населения массовым тиражом семипалатинская группа РСДРП. В одной из ее прокламаций (январь 1906 г.) разоблачалось палачество царского правительства, которое «в своих предсмертных судорогах залило кровью Россию, ограбило жителей... Вся Россия отдана на произвол военной силы: повсюду полевые суды, повсюду расстрел». Прокламация призывает трудящихся сплотиться вокруг РСДРП, партии рабочего класса, поднять «красное знамя восстания, знамя великой революции» и идти «на защиту прав человека и гражданина». «Ножки подгнившего трона шатаются во все стороны, — писала она, — и еще один мощный удар и самодержавный строй рухнет, падет произвол!». Семипалатинские социал-демократы призывали к борьбе за смену самодержавного строя демократической республикой, созыв Учредительного собрания и выборы временного революционного правительства на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования[207].

В ходе революционной борьбы ряды Семипалатинской группы РСДРП пополнились за счет массового вступления рабочих, «способных к партийной работе, и таких, которые могут разбираться в партийных лозунгах (кстати сказать, большев. фракций), насчитывалось около 600 человек»[208].

Семипалатинская группа (комитет) РСДРП проводила митинги и демонстрации трудящихся. 29 августа 1906 г. на одном из митингов была принята резолюция, в которой говорилось: «Мы, семипалатинские

---

[204] Там же, ф. 10, д. 1538, л. 141.
[205] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 411, лл. 83—91.
[206] Там же.
[207] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 9.
[208] «Степной пионер», 1906, 13 октября.

граждане, собравшись на митинге и примыкая к РСДРП, стремимся к низвержению современного самодержавного строя и требуем замены демократической республикой. Долой самодержавие! Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП»[209].

Этот документ убедительно показывает, насколько выросло в период революции могучее влияние РСДРП среди угнетенной массы населения отдаленной колониальной окраины царской империи.

В деревнях Кокчетавского уезда вели революционную агитацию и распространяли прокламации РСДРП крестьяне, только что переселившиеся из Центральной России, а также рабочие предприятий Кокчетава и Петропавловска.

Помощник начальника омского жандармского полицейского управления доносил из Петропавловска в 1907 г. своему начальнику, что в Кокчетавском уезде агитаторы из крестьян-переселенцев рассказывают крестьянам-старожилам об аграрном движении в Центральной России, о захвате крестьянами помещичьих имений и что эти рассказы оказывают сильное революционизирующее влияние на старожилов. «Однако, кроме этих агитаторов-переселенцев большое дело сделали противоправительственные воззвания, — писал он, — фабриковавшиеся гектографическим способом в с. Кривозерном и в большом количестве распространявшиеся по Кокчетавскому уезду, а также и брошюры противоправительственного содержания, рассылаемые комитетами социал-демократической рабочей партии». Полицейский чиновник замечал, что революционные идеи уже пустили «достаточно глубокие корни и в Кокчетавском уезде». Он сообщал, что в деревнях этого уезда задержано несколько лиц, зараженных идеями социализма и «действующих на крестьян в нежелательном направлении» и конкретно назвал Н. А. Жаркова — механика спичечной фабрики Харламова, расположенной недалеко от с. Кривозерного, помощника заведующего сельскохозяйственным складом земледельческих орудий Переселенческого управления в с. Кривозерном Д. А. Романенко и др.[210]

В декабре 1906 г. староста с. Воскресенка Кокчетавского уезда несколько раз находил и передавал полицейскому уряднику прокламации РСДРП[211].

О влиянии аграрных событий в европейской России на местное крестьянство сообщал 5 марта 1906 г. военному губернатору области акмолинский уездный начальник. Он писал, что «кроме того неудовольствия и брожения, которые существовали среди местных крестьян и мещан, часто на аграрной и экономической почве... появляются еще и новые, имеющие тесную связь с крестьянским движением европейской России, где крестьяне во многих местностях поголовно отказываются от уплаты податей и сборов»[212].

Налоги и недоимки отказывались платить крестьяне Петропавловского, Акмолинского и Кокчетавского уездов Акмолинской области, Кустанайского, Иргизского и Актюбинского уездов Тургайской области, Уральского и Темирского уездов Уральской области, Верненского и Копальского уездов Семиреченской области, Усть-Каменогорского, Семипалатинского и Павлодарского уездов Семипалатинской области и др. Крестьяне избивали сельских старост, волостных управителей, громя нередко их канцелярии.

---

[209] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 169, л. 514.
[210] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 544, лл. 35—39.
[211] ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 213, л. 169.
[212] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 499, лл. 71—76.

Так, в 1907 г. крестьяне с. Васильевского Каменогорской волости Кокчетавского уезда отказались погасить недоимки. Они осадили канцелярию волостного управителя и сельского старосты. На помощь последним из Кокчетава приехали полицейские, арестовавшие инициаторов волнения. Тогда толпа крестьян ринулась на полицейских, освободила арестованных и «категорически заявила, что отправить их они не дадут, а также недоимку платить не будут»[213]. Крестьяне требовали ссуды и материалов для жилых и хозяйственных строений, раздавались голоса о предоставлении свободы, народного управления и т. п.

Аульная беднота также вела революционную борьбу против реакционной политики царизма. В некоторых местах она мешала деятельности топографов и производителей работ переселенческих управлений, выгоняя их из степи. Так, топограф Урало-Тургайского переселенческого района Малянчиков, работавший в ауле № 1 Хобдинской волости Актюбинского уезда Тургайской области, 13 мая 1906 г. доносил, что казахская беднота не дает ему производить работу, не предоставляет подвод и кибиток, не разрешает находиться в ауле[214]. Топограф Пославский, работавший в ауле № 3 Илецкой волости, 25 мая 1906 г. телеграфировал военному губернатору Тургайской области: «Громадная толпа киргиз насильно разобрала мою кибитку, прогнала рабочих... лишила возможности продолжать работы». Топограф, производивший работы в ауле № 8, второй Буртинской волости Актюбинского уезда прислал заведующему переселенческим участком акт, составленный им 9 июля 1906 г., в котором читаем: «Киргизы 8-го аула 2-й Буртинской волости продолжают снимать межевые знаки... Работы продолжать невозможно»[215].

И в начале 1907 г. казахские шаруа аулов № 1, 3, 4 и 7 Хобдинской волости Актюбинского уезда продолжали препятствовать работе переселенческих партий, заявляя: «Теперь не дремать, а будем защищать себя». 8 февраля Столыпин специальной телеграммой военному губернатору Тургайской области угрожал жителям указанных аулов, что «всякое их сопротивление работам переселенческих партий будет подавляемо военной силой, а виновные будут подвергаться наказанию по всей строгости законов»[216]. Далее он предложил губернатору усилить военно-полицейский режим в области.

Ввиду всевозрастающего сопротивления казахского населения реакционной политике царизма, управляющий Урало-Тургайским переселенческим районом князь Васильчиков настаивал перед военным губернатором Тургайской области на принятии решительных мер, вплоть до применения силы, ибо «всякие колебания... особенно при первых опытах самовольных действий киргиз, считаю чрезвычайно опасным для будущего»[217].

Бедняки выступали также против крупных баев, скотовладельцев, узурпировавших общинные земли. Летом 1906 г. происходило сильное волнение среди казахского и уйгурского населения Джаркентского уезда Семиреченской области. Трудящиеся требовали от местных властей обеспечения их пахотной и пастбищной землей. Они выступали против крупного уйгурского полуфеодала В. Юлдашева, требуя изъятия части его земли и раздачи ее безземельным и малоземельным уйгурским крестьянам.

---

[213] Там же, д. 642, лл. 3—4.
[214] Там же, ф. 427, д. 120, л. 70.
[215] Там же, лл. 71—73.
[216] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, 1906, д. 117, л. 144.
[217] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 3316, л. 27.

Аульная беднота, протестуя против налогового гнета царизма, нередко выгоняла и избивала представителей царской власти. Так, 21 июня 1907 г. жители аула № 1 Чингильчийской волости Иргизского уезда Тургайской области сильно избили аульного старшину Н. Тайгарина, собиравшего с населения непосильные налоги и повинности. В акте, составленном самим Тайгарином, говорится, что аульная беднота категорически отказалась подчиняться, «не принимая меня за должностное лицо... начали всячески ругать, наносить мне побои; стащили с лошади, сорвали с моей груди приколотый должностной знак, а потом вырвали из моих рук сумку, в которой были дела и бумаги и изорвали их. Кроме того, находившаяся в ауле киргизка Қанбиби, по мужу Мендыгарина, в свою очередь всячески ругала меня, а потом принесла нож, которым угрожала меня лишить жизни»[218]. Такие выступления казахского народа против аульно-волостной администрации, выражавшей интересы феодально-байской верхушки, происходили почти повсеместно в крае.

Все же необходимо отметить, что крестьянское движение в Қазахстане на всех этапах первой русской революции оставалось разрозненным, неорганизованным. Проснувшись от векового сна, крестьянская масса лишь вступила на путь революционной борьбы против царизма и баев-полуфеодалов.

В течение 1906—1907 гг. развернулись революционные выступления трудящихся масс городов и промышленных предприятий края.

4 июня 1906 г. в Семипалатинске происходила забастовка рабочих шерстомоек, принадлежавших фабрикантам Асееву, Қолмакову и Злоказову. Около 300 рабочих собрались в Народном доме и отправились снимать своих товарищей-мойщиков с работы. Часа через два-три новая толпа мужчин, женщин и детей пришла в Народный дом. В помещении не хватало мест и многие стояли в сенях и на улице. На собрании рабочие разделились на группы по профессиям. Для выработки общих требований от каждой группы были избраны свои депутаты (представители). Их оказалось до 25 человек, в том числе несколько женщин.

Рабочие выставили следующие требования: десятичасовой рабочий день для взрослых и восьмичасовой — для детей; увеличение жалования мужчинам до 70 коп., женщинам — до 50 коп., а детям до 25 коп.; ежегодно командировать выборного из артели за покупкой продуктов с сохранением установленной заработной платы; оказание рабочим бесплатной медицинской помощи и выплата зарплаты рабочему за первые три дня его болезни; вежливое обращение администрации с рабочими и прекращение непозволительного отношения к женщинам со стороны нарядчиков; не увольнять рабочих за забастовку и не лишать их зарплаты в забастовочные дни; обеспечить рабочих бесплатной переправой с правого берега Иртыша на левый берег[219].

Конечно, в силу своей отсталости рабочие шерстомоек ограничились лишь экономическими требованиями, но и такие забастовки открывали рабочим глаза и проясняли ум борющихся масс.

В середине июня 1906 г. проходила забастовка рабочих оренбургской городской бойни, требовавших улучшения их экономического и бытового положения. Забастовка кончилась победой рабочих[220]. Такие же требования предъявили и рабочие главных мастерских Оренбургско-Ташкентской ж. д.

Рабочие обойных мастерских фабрикантов Жорова, Клеймина и Эхта выступали за сокращение рабочего дня, увеличение заработной

[218] Там же, ф. 421, д. 59, л. 2.
[219] «Семипалатинский листок», 1906, 6 июня, № 35.
[220] «Степь», 1906, № 38.

платы и улучшение материального положения[221]. Требования разрабатывались и обсуждались на многолюдных собраниях рабочих. С 3 по 6 июля длилась забастовка рабочих всех предприятий города Семипалатинска. Поводом к ней послужило невыполнение обещания администрацией одной из пристаней Иртышского пароходства о повышении поденного заработка рабочим. В знак протеста речники Иртышского пароходства забастовали, к ним присоединились рабочие других предприятий города. Бастовали плотники, маляры, штукатуры, чернорабочие. В забастовке участвовали казахские и татарские рабочие всех предприятий. С 2-х часов дня 5 июля закрылись все магазины города. Продавцы, объявив забастовку, присоединились к рабочим. 6 июля состоялась массовая демонстрация, завершившаяся многолюдным собранием в Народном доме. Подробности этого собрания так описывал корреспондент газеты «Семипалатинский листок»: «Зал переполнен народом. Масса рабочих стояла на улице кучками и оживленно разговаривала.

— Товарищи! — раздалось с трибуны, — Мы собрались сюда для выработки требований, которые имеем предъявить к нашим хозяевам»[222].

Требования рабочих сводились главным образом: «к сокращению рабочего дня с 12—14 до 10 часов в сутки, а по субботам — 8 часовой труд (с 6 до 4 часов вечера), к уравнению «однородным рабочим» жалования, к прибавке платы на 10 проц., а также к улучшению бытовых условий, введению такого порядка, по которому бы не допускалось увольнения рабочего без согласия артели и объяснения причин».

Корреспондент продолжает свой отчет: «Обращая взоры к стоявшей в стороне с женами и детьми большой группе казахских рабочих, выступавший оратор воскликнул с трибуны: «Посмотрите теперь, как живут наши товарищи с мойки... Рабочий день у них начинается с 3-х часов утра и продолжается с небольшим перерывом до... 9 часов вечера! За этот каторжный труд они получают: мужчины не больше 40 коп., а женщины 25—30 коп., дети 15 коп. в сутки. Живут они в бараках и спят вповалку на нарах»[223].

На собрании обсуждался вопрос об организации профессионального союза. Ораторы призывали всех рабочих вступить в профессиональный союз, чтобы иметь легальную возможность для защиты своих интересов.

Пришли на собрание и подрядчики. Рабочие потребовали от них покинуть зал. «Господа подрядчики — здесь вам не место!... Мы пришли сюда защищать наши, а не ваши интересы. Вам не место здесь!»[224] — заявляли выступавшие рабочие.

Казахские и татарские рабочие также говорили о своих нуждах и требованиях.

Собрание приняло постановление об организации профессионального союза, в члены которого тут же вступило большое число рабочих.

Забастовка в основном закончилась победой рабочих. Почти на всех крупных и мелких предприятиях, за исключением шерстомойки, их требования были удовлетворены.

Рабочие шерстомойки «не сошлись с хозяевами в гривеннике и в плате за забастовочные дни», вследствие чего они решили с 7 июля продолжать забастовку.

Эта забастовка еще больше «открыла глаза рабочим», — говорится в корреспонденции, помещенной в «Семипалатинском листке». В ней приводилась выдержка из выступлений рабочих: «Ведь мы, как и наши

---

[221] Там же, № 41, 85.
[222] Там же, № 36.
[223] Там же.
[224] «Трудовая жизнь», 1907, № 1.

хозяева, тоже люди, ведь мы тоже имеем потребность в хорошей пище, одежде, жилище. Так же как и хозяева, мы нуждаемся в отдыхе, в разумных развлечениях. Мы тоже желаем быть грамотными, жаждем просвещения... Мы не можем всеми этими благами пользоваться потому, что мы все время проводим в работе и получаем ничтожную плату. Наши хозяева соблюдают только свои карманные интересы и забывают совершенно о нас, о наших насущных потребностях. Мы страдаем различными болезнями благодаря невозможным гигиеническим условиям на работах. Мы стареем прежде времени, а наши дети умирают от истощения»[225].

В этих словах изливались горе и страдание рабочих.

Движение охватило рабочих и мелких служащих разных профессий: портных, фотографов, парикмахеров, приказчиков, рабочих типографии, строительных рабочих, чернорабочих, мелких кустарей, мясников и др. 27 августа в Оренбурге состоялся митинг мясорубов и мелких мясоторговцев-мусульман, на котором участвовало 50 человек. Один из ораторов, охарактеризовав переживаемую страной эпоху революционной бури, призвал участников вступить в ряды революционной партии пролетариата и объединиться в профессиональный союз[226]. В этот же день в Уральске состоялся многолюдный митинг трудящихся, посвященный организации профсоюзов[227]. В 1906 г. во всех городах Казахстана развернулось движение за организацию профсоюзов, призванных защищать интересы трудящихся масс.

В начале 1907 г. в Семипалатинске выходила газета «Трудовая жизнь» — орган профсоюзов. На страницах постоянно описывалось тяжелое положение рабочих и всех трудящихся. Редакционная статья, помещенная в первом номере, говорила о целях и ближайших задачах газеты, что «она прежде всего будет выяснять положение и отстаивать интересы трудящегося народа. Кроме статей общего характера, в которых будет описываться рабочее движение как в России, так и за границей, ближайшее свое внимание редакция обратит на выяснение быта семипалатинских рабочих и приказчиков, их нужды всегда найдут горячий отклик в газете, защита их прав — всегда будет первой целью «Трудовой жизни». Придавая громадное значение профессиональным союзам, редакция будет давать подробные отчеты о деятельности семипалатинских приказчичьего и рабочего союзов. Редакции хотелось бы, чтобы «Трудовая жизнь» стала официальным органом этих союзов»[228].

В этой статье подчеркивалось, что газета «будет оценивать все общественные явления с классовой пролетарской точки зрения».

На территории Казахстана, в аулах распространилась социал-демократическая газета «Урал», выходившая в 1907 г. в Оренбурге на татарском языке и издававшаяся в соответствии с решением III съезда РСДРП. Газета, разоблачая реакционную сущность самодержавия и эксплуататорских классов, призывала национальных рабочих и крестьян к революционной освободительной борьбе, проповедывала идею дружбы народов. На ее страницах был опубликован перевод гимна «Интернационал». Газета завоевала популярность среди татар, башкир, казахов, узбеков и других тюркоязычных народов. Ее редактор Хусаин Ямашев проявлял энергичную деятельность в пропаганде идей народной революции среди коренного населения Казахстана и национальных меньшинств Урала и Поволжья. Он умер в 1912 году. Большевистские газеты «Звез-

---

[225] «Семипалатинский листок», 1906, № 37.
[226] «Степь», 1906, № 95.
[227] Там же, № 96.
[228] «Трудовая жизнь», 1907, 25 марта.

да» и «Невская звезда» посвятили тогда Хусаину Ямашеву некрологи, в которых подчеркивались его большие заслуги перед РСДРП в период первой русской революции.

В некрологе, помещенном в большевистской газете «Невская звезда», говорилось, что «в 1905 г. Хусаин Ямашев открыто явился на передовые позиции татарской социал-демократической молодежи. Деятельный и подвижный, он работал не только по организации, но участвовал в социалистических газетах, появившихся тогда в Оренбурге, где он издавал популярную социал-демократическую газету «Урал» на татарском языке. Эта газета вышла только в количестве 50 номеров, так как ее закрыли»[229].

В 1906—1907 гг. в армии революционное движение было на подъеме. По официальным данным за период с января по сентябрь 1906 г., в армии и во флоте произошло 21 восстание, охватившее около 30 000 солдат и матросов, было отмечено также 230 случаев крупных и мелких революционных выступлений, в которых приняло участие около 124 000 человек[230]. Росло число воинских «преступлений». В 1905 г. их насчитывалось 15 786, в 1906 г. — 23 814, а в 1907 г. — 26 066[231].

Волнения охватили не только армию и флот, но и казаков. Например, 19 января 1906 г. вновь происходило волнение в Джаркентском гарнизоне. Солдаты и казаки предъявили начальнику гарнизона требования из 23 пунктов. Они требовали, чтобы довольствием распоряжались сами же солдаты через выборных представителей, требовали бесплатных школ для обучения солдат и казаков грамоте, открыть доступ к учебе «всем желающим, даже не принадлежащим к гарнизону»; «для всех нижних чинов и их семейств гарнизона должен быть устроен, на средства частей войск, клуб с чайной и библиотекой, куда вход должен быть без военной формы»; «в клубе допускать устраивать спектакли и чтение лекций; офицерам разговаривать с солдатами на службе «ты», а вне службы — «вы», разбирать повинности солдат в общегарнизонном суде[232] и т. д.

Из этих и других пунктов требования видно, что солдаты говорили лишь о своих повседневных насущных нуждах, проявляя недовольство против произвола, насилия и злоупотребления со стороны командования.

В начале 1906 г. отставные солдаты, отправлявшиеся домой, открыто выступили в Акмолинске против местных властей и отказались повиноваться командованию гарнизона. Они повели революционную агитацию среди городской бодноты и крестьянства, распространяя социал-демократические прокламации и листовки.

3 июля 1906 г. в знак протеста против военно-полицейского произвола совместно выступали солдаты и рабочие в центре Сыр-Дарьинской области и всего Туркестанского края в Ташкенте. Поводом к выступлению послужил суд над «нижними чинами» за активное участие в революционной борьбе и этапирование 18 политических заключенных в Красноводск. Около тысячи рабочих, оставив работу, двинулось на вокзал, окружило вагоны с политическими заключенными и в течение шести часов (с 12 часов дня до 18 часов вечера) задерживало отправку вагона с арестованными[233]. Только усиленному наряду казаков и полицейских с трудом удалось прицепить вагон к поезду и отправить его. А

---

[229] «Невская звезда», 1912, 3 июня.

[230] М. Ахун и А. Маковский. Военная работа большевиков в 1905—1907 гг. Л., 1941, стр. 126.

[231] Там же

[232] ЦГА КазССР, ф. 76, оп. 1, д. 719, л. 65.

[233] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 1817, ч. 79, лл. 1—2.

в этот момент находившиеся в лагере в трех верстах от Ташкента Закасписки и Туркестанский саперные батальоны, разобрав ружья, двинулись на вокзал, чтобы освободить арестантов — своих товарищей солдат. Местные власти объявили в Ташкенте осадное положение. Спешно был вызван казачий полк и 3-й Туркестанский стрелковый батальон с двумя пулеметами, которые сразу же заняли оборону у железнодорожного вокзала. Кроме того, по приказу командования Туркестанского военного округа в район вокзала были спешно переброшены две роты Ходжентского батальона. Восставшие саперы, приблизившись к вокзалу, заняли позиции и открыли огонь по царским войскам и полицейским. Завязался бой. Когда восставшие узнали, что поезд с политическими заключенными отправлен в Красноводск, они вернулись в лагерь и сдали оружие командованию. Со стороны повстанцев был убит один и ранено 12 человек[234].

В мае 1907 г. происходили волнения в 5-м Западно-Сибирском стрелковом батальоне в г. Верном.

Все эти события показывают, какие широкие массы населения охватила революция в России.

Революционные события продолжались и в начале 1907 г.

23 января рабочие, подававшие уголь к паровозам на железнодорожной станции Петропавловск, объявили забастовку[235]. Они повторили ее 24 февраля[236]. 12 февраля забастовали рабочие депо. Рабочие требовали: «1) сохранить периодические прибавки жалования и увеличить поденную плату на 20 процентов ввиду отмены мобилизационных надбавок; 2) ограничить число рабочих дней; 3) отпускать дрова по прежней цене — 4 руб. 50 коп.; 4) выдавать деньги больничные, похоронные и на крестины по утвержденной министерством норме; 5) при прибавках жалования и при увольнении должна участвовать комиссия из рабочих; 6) возвратить всех уволенных рабочих за так называемую политическую неблагонадежность; 7) никто не должен быть уволен за забастовку; 8) за время забастовки рабочие получают полную поденную плату и 9) вернуть товарищей, которые работают в Исиль-Куле и больше туда и в Омск никого не посылать»[237].

Таким образом, петропавловские железнодорожники кроме экономических требований предъявляли и политические.

В начале февраля бастовали рабочие на мельнице Ядрышникова, находящейся в 16 верстах от Семипалатинска. Между бастующими русскими и казахами «была самая тесная солидарность». Бастовавшие требовали увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня, улучшения квартирных условий, бесплатной медицинской помощи и т. д. Вначале все требования были отвергнуты управляющим мельницей, который старался «уладить конфликт с рабочими без всяких уступок». Однако рабочие упорствовали и добились победы. Все их требования были удовлетворены[238].

1 марта забастовали рабочие пивных заводов Семипалатинска. Владельцы приняли все меры, чтобы убедить «отдельных рабочих прекратить забастовку, при этом грозили увольнением со службы, но всегда встречали дружный отпор со стороны всех рабочих»[239]. Эта забастовка также закончилась победой рабочих.

---

[234] Там же.
[235] «Степное эхо», 1907, № 22.
[236] Там же, № 70.
[237] ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 348, л. 43; ЦГИАМ, ф. 102, ДП, ОО, д. 1, ч. 2, л. 8.
[238] «Трудовая жизнь», 1907, № 1.
[239] Там же, 1907, 1 апреля.

В Актюбинске, возле дома некоего Ф. Забирова, на воскресенье 11 марта, на 5 часов был назначен митинг рабочих и городской бедноты, на котором предполагалось заслушать сообщение о политическом положении в стране. За три часа до открытия его организаторы были вызваны в уездное управление и строго предупреждены о его запрещении.

Когда народ стал стекаться к назначенному месту, то оно было оцеплено полицией. Собралась многолюдная толпа. Приехал уездный начальник и приказал разойтись по домам. Народ не подчинился. Тогда была вызвана местная воинская команда. Когда команда прибыла, народ устремился к солдатам, говоря «подходите ближе к нашим братьям и детям; они не будут стрелять в своих отцов и матерей»[240]. Раздалась команда воинского начальника, солдаты выстроились во всю ширину улицы и с барабанным боем двинулись вперед, разделив собравшийся народ на четыре стороны ближайшего перекрестка. Произошло смятение. Тем временем полиция задержала четырех организаторов митинга.

Солдаты в сомкнутом строю, конвоируя арестованных, отправились в казармы. Ушел и уездный начальник. Но народ не разошелся. Люди недоумевали, за что арестовано четверо граждан, почему запрещен митинг? Приводились примеры из жизни рабочих и крестьян центральной России, вспоминали о кровавом воскресенье 9 января. Раздался призыв идти к мещанской управе и немедленно составить народный приговор об устранении от должности уездного начальника. Это предложение было одобрено всеми. Но тут же добавили потребовать освобождения арестованных, так как каждый участник митинга несет с ними равную ответственность. Народ направился к уездному управлению с твердым намерением освободить арестованных или остаться вместе с ними. Боясь народной кары, уездный начальник скрылся. Депутация от народа пришла к нему на квартиру. Местная власть опять вызвала воинскую команду. Народ решил спокойно встретить солдат и добиться своего.

Стихийно возник митинг. Кто-то выступил с обращением к солдатам: «Братья солдаты, вы не должны в нас стрелять, наше дело общее; многие из вас скоро снимут мундир и перейдут в наши ряды, ряды страждущих братьев. Царящий в России произвол и насилие принудят вас также встать за свои попранные права. В ответ на ваше требование вам поставят эти же штыки...»[241].

Воинский начальник вынужден был принять требование народной массы и освободить из-под стражи арестованных. Депутация с пением Марсельезы вместе с солдатами направилась к гауптвахте за своими товарищами.

Демонстрация продолжалась. С революционными песнями демонстранты шли по улицам города, останавливались в нескольких местах; стихийно возникали митинги, произносились революционные речи.

13 марта в Семипалатинске забастовали портные мастерской Пискунова. Они потребовали увеличения и своевременной выдачи заработной платы[242] и т. д. В начале забастовки владелец мастерской говорил рабочим: «Никуда не денетесь, захотите жрать, так придете». На вопрос бастующих — согласен ли он принять требования, он отвечал, что «лучше петлю затянуть себе на шею, чем удовлетворить их». Забастовка продолжалась и хозяин был вынужден удовлетворить все требования рабочих[243].

---

[240] «Оренбургский край», 1907, 21 марта, № 63.
[241] Там же.
[242] «Трудовая жизнь», 1907, 25 марта.
[243] Там же. 1 апреля.

В марте забастовали рабочие завода и мельницы Мусина в Семипалатинске. Бастовавшие требовали: увеличить жалованье каждому рабочему на 5 рублей; уравнять жалованье рабочим, находящимся на одинаковых работах; выдавать полную заработную плату за время болезни; установить 8-часовой рабочий день; обеспечить всех рабочих квартирой или выдавать за наем квартиры по 5 рублей в месяц каждому рабочему; установить третейский суд из представителей рабочих и хозяев для разбора жалоб рабочих; укомплектовать книгами библиотеку и «представить рабочим право читать в ней постороннюю, не входящую в состав библиотеки литературу»[244] (подразумевается политическая литература. — *Б. С.*).

В результате забастовки рабочие добились значительных уступок.

20 марта рабочие типографии Уральска предъявили требования о 8-часовом рабочем дне и объявили забастовку. Штрейкбрехерам Н. Зуеву, А. Гусеву, В. Кулюкину полиграфисты объявили «строгий бойкот», причем было решено «на предстоящей Всероссийской конференции союза рабочих печатного дела объявить имена бойкотируемых лиц»[245].

Характерно, что если раньше рабочие различных предприятий Семипалатинска и Уральска требовали 10-часового рабочего дня, то теперь 8-часового. Этот факт свидетельствует о росте политического самосознания рабочих отдаленной окраины.

1 мая рабочие Уральска, прекратив работу, устроили за городом однодневную маевку. Участники маевки послали поздравительную телеграмму в адрес социал-демократической фракции Государственной думы, в которой просили отстаивать «твердо и неуклонно интересы рабочего класса»[246].

Опасаясь дальнейшего развертывания событий, местная администрация расставила по городу военно-полицейские патрули. Они разъезжали и по «Ханской роще, а также Казенному саду»[247].

Демонстрации и митинги трудящихся состоялись во многих городах Казахстана в связи с проводами в Петербург депутатов второй Государственной думы.

16 и 17 февраля 1907 г. в Омске проходила большая демонстрация рабочих городских предприятий, железнодорожников и городской бедноты. У вокзала демонстранты провели многолюдный митинг. Площадь окружили полицейские и воинская команда. Когда выступал депутат Думы большевик А. К. Виноградов, к нему подошел жандармский ротмистр и потребовал закончить речь, а публике предложил разойтись. Раздались возгласы: «Долой полицию! Бей жандармов!»[248]. Тогда солдаты 1-го Семипалатинского полка несколько рассеяли демонстрантов. Инициаторы демонстрации подвергались преследованиям.

В Кустанае 14 февраля вечером в Народном доме происходило собрание, созванное по инициативе местной социал-демократической группы, на котором присутствовало свыше 200 человек. В полицейско-жандармских донесениях речи ораторов, выступавших на этом собрании, характеризовались так: «Содержание речей, как и всегда на подобных собраниях было левого направления, с порицаниями действий правительства». На собрании было решено на следующий день, т. е. 15 февраля, устроить демонстрацию. Членам местной социал-демократической группы было поручено оповестить народ. Участники собрания, «выйдя

[244] Там же.
[245] «Уральский дневник», 1907, 29 марта.
[246] «Уральский дневник», 1907, 30 мая.
[247] Там же.
[248] ЦГА КазССР, ф. 369, д. 951, лл. 2—3.

из Народного дома, отправились по улицам города, распевая революционные песни»[249].

На следующий день к 9-ти часам утра народ переполнил Народный дом. У крыльца здания «также была толпа людей, и вдруг, совершенно неожиданно, в руках шестерых молодых людей (по-видимому, школьников) появились красные флаги». На них были написаны лозунги буржуазно-демократической революции: «Долой тиранов!», «Да здравствует свобода!», «8-часовой рабочий день»[250] и т. д. Число демонстрантов доходило до 1000 человек. В демонстрации приняли участие крестьяне окрестных сел и деревень. С пением революционных песен, с красными знаменами демонстранты, проводив за город отъезжавшего в Петербург И. Голованова, возвратились к Народному дому. Полицейские окружили их и пытались отобрать красные флаги. Произошла стычка. Флаги полицейским не достались. Волнение продолжалось еще несколько дней. Организаторы события — члены местной социал-демократической группы подвергались преследованиям полиции.

1 апреля рабочие различных предприятий Кустаная устроили общее собрание для обсуждения своего положения и постановили «образовать профессиональный союз»[251].

Большая демонстрация состоялась 10 апреля в Верном. В ней участвовало все трудовое и демократически настроенное население города: рабочие, ремесленники, учителя, учащаяся молодежь, мелкие служащие, а также приехавшие на базар крестьяне аулов, сел и деревень. В одну шеренгу шли русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи, казахи, уйгуры, дунганы, татары и узбеки. На площади у часовни состоялся митинг. Выступали ораторы. Большую симпатию демонстрантов завоевали выступавшие социал-демократы. Они рассказывали собравшемуся народу о ходе революционных событий в стране, охарактеризовали бесправное положение эксплуатируемого большинства, разъясняли неизбежность гибели самодержавного строя и замены его демократической народной республикой, избираемой на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования и т. д. Затем демонстранты по центральным улицам города дошли до Ташкентской аллеи и вышли за город. Демонстрация продолжалась целый день. Она подробно описана в донесениях местных царских властей.

В представлении товарища прокурора 3-го участка Верненского окружного суда от 1 мая 1907 г. прокурору того же суда говорилось, что многочисленная толпа народа в количестве до 3—4 тысяч человек с красными флагами в руках и пением революционных песен шла по улицам города. В городе демонстрантов «встретил полицмейстер и предложил им убрать красные флаги и прекратить пение, на это демонстранты ответили, что полиция вмешивается не в свое дело, долой полицию... толпа спела Марсельезу и разошлась»[252].

Поздней весной 1907 г. революция продолжала отступать с боями. Рабочий класс вел героическую борьбу против царизма. Революционная волна охватывала все более широкие слои сельского населения. Крестьяне все больше убеждались в том, что, пока существует самодержавный строй, им помещичьей земли не получить.

Выражая волю рабочего класса и трудового крестьянства, большевистская партия возглавляла и направляла народную революцию, развертывала революционную работу среди борющегося народа.

---

[249] Там же, ф. 25, д. 4, лл. 4, 5.
[250] Там же, л. 6.
[251] «Голос Приуралья», 1907, 18 апреля.
[252] ЦГА КазССР, ф. 44, д. 348, л. 22.

После поражения Декабрьского вооруженного восстания царизм, отмобилизовав силы контрреволюции, перешел в наступление. Царские каратели свирепствовали по всей стране. Царизм прибегал и к различным ухищрениям. Он созвал Государственную думу, чтобы, играя роль послушного органа, она помогла бы царизму расстроить ряды борющегося народа.

Известно, что большевики участвовали во II Государственной думе не для «законодательной» работы в содружестве с кадетами, а для использования трибуны Думы в интересах революции.

Меньшевистский ЦК, наоборот, призывал заключить блок с кадетами. Большинство партийных организаций осудило политику меньшевистского ЦК.

На повестку дня встал вопрос о созыве нового съезда партии. На этом V (Лондонском) съезде (13 мая — 1 июня 1907 г.) большевики имели абсолютное большинство. После съезда революционная работа большевиков активизировалась.

Социал-демократическая фракция II Гусударственной думы шла наперекор политике правительства. Распустив первую Думу, царское правительство, как известно, рассчитывало на «консервативность» крестьянства и надеялось, что депутаты из крестьян в Думе будут опорой самодержавия. Большинство же крестьянских депутатов выступило с требованием «земли и воли», и царское правительство получило повод для роспуска этой «непослушной» Думы. Вот почему социал-демократической фракции Думы было предъявлено обвинение в подготовке заговора, «в связях ее с какой-то военной организацией». Одновременно царское правительство дало предписание об усилении репрессии по отношению к профсоюзам и другим обществам рабочих и крестьян, об усилении деятельности военно-полевых судов.

1 июня правительство предъявило II Государственной думе требование об исключении социал-демократических депутатов из состава Думы и о выдаче их правительству для привлечения к судебной ответственности. Государственная дума несколько затянула решение вопроса. Воспользовавшись этим, в ночь на 3 июня 1907 г. царское правительство арестовало всех членов социал-демократической фракции Думы, а утром объявило указ о ее роспуске и затем издало новый избирательный закон, по которому представительство помещиков и торгово-промышленной буржуазии в Думе значительно увеличилось за счет сокращения числа депутатов от рабочих и крестьян, а подвластные Российской империи угнетенные народы совсем лишились представительства в новой Думе. Начался свирепый разгул реакции по всей стране.

В городах Казахстана происходили демонстрации и митинги протеста против нового акта царского произвола. Так, по инициативе местных социал-демократов, 3 июня 1907 г. после получения известия об роспуске II Государственной думы и аресте ее социал-демократической фракции трудящиеся Актюбинска устроили крупную демонстрацию, во время которой ораторы открыто клеймили позором реакционную политику царизма.

События начались в 6 часов вечера. Зазвонили колокола миссионерской церкви. На площади у мещанской управы собралось свыше 300 человек, среди которых было много железнодорожников. Толпа окружила уездного начальника и полицейских чиновников. Начались выступления ораторов. «Довольно крови, долой кровожадное правительство, — призывали они, — долой самодержавие, долой солдатчину, образуем

свое новое правительство»[253]. Слова эти покрывались громогласным «ура».

Около взвода солдат (42 человека) под командой капитана Швачкина окружило демонстрантов. Уездный начальник приказал ему арестовать инициаторов событий — трех человек, но народ их не выдал. Тогда в ход было пущено оружие.

В своем рапорте Швачкин так описывал это происшествие: «Толпа, хотя вначале и быстро отступила, но затем вновь остановилась и со стороны толпы послышались револьверные (по всей вероятности вверх) выстрелы, женщины начали бросать в нижних чинов камнями, тогда я приказал 1-му взводу открыть огонь, но только вверх, а другому взводу начать действовать прикладами.... сколько же ушиблено прикладами, неизвестно. Из числа низших чинов получили незначительные ушибы четыре человека»[254].

Весьма существенно, что во время этой демонстрации была сделана попытка создать «городской совет». В рапорте Актюбинского уездного начальника от 14 июня 1907 г. военному губернатору Тургайской области мы читаем, что 3 июня демонстранты приняли постановление «немедленно свергнуть все местные власти, для замены которых выбрали 40 человек в городской совет», причем выступавшие железнодорожные рабочие требовали в ответ на разгон II Государственной думы «ниспровергнуть самодержавие и вообще весь существующий государственный строй»[255]. Это событие вызвало тревогу местной администрации, которая немедленно сообщила о нем правительству. 4 июня военный губернатор Тургайской области телеграфировал в департамент полиции в Петербург: «... В городе Актюбинске вследствие роспуска Думы толпа более трехсот человек произвела беспорядки, призывалось ниспровергнуть самодержавие, открыть распорядительный комитет для низложения власти, были учинены насилия над чинами полиции, порядок восстановлен воинской силой»[256].

Местная социал-демократическая группа выпустила прокламации, осуждающие политику царского правительства, распустившего Думу и арестовавшего ее социал-демократическую фракцию. Прокламации разбрасывались в разных частях города. Местные власти, конфисковавшие их, доложили высшему начальству, что в них население призывается к «вооруженному восстанию». Они просили военного губернатора области немедленно прислать в Актюбинск подкрепление сотней или полусотней казаков. Из Оренбурга прибыла воинская команда. 5 июля в своем рапорте военному губернатору области актюбинский воинский начальник так описывал положение в городе: «Мясники не желают отпускать мяса и сала, торговки — молока, большинство как-то недружелюбно смотрит на солдат, а о деповских и говорить уже нечего ... В общем, состояние жителей возбужденное, административных и деповских — революционное... идут упорные слухи, что вскоре ожидаются в городе Актюбинске вооруженные дружины»[257].

Это событие показывает, как день за днем народные массы отсталой окраины приобретают опыт борьбы с царизмом. Знаменательно, что в ходе революционных событий была даже совершена попытка создать «совет из 40 человек» в виде органа народного самоуправления взамен существующей местной царской власти.

---

[253] Там же, ф. 25, д. 3, л. 9.
[254] Там же.
[255] Там же, лл. 15—17.
[256] Там же, л. 5.
[257] Там же, л. 10.

Нет сомнения в том, что рабочие, тем более железнодорожники, знали о создании Советов в центральных районах страны как органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, как органов восстания.

Демонстрации и митинги трудящихся происходили и в других городах Казахстана. Например, 10 июня по инициативе местной социал-демократической группы состоялась демонстрация в Кустанае, на которой открыто выражались протесты против ареста социал-демократической фракции Государственной думы. В тот же день от имени 338 избирателей города Кустаная была послана телеграмма министру внутренних дел с требованием освободить из-под стражи социал-демократических депутатов Думы. В телеграмме говорилось: «Волнения и народное движение тогда только прекратятся, когда будет созвана не сословная, а полноправная Дума, избранная путем всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голоса, когда государь император... даст полную амнистию всем гражданам, пострадавшим в борьбе за правду и отменит новый избирательный закон»[258].

Министр внутренних дел предписал военному губернатору Тургайской области беспощадно карать инициаторов движения[259].

Демократического направления газета «Степная жизнь», выходившая в Петропавловске, в июне 1907 г. поместила статью под названием «Петропавловск, 6-го июня». В ней клеймились позором действия царского правительства, арестовавшего лучших избранников народа — социал-демократических депутатов. «Одна из самых сильных по своей численности, организованности и влиянию фракция устраняется от законодательной работы, — говорится в статье, — вопреки желанию населения, пославшего ее в Думу... И мы думаем, что не ошибемся, если предположим, что чувство негодования, ненависти проявилось у каждого гражданина, ценящего свободу и счастье народа»[260]. Эта статья, очевидно, принадлежала перу одного из членов Петропавловской группы РСДРП. Она написана в большевистском духе и действительно выражает чувства «каждого гражданина, ценящего свободу».

Революционное волнение охватило и учащуюся молодежь края.

27 марта 1907 г. в Семипалатинске, в Народном доме, состоялось собрание педагогов, на котором обсуждалась инструкция учебного начальства о проведении экзаменов. При выступлении реакционного педагога Дульского группа учеников, присутствовавших на собрании, закричала хором: «Вон! Вон, черносотенец!»[261]

В начале апреля 1907 г. в Семипалатинске состоялся митинг учащейся молодежи, на котором «ругали власть и царских слуг. Ученики кричали... был совсем бунт. Вчера бомбой хотели бунтари убить казака... по ночам митинги устраиваются... солдаты ходят на митинги; тайно подготовляется бунт вооруженный... газета призывает к бунту»[262], — доносил черносотенец степному генерал-губернатору.

В полицейских документах есть указание на то, что воспитанницы Петропавловской женской гимназии часто пели под аккомпанемент пианино революционные песни, декламировали: «Вся Россия голодует, а а Николай водкой торгует»[263].

---

[258] ЦГА КазССР, ф. 25, д. 277б, лл. 6—8.
[259] Там же.
[260] «Степная жизнь», 1907, № 3.
[261] ЦГА КазССР, ф. 64, д. 537, лл. 17—18.
[262] Там же, л. 16.
[263] Там же, д. 499, л. 137.

Генерал-губернатор Степного края утвердил положение для учащихся кра́я, согласно которому все учащиеся обязаны были носить установленную форму. Ношение оружия, палок, тростей, хлыстов, широких поясов запрещалось. Категорически воспрещалось учащимся: групповое хождение по улицам, сидение на уличных скамейках, прогулки по улицам с наступлением темноты, устройство спектаклей, концертов, литературно-музыкальных вечеров[264].

Бурные демонстрации и митинги устраивала и учащаяся молодежь городов Уральска, Оренбурга, Актюбинска, Кустаная, Омска. Ученики ремесленного, реального, сельскохозяйственного, женского и духовного училищ, гимназии, семинарий и др. предъявляли свои требования учебным властям. Даже ученики медресе шакирды-казахи в Оренбурге разработали и предъявляли свою петицию.

Неослабная революционная борьба трудящихся масс колониального Казахстана привлекла внимание царского правительства. Палач Столыпин телеграфировал генерал-губернатору Степного края: «Получены сведения... рабочие Сибирской железной дороги ведут усиленную агитацию за устройство новой забастовки. Агитация производится большей частью вне района дороги, в загородных местностях, изредка по ночам в мастерских... Примите все меры к недопущению забастовки; в случае возникновения таковой — восстановите порядок силой»[265]. А генерал Редигер из ставки сообщил степному генерал-губернатору Надарову: «Государю императору угодно, чтобы вы решительными мерами прекратили в скорейшем времени стачку на железной дороге»[266].

Реакция стала свирепствовать во всех уголках края, особенно по Сибирской железной дороге. Широким репрессиям подвергались все активные участники революционного движения. Сотни рабочих заключались в тюрьмы, высылались из пределов Степного края. Только в одной из сводок, данной степным генерал-губернатором министру внутренних дел (март 1907 г.), говорилось о высылке 83 рабочих из края за участие в забастовке, за «неблагонадежность в политическом отношении»[267].

Царское правительство установило в Казахстане, как и в остальных частях империи, жесточайший военно-полицейский режим. Территория края была разделена на два района охранных отделений — Сибирский и Туркестанский. Повсеместно увеличивался штат полицейских учреждений и создавались новые и новые жандармско-полицейские отряды.

Итак, революция потерпела поражение, но царским опричникам все же не удалось сломить революционный дух народов.

Первая русская революция была общероссийской революцией. В ней принимали участие рабочие и крестьяне всех национальностей страны.

Гегемоном революции как в центральной части страны, так и на ее национальных окраинах, в том числе в Казахстане, был русский рабочий класс, в единой семье которого находился и национальный пролетариат.

Революционная борьба в Казахстане, как и во всей стране, происходила под руководством большевиков во главе с великим В. И. Лениным. Партия большевиков разработала стратегию и тактику пролетариата в революции, разоблачая политику меньшевиков и других партий, державших курс на свертывание революции. Партия большевиков взяла курс на развертывание народной революции, на гегемонию в ней пролетариата, на союз рабочего класса и крестьянства. Местные группы и организации

---

[264] Там же, д. 450, л. 3.
[265] ЦГА КазССР, ф. 369, д. 902, л. 6.
[266] Там же, ф. 64, д. 588, л. 3.
[267] Там же, д. 482, л. 204.

РСДРП сыграли значительную роль в руководстве революционным движением народных масс.

Национально-освободительная борьба угнетенных народов России, в том числе казахского народа, явилась составной частью буржуазно-демократической революции в стране. В ходе революционных событий росла политическая и революционная активность борющихся масс, укреплялась интернациональная солидарность, прочно складывалось боевое содружество рабочих и крестьян всех угнетенных царизмом народов, возглавляемых российским рабочим классом и его партией большевиков.

Первая русская революция явилась прологом того соединения пролетарской революции с национально-освободительной борьбой, которая совершилась в стране в октябре 1917 г. «Борьба загорелась уже, — писал Ленин в августе 1905 г. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, — борьба между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой, народной Россией, Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать еще и еще борьбу за полное освобождение человечества от всякого гнета и всякой эксплуатации»[268].

Грандиозная революционная борьба народов России в 1905—1907 гг. под руководством Коммунистической партии явилась замечательным подтверждением гениального предвидения великого Ленина.

---

[268] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 181.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
1961 АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР Том II

П. Г. ГАЛУЗО

УЙГУРСКОЕ И ДУНГАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ СЕМИРЕЧЬЕ

Введение

Причины, обстоятельства и ход переселения уйгуров и дунган в Семиречье за последние годы довольно подробно описаны в работе М. Н. Кабирова[1], статьях М. Сушанло[2] и Ю. Барановой[3] в диссертациях М. К. Тургунова[4] и Х. Ю. Юсурова[5]. Сложность международных отношений (оккупация Россией Кульджинского края в 1871—1881 гг. и возвращение его Китаю), в связи с которыми совершилось переселение дунган и уйгуров в Семиречье, подробно рассмотрена А. Л. Нарочницким в его капитальном труде «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке»[6].

Что же касается положения уйгурского и дунганского крестьянства в Семиречье при царизме, то этот вопрос разработан значительно слабее. По истории дунганского крестьянства Северной Киргизии недавно вышла работа М. Сушанло[7]; надо отметить также статьи Х. Юсурова[8], И. И. Юсупова[9] и Б. Одоевского[10]. Этим исчерпывается марксистская литература по истории уйгурского и дунганского крестьянства Семиречья.

---

[1] М. Н. Кабиров. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951.

[2] М. Сушанло. К вопросу о переселении части дунганского населения из северо-западного Китая в Семиречье (1877—1882). «Труды Института языка и литературы АН КирССР», 1957, вып. VIII.

[3] Ю. Баранова. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1882 гг. «Труды Сектора востоковедения АН КазССР, 1959, т. I.

[4] М. К. Тургунов. Переселение уйгуров-таранчей из Китая в Семиречье и последующее их землеустройство. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук, 1950, рукопись; его же автореферат. Л., 1950.

[5] Х. Ю. Юсуров. Восстание дунган в северо-западном Китае и переселение их в Семиречье (1860—1890 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук (Ин-т истории, археологии и этнографии АН КазССР). Рукопись.

[6] А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956. (гл. III).

[7] М. Сушанло. Дунгане Семиречья. Дооктябрьский период. (Исторический очерк). Фрунзе, 1959.

[8] Х. Юсуров. Культурно-экономическое развитие дунганского и уйгурского народов в Советском Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 10, стр. 65—70.

[9] И. И. Юсупов. К вопросу о социально-экономическом положении дунган Семиречья до Октябрьской революции. «Труды Института языка и литературы АН КирССР», 1957, вып. VIII, стр. 137—157.

[10] Б. Одоевский. Дунгане Семиречья. «Народное хозяйство Средней Азии», 1928, № 6.

Несмотря на использование большинством из этих авторов (особенно М. Сушанло) значительного количества архивных материалов, полной картины положения уйгурского и дунганского крестьянства в дореволюционном Семиречье читатель еще не имеет. Не раскрыты в должной степени социальные противоречия, приведшие уйгурское и дунганское крестьянство к активному участию в восстании 1916 г. и в революции 1917 г. Особенно слабо освещена история уйгуров, поселившихся на территории Казахстана. Одной из главных причин этого является состояние источников.

Об экономическом положении уйгурского и дунганского крестьянства названные авторы могли судить только по пятому тому известного сплошного обследования Семиреченской области под руководством П. П. Румянцева[11], выполненного в 1910—1911 гг., а также по работе В. Васильева «Семиреченская область, как колония»[12]. Но последняя работа в вопросе о социальных отношениях в уйгурских и дунганских поселениях в свою очередь опирается на обследование П. П. Румянцева[13]. Для раскрытия истории развития сельского хозяйства уйгуров и дунган этих данных далеко не достаточно.

В настоящей работе рассматривается экономическое развитие сельского хозяйства у уйгуров и дунган в дореволюционном Семиречье, классовое расслоение уйгурской и дунганской деревни, социально-экономические предпосылки участия крестьянства в революционной национально-освободительной борьбе трудящихся Казахстана под руководством пролетариата. Наряду с опубликованной литературой, статистическими данными и архивными документами в исследовании использованы также статистические подсчеты самого автора статьи. Это дало возможность в какой-то степени проследить динамику классового расслоения уйгурского и дунганского крестьянства, начиная с 1876 г., т. е. со времени его пребывания на территории Кульджинского края, критически подойти к оценке опубликованных статистических данных, в первую очередь «Материалов» П. П. Румянцева.

В 1911 г. В. И. Ленин писал: «Русская революция и революция в Азии — борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом»[14]. Таким образом, В. И. Ленин считал теорию о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве применимой не только к России, но и ко всем странам Азии, в сельское хозяйство которых проникал капитализм и где могучие остатки феодализма переплетались с наиболее реакционными формами капитала. Под этим углом зрения мы подходим к изучению аграрных отношений в уйгурских и дунганских поселениях. Все названные выше исследователи социальных противоречий в уйгурских и дунганских поселениях не выразили своего отношения к вопросу о применимости ленинской теории о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях Казахстана, поднятому историками еще в первой половине 30-х годов[15].

---

[11] «Материалы по обследованию туземного и русского старожительческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева», т. V. Таранчи. Ч. I, II, СПб, 1914. В посл. ссылках: П. П. Румянцев. Материалы по обследованию...

[12] В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пгр, 1915.

[13] Соответствующие страницы книги написаны П. П. Румянцевым.

[14] В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 385.

[15] Автор настоящей статьи поднял этот вопрос в 1932 г. по отношению к Туркестану, в 1934 г. Токжанов и в 1936 г. Асфендиаров — по отношению к Казахстану. Но до сих пор в исторической литературе он остается не разработанным.

Очевидно, они полагают, что в данных конкретных условиях нет оснований говорить о борьбе «за вытеснение октябристского капитала и замену его демократическим капиталом». Наше исследование показывает обратное. Вся фактическая история аграрных отношений в дореволюционных уйгурских и дунганских поселениях Семиречья доказывает, что классовая борьба уйгурского и дунганского крестьянства слилась с национально-освободительной антифеодальной борьбой всех остальных категорий крестьянства Казахстана и Киргизии и получила в революции 1917 г. пролетарское руководство как движение, которое на демократическом этапе революции объективно являлось борьбой за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

1. Цели царского правительства при переселении уйгуров и дунган из Кульджинского района в Семиречье

Ограничив свою задачу исследованием экономического развития сельского хозяйства уйгурских и дунганских поселений Семиречья, оставляем без рассмотрения весь сложный переплет внешнеполитических отношений русского царизма конца 70-х и начала 80-х гг., приведших к передаче Кульджинского района Китаю[16]. Коснемся только причин переселения уйгуров и дунган и тех соображений, которыми руководствовалось в этом вопросе царское правительство.

Переговоры по заключению Петербургского договора, подписанного 12 февраля 1881 г. о передаче Кульджинского района Китаю, велись в обстановке, когда царизм стремился всемерно обезопасить Семиреченскую границу с Китаем, так как за спиной Китая ощущалось сильное влияние Англии. В этой связи в договоре и появилась ст. 3, по которой Кульджинским жителям «разрешалось ... переселиться с движимым имуществом в русские пределы в годичный срок со дня передачи края китайцам»[17].

Уйгурско-дунганское крестьянство, узнав что в Кульджинский район возвращаются китайские феодалы, устремилось в Семиречье. Основной, определяющей причиной этого было то, что крестьянство хотело вырваться из-под власти китайских, а за одно и «своих» уйгурско-дунганских феодалов. Тяжелая, все усиливавшаяся феодальная эксплуатация, исключительная жестокость китайских феодалов, не останавливавшихся перед уничтожением многих тысяч крестьян, заставляла крестьянство искать более благоприятных условий для сохранения своей жизни и ведения своего индивидуального сельского хозяйства. Поэтому они воспользовались возможностями, предоставленными Петербургским договором, наивно рассчитывая, что под властью русского военно-феодального империализма они найдут более вольготные условия для развития своего сельского хозяйства. Со стороны крестьянства это было своеобразной формой классовой борьбы. Своим бегством они нанесли феодалам чувствительный удар.

---

[16] Кульджой, или Кульджинским районом (китайское название — Хой-Юань-Джен), этот край стал называться с 1866 г., со времени образования Таранчинского (уйгурского) султаната. Более употребительное тогда название — Илийский район — местность от верховьев р. Или до укрепления Борохудзир (станица Голубовская). Небольшая полоса в западной части этого района после 1882 г. осталась за Россией. Новая граница была установлена по р. Хоргос, до впадения ее в р. Или и далее на юг по прямой линии к горам Узун-Тау. В остальном сохранилась граница 1864 г., установленная Чугучакским протоколом.

[17] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. III. СПб, 1906. стр. 259.

Но почему, спрашивается, царские власти, и в первую очередь военная администрация Туркестана, решили воспользоваться этими стремлениями крестьянства?

В инструкции Туркестанского генерал-губернатора о переселении это мотивировалось военными соображениями: «в ... случае возникновения осложнений с дайцинским правительством (читай — с Англией, стоявшей за спиной Китая. — *П. Г.*) в будущем мы сохраним на границах Китая в целости готовый всегда драться с китайцами контингент людей, ненавидящих их в силу преданий и того обстоятельства, что благодаря китайцам люди эти лишились родины, домов и земли. Оставаясь в районе, кульджинские мусульмане будут истреблены китайцами исподволь подобно тому, как они истребляются в настоящее время в Джунгарии; или же вследствие послабления со стороны китайских властей мусульмане окончательно помирятся с китайским владычеством и таким образом и в этом и в другом случаях они будут для нас потеряны»[18].

Туркестанская администрация стремилась «обезопасить» русско-китайскую границу на случай военных осложнений. В лице уйгурского и дунганского крестьянства руководящая военная верхушка Туркестана видела «готовый всегда драться с китайцами контингент людей».

Другим мотивом переселения было стремление царизма усилить экономический потенциал пограничного Китаю Семиречья. Военный губернатор Семиреченской области генерал Фридэ в отчете о переселении, подписанном 10 июня 1884 г.,[19] так расценивал его значение: «Прирост оседлого населения путем переселения из внутренних губерний шел довольно медленно и составил лишь в течение 25 лет то число земледельцев и рабочих рук, какое дали кульджинские переселенцы в течение одного года. Особенно благотворное влияние на развитие производительных сил области кульджинцы произвели обработкою и орошением обширных и плодородных земель, доселе остававшихся без культуры и лишь условно занимавшихся немногими киргизскими пашнями».

Но отмеченное Фридэ укрепление экономики Семиречья в 80-х годах сопровождалось ослаблением земледелия в Кульдже. Выразив удовлетворение по поводу «развития производительных сил области», и ослабления экономики Кульджи, Фридэ далее дает политическую оценку этому мероприятию: «Имеется полное основание рассчитывать, что, в случае внешних осложнений с Китаем, переселенцы эти принесут нам в военное время большие услуги»[20].

Планы царских генералов об использовании уйгуров и дунган в качестве «контингента» людей, готового «всегда драться» против Китайской империи, не скрывались и от переселенцев. Генерал Колпаковский, исполнявший во время переселения должность Туркестанского генерал-губернатора, 10 января 1882 г. предписал генералу Фридэ (он тогда был полномочным комиссаром по передаче Илийского края китайским властям) объявить переселенцам следующие три условия переселения: первое — не претендовать на материальную помощь от правительства,... третье — после переселения содержать на общественные средства шко-

[18] Инструкция Туркестанского генерал-губернатора от 20 июня 1881 г. (Цитирую по диссертации М. К. Тургунова, стр. 104 — *П. Г.*).

[19] С незначительными сокращениями отчет опубликован в «Обзоре Семиреченской области за 1883 г.», гл. VII. «Переселение Кульджинских оседлых мусульман в Семиреченскую область». Копии полного текста записки хранятся: а) в гос. публ. б-ке им. Пушкина, г. Алма-Ата (дефектный экземпляр); б) в ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4805. Записка составлена Н. Н. Пантусовым.

[20] «Обзор Семиреченской области за 1883 г.», стр. 95 и 96.

лы и обучать в них своих детей русскому языку. Но главным для администрации, конечно, было второе условие. Оно гласило: «Переселившиеся в пределы Российской империи жители, без различия племени и вероисповедания, за исключением только киргизов (казахов. — *П. Г.*), будут привлечены, по водворении и устройстве на новом месте, к отбыванию воинской повинности на общем основании, или зачислены в казачье войско»[21].

Но уже к середине 80-х годов обстановка изменилась, непосредственная угроза войны на среднеазиатских границах, в частности на границе с Китаем, исчезла. В связи с этим изменилось и отношение к уйгурам и дунганам. Проект их зачисления в казачье сословие даже не был подвергнут обсуждению; что касается привлечения их к отбыванию воинской повинности, то согласно утвержденному царем 12 января 1887 г. мнению Государственного совета, «начиная с призыва 1887 г.», к ее отбыванию было привлечено «все русское население области, в том числе и те из жителей нерусского происхождения, которые приняли оседлый образ жизни и вошли в состав городских и сельских обществ». На этом основании воинскую повинность отбывали только те из уйгуров и дунган, кто был зачислен в мещане. Но так как вообще «инородческое население области как кочевое, так и оседлое» было освобождено от отбывания воинской повинности, то сельское уйгурское и дунганское население к ней не привлекалось[22].

М. Сушанло допускает большую неточность, утверждая, что русское правительство приняло на себя «расходы по переселению и водворению в Семиречье дунган и уйгуров» якобы потому, что «местная администрация видела в лице илийских дунган и уйгуров дешевую рабочую силу»[23]. Царская администрация в интересах развития земледелия рассчитывала на крестьян-хлебопашцев, но рассчитывать «на дешевую рабочую силу» правительство не могло, так как промышленность в области в это время отсутствовала, спроса на вольнонаемый труд не было.

Не точно также и утверждение Ю. Барановой, что «подавляющая часть мусульманского населения Илийского края» переселилась в Семиречье «вопреки желанию русских и цинских властей»[24]. Факты показывают, что вопрос об уйгурско-дунганском переселении необходимо рассматривать в связи с проявлением агрессивной внешней политики царизма. Революционный протест уйгурского и дунганского крестьянства против усиливавшейся феодальной эксплуатации в Кульдже царское правительство стремилось использовать в своих реакционных целях. Этим и вызваны соответствующие статьи в Петербургском договоре и все последующие мероприятия царизма по переселению.

2. Уйгурское и дунганское крестьянство в период переселения

Пользуясь данными записки Фридэ — Пантусова[25], количество уйгурских и дунганских переселенцев из Кульджинского района можно представить таблицей 1.

---

[21] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9а, д. 464, л. 11.

[22] «Обзор Семиреченской области за 1882—1899 гг.», стр. 299.

[23] М. Сушанло. Дунгане Семиречья, стр. 21.

[24] Ю. Баранова. Указ. работа.

[25] Приложение к названной записке Фридэ—Пантусова: «Сведения о числе кульджинских переселенцев в Семиреченской области к 1 июня 1884 г. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. I, д. 4805, л. 61. То же: приложение к «Обзору Семиреченской области за 1883 год».

Таблица 1

Национальность	Переселилось семей к 1884 г.	В них душ		
		муж.	жен.	всего
Дунгане	1147	2439	2243	4682
Уйгуры	9752	24628	20746	45373
Всего	10899	27067	22988	50055

Исходя из сведений о числе семейств, обложенных в 1880 г. податями в Кульджинском районе, Фридэ и Пантусов полагают, что после переселения в Кульдже осталось 2565 семей уйгуров и 344 семьи дунган[26]. Из этого следует, что переселилось уйгуров 79,2 проц., дунган 76,9 проц. семейств.

По данным Н. Н. Пантусова, в 1876 г. все местное население Кульджинского района (без пришлого русского) составляло 129 558 душ обоего пола[27]. Среднегодовой прирост населения, по нашему подсчету, составлял около 1,8 проц. Это означает, что к 1881 г. местное население района, очевидно, достигало 141—142 тыс. человек. 50 тысяч человек, пришедших в Семиречье, составляли более 35 проц., а если учесть переселившихся одновременно кочевников казахов, — то около 54 проц. к этому количеству. Народному хозяйству района, его экономической и военной мощи был нанесен действительно огромный ущерб.

Подсчет покибиточных (посемейных) списков по двум уйгурским волостям Кульджинского района дал данные, характеризующие положение уйгурского крестьянства до переселения 1876 г.[28], (см. табл. 2).

Таблица 2

Группы	Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств			Число душ		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь*		Число домов (саклей)	
		всего	% к итогу		всего	на семью	всего	на хозяйство	всего	на хозяйство
I	Не имели скота	541	23,3		2261	4,18	—	—	504	0,93
II	Не имели лошадей	144	6,2	52,7	666	4,63	375,94	2,61	143	1,00
	Имели:									
III	1 лошадь	539	23,2		3289	6,10	1354,93	2,51	577	1,07
IV	2 »	767	33,1		4262	5,56	3778,45	4,93	812	1,06
V	3 »	213	9,2	44,8	1391	6,53	2465,02	11,57	222	1,04
VI	4 »	59	2,6		443	7,51	993,15	16,83	64	1,08
VII	5 »	19	0,8		167	8,79	561,70	29,56	20	1,05
VIII	6—8	24	1,0	2,4	174	7,25	951,74	39,66	26	1,08
IX	9 и более лошадей	14	0,6		134	9,57	1413,96	101,00	17	1,21
	Итого	2320	100,0		12787	5,51	11894,89	5,13	2385	1,03

* Пересчет везде произведен по коэффициентам: рогатый скот — 0,833, бараны — 0,176, лошаки — 0,5, ишаки взрослые — 0,25, ишаки без указания возраста — 0,20, верблюды — 2, лошадь — 1. Возможно, что в число лошадей вошли и жеребята, как равно в число рогатого скота и верблюдов—молодняк.

[26] «Обзор Семиреченской области за 1883 г.», стр. 82.

[27] Н. Н. Пантусов. Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг. Казань, 1881, стр. 108—109.

[28] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 4а, л. 3—38. Списки. Подсчет наш. [По другим волостям списки за период до 1881 г. разыскать не удалось. — *П. Г.*].

Данные таблицы 2 показывают глубокое расслоение в уйгурских волостях. Число хозяйств, совершенно не имевших скота, достигало 23,3 проц. Это разоренное крестьянство — нищета, созданная феодализмом, но не имеющая возможности из-за неразвитости капитализма пролетаризироваться, перейти на работу в капиталистические предприятия. 7 проц. хозяйств этой группы не имели даже своей сакли, жили в чужих домах.

Группы II и III (29,4 проц.) составляли безлошадные и однолошадные бедняки. Таким образом, окончательно разорившиеся и стоящие накануне полного разорения группы составляли 52,7 проц. всего крестьянства. К группам среднего крестьянства (IV—VI) принадлежало 44,9 проц. всех хозяйств. Остальные три группы (VII, VIII, IX) — 2,4 проц. хозяйств были эксплуататорской верхушкой уйгурской деревни. Среди них особо выделяются 14 хозяйств наиболее крупных скотовладельцев, обладавших большими стадами скота (101 единица на хозяйство в переводе на взрослую лошадь). Бедняки (52,7 проц.) имели 14,6 проц. скота, а эксплуататорская верхушка (2,4 проц.) — 24,6 проц.

Такая же картина расслоения уйгурской деревни наблюдалась в 1888 г. в Кетменской волости Джаркентского участка (левый берег р. Или), в 1882 г. территориально вошедшей в состав Российской империи[29] (см. табл. 3).

Таблица 3

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число хозяйств			Число душ		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)	
		всего	% к итогу		всего	на семью	всего	на хоз-во
I	Не имели скота	64	10,0		219	3,42	—	—
II	Не имели лошадей	30	4,7	61,0	141	4,70	20,33	0,68
	Имели:							
III	1 лошадь	296	46,3		1412	4,77	964,78	3,26
IV	2 »	204	31,9	36,9	1243	6,09	1948,32	9,55
V	3 »	32	5,0		231	7,22	556,02	17,38
VI	4 »	10	1,6	2,1	61	6,10	425,41	42,54
VII	5 и более лошадей	3	0,5		25	8,33	669,11	223,04
	Итого	639	100,0		3232	5,21	4583,97	7,17
	Числилось в 1884 г.	760	118,9		3787	4,98	?	?
	Уменьшилось с 1884 по 1888 г.	121	18,9		445	3,68	?	?

В данном случае группа окончательно разорившихся и стоявших на пути к полному разорению крестьян (I—III) достигает 61 проц. хозяйств (против 52,7 в Ханохойской и Кайнакской волостях), среднее крестьянство включает в свой состав 36,9 проц. хозяйств и эксплуататорская верхушка насчитывает 13 хозяйств (2,1 проц.), из которых 3— хозяйства крупных феодалов, обладавших огромными стадами: 223

[29] ЦГА КазССР, ф. 120, оп. 1, д. 22, л. 292—359. Списки. Подсчет наш. За 1884 г. — данные Н. Н. Пантусова. Цитированное приложение к Записке, по архивному экземпляру, л. 61.

единицы скота в переводе на взрослую лошадь. Но с 1884 г. по 1888 г. число хозяйств волости уменьшилось на 18,9 проц. Это хозяйства, ушедшие в связи с переселением в другие волости. Судя по среднему количеству членов семьи (сравнить с данными 1876 г.), они принадлежали к низшим по достатку группам. Это означает, что к моменту перехода волости в российское подданство по приблизительному подсчету в ней было 760 хозяйств, из которых к трем низшим социальным группам относилось 511 хозяйств (67,2 проц.), к средним —236 (31,1 проц.), а к зажиточным и крупным —13 (1,7 проц.).

Подсчет основан на данных, зафиксированных спустя 12 лет после составления покибиточных списков по Ханохойской и Кайнакской волостям, а поправка к нему — по данным 1884 г., спустя год после перехода Кетменской волости в состав Семиречья. Если условно принять, что в 1876 г. имущественное расслоение Кетменской волости приблизительно было таким же, как в соседних Ханохойской и Кайнакской (табл. 2), то данные табл. 3 в сравнении с данными табл. 2 можно рассматривать как результат дальнейшего имущественного расслоения уйгурского крестьянства за последние годы его пребывания в Кульдже. Процент зажиточных и феодальных хозяйств снизился с 2,4 до 1,7. В хозяйствах двух высших социальных групп к 1888 г. среднее количество скота увеличилось: по VIII группе на 7,3 проц., по IX — на 120,8 проц. Быстро росла группа бедноты, уменьшалось количество середняков, богатели зажиточные и особенно крупные феодальные хозяйства. Классовые противоречия между крестьянством и укреплявшими свое имущественное положение феодалами обострялись.

Естественен вопрос, какие социальные слои уйгурских и дунганских поселений Кульджинского района в 1881—1883 гг. предпочли остаться на месте, а какие устремились в Семиречье?

Косвенным ответом на этот вопрос может послужить подсчет численного состава семей уйгурских и дунганских крестьян до и после переселения.

В 1876 г. у уйгуров Кайнакской и Ханохойской волостей семья в среднем состояла из 5,51 человека. В 1888 г. в непережившей переселения Кетменской волости, но имевшей значительно более высокий процент бедняцких хозяйств, семья состояла из 5,21 человека. В 1884 г. уйгуры Семиречья, перенесшие процесс переселения, имели средний состав семьи 4,63 человека. Иначе говоря, наблюдается уменьшение размеров семьи переселенцев в сравнении с данными до переселения и данными об уйгурах, не переживших переселения.

Иная картина у дунган. В Кульдже в 1878 г. они имели в среднем 3,73 человека на семью, в 1884 году, после переселения в Семиречье — 4,08 человека. Здесь тенденция обратная — увеличение среднего размера семьи.

По уже приведенным данным об уйгурах и по данным о дунганах (будут приведены ниже) видно, что и у них, как и у крестьянства России и всех видов крестьянства Средней Азии, проявлялась закономерность — к зажиточным группам среднее количество членов семьи возрастает, к бедняцким — уменьшается. С учетом этой закономерности из наших данных можно сделать следующий вывод: из числа уйгуров от переселения воздерживались зажиточные и феодальные элементы, из числа дунган переселилась и некоторая часть зажиточных; воздерживалась от переселения беднота, скорее всего малосемейные городские ремесленники. Действительно, факты говорят, что из среды уйгурского крестьянства в первую очередь в Семиречье устремилась беднота.

Вот сведения о благосостоянии 119 уйгурских семейств, прибывших осенью 1881 г. в бассейны р. Чилик и Чарым[30].

Таблица 4

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число семей		Душ обоего пола		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		Имущество (в рублях)	
		всего	в % к итогу	всего	на семью	всего	на семью	всего	на семью
I	Не имели скота	8	6,7	25	3,11	—	—	163	20,37
II	Не имели лошадей	17	14,4	48	2,83	12,66	0,74	320	18,82
	Имели:								
III	1 лошадь	65	54,6	221	3,40	97,82	1,50	1286	19,78
IV	2 „	23	19,3	99	4,30	69,49	3,02	770	33,48
V	3 и более лошадей	6	5,0	23	3,83	23,42	3,90	140	23,33
	Итого	119	100,0	416	3,50	203,39	1,71	2679	22,51

По среднему количеству единиц скота на семью прибывшие в район уйгуры не поднимаются выше III группы (однолошадные) по рассмотренным выше данным за 1876 г. (табл. 2), причем каждое четвертое-пятое хозяйство переселенцев вовсе не имело лошадей.

Таким образом, первая партия переселенцев уйгуров состояла по преимуществу из бедняков. За ними последовали более обеспеченные переселенцы. О 3147 семьях переселенцев трех волостей Верненского уезда (Карамской, Малыбаевской и Карасуйской) имеются следующие данные[31].

Таблица 5

Имущество, привезенное переселенцами	Количество	
	всего	на хозяйство
Лошадей	3548	1,13
Крупного рогатого скота	7877	2,50
Баранов	7389	2,35
Верблюдов	23	
Ишаков	84	
Всего скота (в переводе на взрослую лошадь)	11477,0	3,65
Арб	2401	0,76
Хлеба, *пуды*	61234	19,46

Сравнивая показатели этой таблицы с данными о первой партии переселенцев (на Чилик и Чарым), мы видим, что основная масса второй партии значительно обеспеченнее первой. Они пригнали с собой по 3,65 единицы скота на семью, тогда как в первой группе — 1,71 единицы. Однако и среди них не было многоскотных хозяйств, это видно из

[30] ЦГА КазССР, ф. 21, оп. 1, д. 696, л. 169—176. Список. Подсчет наш.
[31] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4869, л. 266—267. Подсчет наш.

нашего подсчета (по спискам от 20 марта 1882 г.) имущества, привезенного уйгурами, пришедшими на р. Чилик в сел. Зайцевском[32] (см. табл. 6.).

Таблица 6

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число семей		Душ обоего пола		Скота в переводе на взрослую лошадь		Пудов хлеба в переводе на муку простого размола*		Арб	
		всего	в % к итогу	всего	на семью	всего	на семью	всего	на семью	всего	на семью
I	Не имели скота	15	16,7	33	2,20	—	—	47,2**	3,15	—	—
II	Не имели лошадей	25	27,8	71	2,84	53,73	2,15	594,7	23,79	18	0,72
	Имели:										
III	1 лошадь	33	36,7	95	2,88	80,48	2,44	843,0	25,55	21	0,64
IV	2 „	11	12,2	40	3,64	65,57	5,96	384,4	34,95	15	1,36
V	3 и более лошадей	6	6,6	30	5,00	46,32	7,72	289,3	48,22	12	2,0
	Итого	90	100,0	269	3,00	246,10	2,73	2158,6	23,98	66	0,73

* Коэффициент перевода 0,9. Пуд риса и клевера (семена) принят за 4 пуда пшеницы.

** Сверх того, одна семья имела хлеба и имущества на 600 руб.

Среди этой группы переселенцев, хозяйств, не имеющих скота и безлошадных, относительно больше, чем в предыдущем случае (44,5 проц. против 21,1). Но многие хозяйства этой партии имели быков и коров, поэтому среднее количество скота на семью здесь значительно выше. Однако и в этой партии хозяйств, обладающих большим количеством скота, нет. Ни одно из них нельзя отнести к группе выше V по табл. 2 за 1876 г. Причем даже в этой группе количество скота на семью не превышает 7,72 единицы против 11,57 в 1876 г. Несомненно, зажиточные группы и феодальная верхушка уйгуров от переселения воздерживались.

Несколько иначе выглядит социальный состав переселенцев дунган. Это можно видеть из подсчета данных по 97 дунганским семействам, переселившимся в первой половине 1882 г. из Суйдуна в г. Верный[33] (табл. 7).

Об этой партии дунган 17 сентября 1881 г. полномочный комиссар Фридэ писал: «В партии этой идут преимущественно члены семейств самых богатых и влиятельных жителей Суйдуна и уносят с собой все свое достояние и деньги»[34].

И действительно, состав дунганской группы отличался от уйгурской: на одном полюсе мы имеем также высокий процент бесскотных и безлошадных семей (45,9 проц.), а на другом —9 зажиточных хозяйств и 2 богатых, имеющих в среднем по 35,68 единиц скота. Если же учесть, что у них были деньги и другое имущество, то имущественная дифференциация здесь будет еще более рельефной. Но средняя обеспеченность скотом по всей группе значительно ниже, чем у уйгуров Вер-

[32] Там же, ф. 21, оп. 1, д. 695, л. 345—358. Списки. Подсчет наш.

[33] Там же, д. 752, л. 6—12. Списки. Подсчет наш.

[34] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4861, л. 17.

Таблица 7

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число семейств		Душ обоего пола		Скота (в переводе на взрослую лошадь)		Арб и телег	
		всего	в % к итогу	всего	на семью	всего	на семью	всего	на семью
I	Не имели скота	29	29,9	127	4,38	—	—	—	—
II	Не имели лошадей	15	15,5	75	5,00	18,91	1,26	21	1,40
	Имели:								
III	1 лошадь	23	23,7	113	4,91	33,66	1,46	31	1,35
IV	2 „	19	19,6	97	5,10	46,25	2,43	34	1,79
V	3—5 „	9	9,3	42	4,67	41,15	4,57	24	2,67
VI	6 и более лошадей	2	2,0	16	8,00	71,33	35,66	13	6,50
	Итого	97	100,0	470	4,85	290,30	2,99	123	1,27

ненского уезда. Это объясняется высоким процентом бедноты. Так выглядела дунганская группа, пришедшая из г. Суйдуна и поселившаяся в г. Верном.

Но вот данные за 1884 г. о дунганах-хлебопашцах, образовавших в 1882 г. селение Александровское (Сукулук) Токмакского уезда[35] (табл. 8).

Таблица 8

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число хозяйств		Душ обоего пола		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		Домов	
		всего	% к итогу	всего	на семью	всего	на хоз-во	всего	на хоз-во
I	Не имели скота	180	51,4	694	3,86	—	—	148	0,82
II	Не имели лошадей	15	4,3	82	5,47	28,21	1,88	15	1,0
	Имели:								
III	1 лошадь	82	23,4	431	5,26	121,98	1,49	77	0,94
IV	2 „	48	13,7	301	6,27	151,91	3,16	48	1,0
V	3—5 „	24	6,9	186	7,75	191,11	7,96	24	1,0
VI	6 и более лошадей	1	0,3	9	9,0	22,66	22,66	1	1,0
	Итого	350	100,0	1713	4,89	515,87	1,47	313	0,89

Беднота, полупролетарии и пауперы имели здесь еще больший удельный вес. Зажиточная семья была только одна. Средняя обеспеченность скотом в этой группе даже ниже, чем в первой партии чиликских уйгуров.

[35] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 20б, лл. 191—232. Список. Подсчет наш.

Все это убеждает в том, что в Семиречье в первую очередь устремилась беднота. За ней последовало среднее крестьянство. Переселенцы из числа зажиточных встречались по-преимуществу среди дунган. Феодальная верхушка целиком осталась в Кульдже. То обстоятельство, что в последнем примере среди дунган-хлебопашцев бесскотных и безлошадных хозяйств относительно больше, чем среди переселенцев-горожан из Суйдуна (табл. 7), говорит о том, что городские дунгане-ремесленники от переселения воздерживались.

В начале ноября 1881 г. и. о. Семиреченского военного губернатора Аристов посетил 101 семью чиликских переселенцев (из 119, о которых говорилось выше). Он немедленно написал о них в Ташкент Колпаковскому: «Народ все бедный и малосемейный. Не все даже имеют по одной лошади или быку. Некоторые прибыли только на одном ишаке»[36].

Колпаковский запросил доклад о мерах по устройству переселенцев. По предварительным данным ожидалось, что в Семиречье прийдет до 100 тысяч человек. Получив требуемый материал, Колпаковский убедился, что Семиречье принять и удовлетворительно благоустроить такую массу крестьян не в состоянии. Он запросил Западно-Сибирского генерал-губернатора о возможности переселения части уйгуров на территорию его генерал-губернаторства, но получил отказ. Такой же отказ последовал от Сыр-Дарьинского и Ферганского военных губернаторов и из Зеравшанского военного округа. Нависла угроза срыва основных целей переселения. В таких условиях приливавшая уйгурско-дунганская беднота, не получив должного обеспечения землей, могла занять позицию, более враждебную русскому царизму, чем Китаю. В то же время, как полагал Колпаковский, поголовное переселение могло излишне обострить отношения с Китаем и тем помешать расширению русско-китайской торговли, к чему особенно стремился царизм, заключая Петербургский договор. Были немедленно приняты меры. 10 января 1882 г. генерал Фридэ получил из Ташкента уже известные нам три условия переселения, первый пункт которых гласил: «Никакой материальной помощи переселению от правительства выходцы просить не должны»[37]. Он был явно рассчитан на то, чтобы отпугнуть от переселения бедноту. 14 же февраля, отчитываясь перед министрами, военным и иностранных дел, Колпаковский так обосновывал целесообразность выставленных условий: «Воздержать по возможности жителей Илийского края от необдуманного переселения в наши пределы желательно по следующим соображениям:

«Во-первых — поголовное возвращение из Кульджи выходцев из Семиречья разорит окончательно наших киргизов, уже стесненных русской колонизацией и теряющих, к тому же, лучшие земли в силу договора 12 февраля 1881 г. ...».

«Во-вторых, — еще большая масса таранчей и дунган целиком водворится в этой же области, заняв все пригодные для культуры места, следовательно, область, шедшая доселе путем колонизации из России к быстрому обрусению, бесспорно станет мусульманскою по-преимуществу...».

«В-третьих — передача китайским властям безлюдного пространства не могла бы не раздражать их, невольно поставив их на долгое время в крайнее затруднение по продовольствию управления и войск, раздражение же это, по обыкновению, китайские власти выражали стеснением

[36] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 22.
[37] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9а, д. 464, л. 11.

нашей торговли, ожидающей развития от благоприятных условий трактата»[38].

Не отказ от переселения, а сдерживание некоторой, по преимуществу беднейшей части переселенцев — вот основной смысл позиции Колпаковского. Колпаковский, выполняя волю правительства, своими мероприятиями стремился к наилучшему разрешению двуединой задачи, вытекавшей из Петербургского договора, — усилить военно-политическое положение России на Китайской границе и всемерно расширить возможности для развития русско-китайской торговли. Поскольку поголовное переселение уйгурских и дунганских крестьян Кульджинского района в Семиречье угрожало срывом этих задач, Колпаковский предложил «воздержать по возможности жителей Илийского края от необдуманного переселения». Военное министерство целиком согласилось с мотивировкой Колпаковского.

С согласия министерства, 24 апреля 1882 г. Колпаковский предложил полномочному комиссару «объяснить китайским властям, что они не должны стесняться, а могут совершенно свободно отговаривать жителей Илийского края от переселения в наши пределы»[39].

Описанные меры действительно повлияли на некоторую часть уйгурской бедноты. Потеряв надежду на материальную помощь со стороны России, они решили воздержаться от переселения.

Китайский цзян-цзюн (губернатор) обещал выдать остающимся земледельцам на семью по 25 рублей, 2 быка, а также пшеницы[40]. Но голодные войска цзян-цзюна занимались грабежами, а у резиденции комиссара по приемке Кульджи адбаня Исентая были выставлены «для устрашения» орудия пыток. Крестьянская масса устремилась в Семиречье, теряя значительную часть своего достояния.

Как отразилось на благосостоянии переселявшегося крестьянства само переселение, можно видеть из данных табл. 9. В ней представлены: средняя обеспеченность скотом уйгуров 10 волостей в Кульдже в 1877 г. и количество скота, привезенного переселенцами из тех же волостей в Верненский уезд[41].

Сопоставление показывает, что скота привезено в Верненский уезд в несколько раз меньше, чем его имелось в Кульджинском районе. В среднем поголовье скота на новом месте поселения на хозяйство почти вдвое меньше, чем было в Кульдже. Это объясняется тем, что зажиточные хозяйства воздерживались от переселения, а так же и потерями скота крестьянством как в последние годы пребывания в Кульдже, так и во время переселения. Если допустить, что все зажиточные хозяйства, имевшие по 5 и более лошадей и владевшие, согласно подсчетам по Ханохойской и Кайнакской волостям, 24,6 проц. скота, остались в Кульдже, то и тогда поголовье скота у переселенцев должно составлять 9,44 головы на хозяйство, а с учетом того, что от переселения воздержалась и часть бедноты, — и того выше. По данным же таблицы, средняя обеспеченность переселенцев скотом составляет 6 голов на хозяйство. Таким образом, за 1877—1882 гг. уйгурское и дунганское крестьянство потеряло не менее 36—40 проц. своего скота. Какая-то часть этих потерь падает на обеднение крестьянства в течение последних лет пребывания в Кульдже, проанализированное нами выше на подсчетах по 3-м волостям. Но большая часть, безусловно, приходится на период

[38] ЦГВИА СССР, ф. 447, д. 14, л. 195.
[39] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 209.
[40] Там же, ф. 44, оп. 1, д. 4861, л. 135.
[41] Данные за 1877 г. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 6, л. 2—7; по Верненскому уезду — ф. 64, оп. 1, д. 4869, л. 266—267.

Таблица 9

Волости	Имелось в Кульдже (в 1877 г.)			В Верненский уезд		
	кол-во хоз-в	голов скота*		переселилось хоз-в	ими привезено голов скота	
		всего	на хоз-во		всего	на хоз-во
Татустанская	670	9750	14,55	482	1562	3,45
Арустанская	1309	11656	8,59	457	2243	4,91
Арабозская	457	8164	17,86	101	280	2,77
Кашская	554	14312	25,83	218	3891	17,85
Кайнакская	1248	18921	15,16	306	2306	7,56
Бартокайская	738	9100	12,33	425	4175	9,82
Бородогусанская	552	10249	18,57	187	1313	7,02
Тогузторауссная	700	2578	5,68	454	1519	3,35
10 подгорных сотен	1961	11122	5,67	205	582	2,86
Кульджинская	3301	38934	11,79	312	1020	3,26
Итого	11490	134786	11,73	3147	18891	6,00

* Переводу в крупный не поддаются: в подлиннике лошади и ишаки показаны одной графой.

переселения. Об этом говорят все приведенные данные. Несомненно, процесс переселения внес большие потрясения в хозяйство основной массы переселенцев. Они потеряли не только значительное количество скота, но и возделанные земли, сады, огороды, дома и службы. Таким образом, интенсивный процесс обеднения крестьянства, происходивший в Кульдже, в связи с переселением усилился. Переселенцы в своем большинстве пришли в Семиречье не имея достаточных средств для обоснования на новом месте своего сельского хозяйства в необходимых для пропитания размерах.

Кроме кульджинских переселенцев (50 055), в 1877—78 гг. из Кашгарии в Семиречье переселились дунгане в количестве 4454 чел. Они осели: 3075 чел. в Токмакском уезде на р. Каракунуз (селение Каракунуз, оно же Николаевское), 1046 чел. — в Иссык-Кульском уезде на р. Ирдык (с. Мариинское) и 333 чел. — в г. Караколе[42]. Таким образом, к 1884 г. уйгурское и дунганское население в Семиречье достигло 54 509 человек. Из них только уйгуры Кетменской волости Джаркентского уезда перешли в русское подданство вместе с занимаемой ими территорией. В 1884 г. их насчитывалось 760 дворов с количеством мужчин 2137, женщин 1650, всего 3787 чел. Это составило 6,9 проц. всего числа уйгурского и дунганского населения области. Их хозяйства не подверглись той ломке, какую перенесли все остальные переселенческие хозяйства.

По уездам области переселенцы распределились следующим образом[43] (см. табл. 10).

Основная часть переселенцев расселилась на территории Казахстана (Верненский и Джаркентский уезды). Только 12,2 проц. (исключи-

[42] «Обзор Семиреченской области за 1882 год», стр. 30—31.

[43] Цитир. записка Фридэ—Пантусова. Приложение.

Таблица 10

Уезды	Уйгуров	Дунган	Всего	% к итогу
Верненский	26164	1126	27290	50,1
Джаркентский участок (впоследствии уезд)	19209	1347	20556	37,1
Токмакский (Пишпекский)	—	5284	5284	9,7
Иссык-Кульский (Пржевальский)	—	1379	1379	2,5
Итого	45373	9136	54509	100,0

тельно дунгане) поселились в Северной Киргизии (Токмакский и Иссык-Кульский уезды)[44]. Первое место по числу переселенцев занимал Верненский уезд.

3. Классовое расслоение переселенцев. Бегство бедноты из уйгурско-дунганских поселений

Количество уйгуров и дунган на территории Семиречья росло следующим образом.

	Уйгуров	Дунган	Всего	Рост в %
Переселилось в 1877—83 гг.	45373	9136	54509	100,0
На 1 января 1894 г.	51387	12343	63730	116,9
На 1 января 1904 г.	62449	16763	79196	146,9
На 1 января 1914 г.[45]	78729	20100	98829	181,3

За 30 лет уйгурско-дунганское население области возросло на 81,3 проц., причем количество дунган увеличилось более чем вдвое, а уйгуров — на 73,5 проц.

Отражение переселения на классовом составе уйгурского крестьянства можно видеть по следующему сопоставлению данных по уйгурским волостям в Кульдже[46] до переселения (1876 г.) и в Семиречье после переселения (1888 г.), (см. табл. 11).

В Кульдже в 1876 г. однолошадные, безлошадные и бесскотные хозяйства (I, II, III группы) составляли 52,7 проц. В Семиречье их удельный вес поднялся до 86,4 проц. Одновременно на другом полюсе совершенно исчезли группа (IX) крупных феодальных хозяйств; три высшие по достатку группы (VII, VIII, IX) в Кульдже составляли 2,4 проц., а в Семиречье в 1888 г. их насчитывалось только 0,9 проц. При этом, если в Кульдже в руках этих трех социальных групп в 1876 г. было 24,6 проц. скота, то теперь в Семиречье — только 9,6 проц. Группа среднего крестьянства также сократилась количественно (12,7 проц. хозяйств против 44,9) и ослабела экономически (41,5 проц. скота против 60,8 проц.).

---

[44] Небольшая группа переселенцев-дунган переправилась через р. Чу и поселилась в Аулиеатинском уезде Сыр-Дарьинской области.

[45] По «Обзору Семиреченской области за 1912 г.» на 1 января 1913 г. уйгуров и дунган числилось 106033 (в 1914 г. — только 98829). Это объясняется утечкой уйгурского населения в Китай, а также в соседние области.

[46] ЦГА КазССР, 1876, ф. 44, оп. 3, д. 4а, лл. 3—38; 1888, ф. 120, оп. 1, д. 22, лл. 71—291. Списки. Подсчет наш.

Таблица 11

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	1876 г. Ханохойская и Кайнакская волости Кульджинского района					1888 г. Джаркентская, Аккентская и Аксу-Чарынская волости Джаркентского участка				
		Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)			Число хоз-в		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		
		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во
I	Не имели скота	541		—			923		—	—	—
II	Не имели лошадей	144	52,7	375,94	14,6	2,61	401	86,4	604,83	48,9	1,51
	Имели:										
III	1 лошадь	539		1354,93		2,51	1285		3282,33		2,55
IV	2 „	767		3778,45		4,93	335		2456,81		7,33
V	3 „	213	44,9	2465,02	60,8	11,57	41	12,7	641,33	41,5	15,64
VI	4 „	59		993,15		16,83	7		201,50		28,79
VII	5 „	19		561,70		29,56	17		326,85		19,23
VIII	6–8 „	24	2,4	951,74	24,6	39,66	11	0,9	442,35	9,6	40,21
IX	9 и более лошадей	14		1413,96		101,00	—		—	—	—
	Итого	2320	100,0	11894,89	100,0	5,13	3020	100,0	7956,00	100,00	2,63

Уже отмечалось, что в Кульдже перед переселением совершался интенсивный процесс разорения крестьянства: росла беднота, уменьшалось количество середняков, что явилось основной причиной бегства крестьян из Кульджи. Но в приведенной таблице обнаруживается что-то новое: вместо роста экономической мощи хозяйства феодалов и зажиточных, какое мы наблюдали в Кетменской волости, здесь к 1888 г. наблюдается исчезновение феодальной группы и ослабление экономической мощи зажиточных групп. Совершенно бесспорно, что уйгурское крестьянство бежало от своих феодалов и кулаков. 1882 г. был для уйгуров и дунган как бы своеобразным «юрьевым днем». Но уход от одного помещика не избавлял крестьянина от необходимости работать на кабальных условиях на другого. Даже «вольного» казачества из кульджинских переселенцев не получилось, хотя это было обещано Колпаковским. Переселение подорвало экономику крестьянского хозяйства и создало новые невиданно тяжелые условия кабалы и угнетения со стороны новых эксплуататоров феодального и полуфеодального типа.

Данных, позволяющих ощутительно сопоставить экономическое положение дунган в Кульдже и Семиречье, не найдено. Однако следующая таблица о хозяйственном положении дунган г. Джаркента показывает, что и в среде дунганского крестьянства в результате переселения произошли те же социальные изменения, что и среди уйгуров[47] (см. табл. 12).

Видно, что обеспеченность скотом чрезвычайно низка. Три четверти переселенцев составляли бесскотные и безлошадные хозяйства, остальных можно разделить на две группы — обеспеченные скотом в недостаточном количестве, чтобы прочно обосноваться на новом месте и самостоятельно вести свое хозяйство (IV и V группы), —22,8 проц. и более или менее обеспеченные скотом (V и VI группы) —1,5 проц. Вместе с тем дальнейшее расслоение продолжалось и на новом месте. Беднота и средняя группа экономически слабели, а зажиточные усиливались (в 1885 г. 25 проц. скота, а в 1888 г. 30,4 проц.). Таблица показывает, что экономическая основа сельского хозяйства дунган в связи с переселением была также подорвана, как и у уйгуров, в результате чего изменилось социальное лицо дунганских поселений.

Следующие данные о дунганах г. Пишпека в этом отношении еще более рельефны[48] (см. табл. 13).

Среди пишпекских дунган в 1885 г. через три года после переселения 46,9 проц. хозяйств не имели никакого скота, а 30,9 проц. составляла беднота, имевшая его очень мало. Не было ни одного хозяйства с 6-ю и более лошадьми. И у дунган, поселевшихся в г. Пишпеке, как и у уйгуров, многоскотные хозяйства не переселялись.

Но наша таблица, кроме того, показывает, каковы были немедленные результаты такого положения. За 5 лет — к 1890 г. — количество хозяйств в трех низших группах возросло до 81,1 проц., сократилось и ослабело среднее крестьянство. В то же время появились такие богачи, каких не наблюдалось даже в Кульдже. Это были крупные предприниматели, торговцы и ростовщики. Составляя всего 1,1 проц. от общего количества хозяйств, они оказались обладателями 66,7 проц. скота. Переселение, ослабив экономически трудовое дунганское и уйгурское крестьянство, подготовило почву для дальнейшей исключительно быстрой имущественной дифференциации.

---

[47] ЦГА КазССР, 1885, ф. 44, оп. 12, д. 20б, лл. 79—106; 1888, ф. 120, оп. 1, д. 22, лл. 1—26. Списки. Подсчет наш.

[48] ЦГА КазССР, 1885, ф. 44, оп. 12, д. 2б, лл. 128—140; 1890, ф. 44, оп. 9а, д. 464, лл. 93—110. Списки. Подсчет наш.

Таблица 12

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	1885 г.							1888 г.						
		Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)			Домов		Число хоз-в		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)			Домов	
		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	на хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	на хоз-во
I	Не имели скота	231	75,7	—	12,8	—	111	0,48	247	76,5	—	9,1	—	128	0,52
II	Не имели лошадей	24		29,99		1,25	18	0,75	13		19,99		1,54	8	0,62
	Имели:														
III	1 лошадь	59	22,8	99,45	62,2	1,68	48	0,81	59	21,8	92,40	60,5	1,57	58	0,98
IV	2 »	18		46,83		2,60	15	1,20	15		40,00		2,67	14	0,35
V	3 »	3	1,5	35,93	25,0	11,98	3	1,00	3	1,7	37,60	30,4	12,53	3	1,0
VI	6 и более лошадей	2		22,83		11,42	2	1,00	3		28,83		9,61	3	1,0
	Итого	337	100,0	235,03	100,0	0,70	197	0,58	340	100,0	218,82	100,0	0,64	214	0,63

Таблица 13

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	1885 г.					1890 г.				
		Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)			Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		
		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во
I	Не имели скота	97	46,9	—	—	—	161	61,0	—		—
II	Не имели лошадей	7	3,4	9,16	28,0	1,31	—	—	—	8,4	—
	Имели:										
III	1 лошадь	57	27,5	82,93		1,46	83	20,1	58,67		1,11
IV	2 »	37	22,2	141,98		3,84	32		64,00	24,9	2,00
V	3 »	9		93,30	72,0	10,37	13	17,8	96,50		7,42
VI	6-8 »	—		—		—	2		12,83		2,42
VII	9 и более	—		—		—	3*	1,1	463,98	66,17	154,66
	Итого	207	100,0	327,37	100,0	1,58	264	100,0	695,98	100,0	2,64

* В том числе два богача, имевших 350 лошадей, 50 голов рогатого скота и 200 баранов.

Среди переселенцев дунган, как уже сказано, во время переселения имелось некоторое количество многоскотных хозяйств, обладавших, кроме того, деньгами и другим имуществом. В 1885 г. среди джаркентских переселенцев зарегистрированы 42 лавки, принадлежащие дунганам. Это указывает, что среди них тогда имелись торговцы. Естественно предположить, что среди дунган, поселившихся в городах, были и ремесленники. Этими обстоятельствами обусловлена особенно быстрая дифференциация по скоту: обладатели денежных капиталов превращались в обладателей скота, а безлошадные теряли последний скот, так сказать «раскрестьянивались», превращались в ремесленников и пополняли городскую бедноту. Среди бесскотных хозяйств, несомненно, имелись торговцы. Надо полагать, их было немного. Их учет, возможно, несколько уменьшил бы процент бедноты, но классовая дифференциация среди городских дунган выявилась бы еще резче, ибо с учетом денежных капиталов и другого имущества разница в достатке между многоскотными, малоскотными и бесскотными хозяйствами оказалась бы еще более глубокой.

Дунгане, пришедшие из Кашгарии, поселились в деревне. Вот данные (табл. 14) об их классовом расслоении по двум селениям, основанным в 1877-78 гг.[49]

Таблица 14

1885 г. Селение Мариинское (Иссык-Кульский уезд) и Каракунуз (Токмакский уезд)

Группы	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		
		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во
I	Не имели скота	239	61,4	—	25,4	—
II	Не имели лошадей	2		2,59		1,30
	Имели:					
III	1 лошадь	309	37,4	355,28	68,0	1,15
IV	2 »	265		575,20		2,19
V	3—5 »	70		383,67		5,48
VI	6 и более	11	1,2	92,99	6,6	8,45
	Итоге	896	100,0	1409,73	100,0	1,57

Со дня основания селений до времени составления подсчитанных списков прошло 7 лет. Трудно определить, в какой степени в полученных данных отразилось экономическое потрясение хозяйств в связи с переселением и в какой — дальнейший процесс расслоения. Однако высокий процент бедноты (61,4) и экономическая слабость зажиточной верхушки (8,45 единиц скота на хозяйство) сближают эти данные по их характеру со всеми приведенными выше. Это позволяет сделать заключение, что и кашгарские переселенцы пережили в процессе переселения глубокий кризис своего хозяйства, подобный кризису хозяйства переселенцев из Кульджи. В то же время потерей скота и другого имущества в годы переселения был ускорен процесс дальнейшего расслоения.

Но кашгарские переселенцы в 1878 г. были лучше обеспечены землей. Кроме того, в селениях Мариинское и Каракунуз широко культиви-

[49] ЦГА КазССР, ф. 44, лл. 12, д. 206, лл. 107—109. Списки. Подсчет наш.

Таблица 15

Группы	Группы хоз-в по по кол-ву лошадей	1885 г.					1888 г.					1892 г.				
		Число хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь			Число хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь			Число хозяйств		Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		
		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на хоз-во
I	Не имели скота	52		—			69		—			87		—		
II	Не имели лошадей	1	67,3	0,83	28,4	0,83	4	60,7	5,00	17,0	1,25	2	38,8	12,80	5,3	6,4
	Имели:															
III	1 лошадь	106		125,16		1,18	67		99,76		1,49	29		39,82		1,37
IV	2 »	43	30,1	106,66	59,1	2,47	88	47,1	216,08	71,4	2,46	125	57,5	339,72	71,9	2,72
V	3—5 »	28		155,75		5,56	42		224,38		5,34	50		351,40		7,03
VI	6 и более	6	2,6	55.83	12,5	9,31	6	2,2	71,62	11,6	11,94	11	3,7	219,65	22,8	19,97
	Итого	236	100,0	444,23	100,0	1,88	276	100,0	616,84	100,0	2,33	304	100,0	963,39	100,0	3,15

ровались посевы опийного мака и риса. Поэтому классовое расслоение проявилось здесь в своеобразных формах. Вот данные (табл. 15) о с. Мариинском[50].

Процесс расслоения крестьянства по скоту здесь происходил значительно медленнее, чем в Пишпеке. В отличие от рассмотренных выше данных в хозяйствах групп IV—VI увеличивалось поголовье скота, а в I—III группах — уменьшалось. С первого взгляда кажется, что здесь не наблюдается процесс «вымывания середняка» и количественного роста бедноты. Если судить о расслоении только по скоту, то удельный вес бедноты уменьшается, средний слой растет количественно и его обеспеченность скотом увеличивается.

Если же учесть имевшиеся в этих селениях высокопроизводительные культуры — мак и рис — тогда картина представится иной. В. И. Ленин указывает, что игнорирование статистикой технических культур «...преуменьшает вытеснение мелкого производства крупным и преуменьшает тем сильнее..., чем значительнее различия между хозяйствами по величине вкладываемого в одну и ту же единицу земельной площади капитала»[51]. Проявление этого закона капитализма, несомненно, имело место в с. Мариинском. Распределение скота по социальным группам, может быть, и соответствует, как обычно, распределению земельных площадей, но оно не отражает подлинных размеров производства. На деле эксплуататорские группы росли значительно быстрее, а среднее крестьянство, несмотря на рост поголовья скота, сужало производство. Это видно хотя бы из того, что хозяйства IV (эксплуататорской) группы даже по обладанию скотом богатели очень быстро. В 1885 г. у них было 12,5 проц. всего скота, а в 1892 г. — 22,8 проц. Среднее количество скота на хозяйство в этой группе возросло на 114,5 проц. В то же время удельный вес стада, принадлежавшего бедноте, уменьшился с 28,5 до 8,3 проц. Что же касается количества бедноты в поселениях, то необходимо помнить, что эксплуататорская часть селений здесь жила не только эксплуатацией своих односельчан, но и наймом пришлой рабочей силы.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что расчеты правительства получить в лице уйгуров и дунган «благонадежную» силу в борьбе против Китая провалились. Чем дальше шло обеднение подавляющей части уйгурских и дунганских крестьян, тем неблагонадежнее оно становилось для самодержавия, тем рельефнее классовая борьба трудового крестьянства за улучшение своего экономического положения вырисовывалась как борьба антифеодальная, антиимпериалистическая, национально-освободительная.

Проанализированные процессы приводили к тому, что уйгурское и дунганское крестьянство, разоряясь, теряло связь с сельским хозяйством. Вот данные (табл. 16) переписи 1897 г. о распределении народностей Семиреченской области по их хозяйственной деятельности. (Воспользуемся подсчетом «Ревизий» Палена)[52].

Спустя 15 лет после переселения 30,7 проц. уйгуров и 52,5 проц. дунган уже порвали с сельским хозяйством — ни земледелием, ни животноводством они не занимались. Переселялись в 1882—83 гг. главным

---

[50] ЦГА КазССР, 1885 г., — ф. 44, оп. 12, д. 2а; 1888 г., — ф. 44, оп. 8, д. 1173; 1892, ф. 44, оп. 8, д. 1337. Списки. Подсчет наш.

[51] В. И. Ленин. Соч., т 22, стр. 71.

[52] «Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом». «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. I, отд. I, СПб. 1911, стр. 85; «Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г.», т. XXXV: Семиреченская область, 1905, стр. IX.

Таблица 16

Народности	% самостоятельных лиц мужского пола, занятых:		
	земледелием	скотоводством	прочими занятиями
Русские	44,26	0,40	55,34
Киргизы и казахи	41,14	54,23	4,63
Узбеки	19,33	1,20	79,47
Уйгуры	68,53	0,81	30,66
Дунгане	46,90	0,58	52,52

образом крестьяне. Только среди дунган было некоторое количество ремесленников. Через 15 лет оказалось, что «в крестьянстве» среди уйгуров осталось около 2/3, а среди дунган — меньше половины. Ниже еще покажем, куда направлялись эти «раскрестьяненные» крестьяне.

По данным М. К. Тургунова, дунганам и уйгурам, поселившимся в районе рек Коргас и Усек, Большой и Малый Аксу, Баин-Казах и Чарын, т. е. в Джаркентском участке, отводилось по 5 десятин удобной земли на мужскую душу — *эркак*. Тот же принцип был соблюден в 1885—87 гг. при закреплении земли за жителями Кетменской волости Джаркентского уезда, перешедшей в русское подданство вместе с занимаемой ими территорией. Только в селениях Актам и Кош-Ягаш размер надела был определен в 7 десятин. Во всех остальных случаях наделяли землей по 10 десятин (удобной) на каждую семью — *тютюн*. Если взять все земли, удобные и неудобные (по определению царской администрации), то обеспеченность переселенцев Джаркентского участка и Верненского уезда землей представится в следующем виде (табл. 17)[53].

Таблица 17

Районы (бассейны рек)	Количество семей	Душ обоего пола	Отведено земли, десятин		
			всего	на семейство	на человека
Каргас-Усек	2479	9889	51097	20,6	5,3
Аксу-Чарин	1238	5933	19332	15,6	3,2
Правый берег Чи ика	1442	7262	31357	21,7	4,3
Чилик-Кийкбай	2285	13304	54092	23,7	4,1
Кийкбай-Талгар	1548	5598	19711	11,4	3,5
Кетменская вол. (отвод 1885—1887 г.)	639	3332	13583,6	21,3	4,1
Итого	9431	45318	181172	19,2	4,0

С точки зрения казенного благополучия картина выглядит неплохо. На деле, однако, крестьяне не могли использовать не только земли, официально числившиеся неудобными, но и земли, оцененные чиновниками как удобные. В 1901 г. посевы зерновых в уйгурских и дунганских

[53] Данные М. К. Тургунова. Цит. диссертация, стр. 194 и 201. По Кетменской волости (число семейств и душ) — наш подсчет посемейных списков за 1888 г.

поселениях составили, по официальным данным, 42230 десятин. Иначе говоря, даже с учетом аренды на стороне было засеяно всего 23,4 проц. закрепленных земель, что составило 0,62 десятины на душу, т. е. в 6,45 раз меньше, чем было отведено[54]. В тяжелых условиях развивалось у переселенцев земледелие. Основная черта крестьянских хозяйств уйгурских и дунганских поселений — их крайняя раздробленность, парцеллярность, что являлось благодатной почвой для развития всякого рода феодальной и полуфеодальной кабалы.

П. И. Шрейдер рассказывает, что «высшая администрация края ходатайствовала об ассигновании в пособие» переселенцам 450 тыс. руб. из 9 миллионов контрибуции, полученной с Китая. Деньги предполагалось пустить «на покупку зерна для первоначального посева и муки для продовольствия, устройство ирригации, постройку усадеб, администрацию и проч.» Но Петербург ходатайство не утвердил. «Разрешено же было только 50000 руб.»[55] Но и эти деньги были израсходованы не по назначению. В апреле 1882 г. Аристов докладывал Колпаковскому: «Из 50000, ассигнованных по водворению переселенцев, употреблены по прямому назначению до сих пор до 11000 руб. Остальные 39000 заимообразно обращены... на пополнение капитала Илийского моста, употребленного на плату за добавленные пары почтосодержателям»[56]. Только в 1882 г. по случаю неурожая в Верненском уезде начали выдавать пособия переселенцам деньгами и натурой. «Израсходовано на пособия переселенцам менее 100000 руб. Из этой суммы большая часть (71315 руб.) выдана в виде ссуды»[57]. Пособия были крайне малы (в среднем меньше 2-х руб. на душу), но и они обернулись впоследствии против бедноты тяжелыми платежами при возврате ссуды. Тем более, что по существовавшим тогда нравам, значительная часть денег, зачисленных в задолженность переселенцам, фактически «пристала к рукам» чиновников. По Джаркентскому же уезду половина ссуды (5 тыс. руб. из десяти) была передана купцу Юлдашеву на постройку мечети. Эти деньги взыскали впоследствии с крестьянства.

Трудно было обосноваться уйгурским и дунганским крестьянам на новой земле. Беднота не имела орудий и скота для ее обработки. Кроме того, земля была отведена в общинное пользование. Крепостническая община легла тяжелым бременем на плечи бедняцкой части крестьянства. Община требовала возврата ссуд, а с 1891 г. и подати за землю, независимо от того, обрабатывалась она или нет.

Кульджинские переселенцы уже в первый год обложения их податью оказались не в состоянии внести ее полностью и к 1 января 1893 г. за ними оказалось недоимки 6149 руб., а в 1898 г. сумма недоимки возросла до 15 с лишком тысяч рублей[58]. В 1893 г. для выколачивания земельных податей и взносов в счет погашения ссуд в уйгурские волости Верненского уезда был специально послан младший чиновник особых поручений Малиновский. Он организовал в волостях распрода-

---

[54] Данные «Обзора Семиреченской области за 1901 год». Ссылки на «Обзоры» даются без указания страниц в тех случаях, когда данные взяты из приложений, которые в номерацию страниц не входили.

[55] П. И. Шрейдер. Указанная работа, стр. 99. В попавшем в наши руки экземпляре, по которому прогулялся красный карандаш цензуры, это место было вычеркнуто. Названный экземпляр хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Проверка факта по архивным данным подтвердила правильность сообщения П. И. Шрейдера.

[56] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 183.

[57] Цитир. записка Фридэ—Пантусова, стр. 95.

[58] «Обзор Семиреченской области за 1882—1899 гг.» Верный, 1900, стр. 54.

жу имущества недоимщиков, сажал некоторых в тюрьму. Только такими крутыми мерами Малиновский добился внесения платежей сполна[59]. Сколько бедняков в результате этой «операции» попало в безисходную кабалу к ростовщикам, об этом документы умалчивают.

Беднота во многих случаях от земли отказывалась, так как она ею не пользовалась. Подать за землю ложилась на них тяжелой феодальной повинностью. Когда же плательщик убегал из поселка и администрация не могла его вернуть «к месту водворения», платежи перекладывались на общину.

Против бегства крестьян принимались специальные меры вплоть до возвращения беглецов этапным порядком. Взыскивались подати и у бежавших в другие области и имевших там заработок. Многие платили подать за надел, не зная, где этот надел находится. Но бегство крестьян не прекращалось. Крестьяне бежали в города, казачьи станицы и русские поселки области — во все места, где имелась хотя бы какая-либо надежда найти работу. Возвратить всех беглецов в места водворения чиновники не могли. О размерах ухода из деревень в пределах области можно судить по данным[60] табл. 18.

Таблица 18

Места расселения	Поселилось в 1877—1883 гг. душ об. пола	Числилось			
		в 1894 г.		в 1901 г.	
		всего	% к 1877—1883 гг.	всего	% к 1877—1883 гг.
Всего уйгуров и дунган в области, в том числе:	54509	63730	116,9	78211	143,5
а) в городах	2818	5732	203,4	6864	243,6
б) в русских казачьих и крестьянских селениях	—	—	—	5109	—
Всего в городах и русских селениях	2818	—	—	11973	424,9
% к общему количеству уйгурского и дунганского населения области	5,2	—	—	15,3	—

В 1877—1883 гг. в городах осело 5,2 проц. переселенцев. Через 19 лет при общем росте в 1,4 раза городское уйгурское и дунганское население увеличилось в 2,4 раза. Вообще же в городах и русских поселениях в 1901 г. оказалось 15,3 проц. всего количества уйгурского и дунганского населения области. Под давлением этого неотвратимого процесса администрация была вынуждена зачислять дунган и частично уйгуров в мещане.

Одновременно уже в 1883 г. началось бегство крестьян в Кульджу, на прежние места жительства. В 1883—1894 гг. по официальному подсчету перебежали в Китай 1102 уйгура и 177 дунган — 2,5 проц. всех переселившихся[61]. Эту цифру надо считать преуменьшенной, так как автор «Обзора Семиреченской области... за 1882—1898 гг.» сообщает,

[59] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9а, д. 536.

[60] Данные записки Фридэ—Пантусова и «Обзоров Семиреченской области» за соответствующие годы.

[61] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. 1, л. 149.

что число перебежчиков «по данным, собранным в первой половине 1899 г., достигало 8 проц. всего таранчинского (уйгурского. — *П. Г.*) населения»[62].

Бежали в Кульджу большей частью уйгуры, так как они больше пострадали от переселения и с бóльшими трудностями устраивались на новой земле, чем дунгане, особенно кашгарские. Кроме того, если среди дунган из Кульджи значительная часть бедноты, будучи городскими ремесленниками, находила себе средства пропитания в Семиречье, занимаясь ремеслом, то уйгуры, еще не имевшие опыта в ремесле, не могли приложить свой труд в ремесленном производстве. Тот факт, что среди возвратившихся в Китай преобладали уйгуры, подтверждается и цифрами таблицы, приведенной в начале настоящей главы. По ней дунганское население области к 1914 г. возросло в 2,2 раза, уйгурское — в 1,74 раза.

12 августа 1891 г. семиреченский военный губернатор писал степному генерал-губернатору: «Таранчи, поселенные в восточной части Верненского уезда, разбегаются во все стороны целыми семьями как от недостатка земельных наделов и скудной производительности почвы, так и от взысканий в погашение выданного им в 1882—1883 гг. казенного пособия при водворении их в наших пределах; бегут преимущественно в Кульджу, на прежние места, где у них имеются родственники и где злачных земель в изобилии»[63].

И в другом документе он же сообщает: «Вообще бегут в Или бедняки, преимущественно бездомные, склоняемые к переселению известиями, что китайцы дают переселенцам семян для посева и даже деньги на первое обзаведение[64]. Известия эти хотя несколько и преувеличены, однако бежавший в китайские пределы таранчинец, без сомнения, находит там более средств к пропитанию и существованию, чем у нас, при недостаточности земельных наделов и скудной производительности почвы, обуславливаемой недостаточностью орошения, не имея возможности заработать деньги на погашение выданного ему в 1882—83 годах казенного пособия при водворении в наши пределы»[65].

Упуская из виду то обстоятельство, что разорившийся крестьянин даже при наличии земли не был в состоянии ее освоить за неимением рабочего скота и земледельческих орудий, военный губернатор тем не менее констатирует, что и бегство в Китай (как и уход с мест поселения на заработки внутри области) было вызвано стремлением бедноты найти для себя средства существования и избавиться от непосильных платежей.

Против бегства переселенцев на родину принимались административные меры. В то же время правительство через русских консулов предпринимало меры по возвращению беглецов из Кульджи. Но с середины 90-х годов начали приходить к заключению, что препятствовать их уходу на родину не следует. 12 мая 1894 г. генерал-губернатор Степного края Таубе отправил министру внутренних дел Дурново пространный рапорт по этому вопросу. В нем, по-своему объясняя причины бегства переселенцев на родину, Таубе дает также свою оценку переселению

---

[62] «Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1899)», Верный, 1900, стр. 55.

[63] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. 1, л. 21.

[64] Ю. Баранова сообщает, что «только в 1884 г. бедняки уйгуры для увеличения количества обрабатываемой ими земли получили от цинской казны зерно для посева и 1300 быков для производства пахоты и прочих сельскохозяйственных работ». (Цит. работа, стр. 51).

[65] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. 1, л. 23.

1882 г.: «Я пришел к тому убеждению, что бывший наш комиссар генерал-майор Фридэ сделал большую ошибку принятием в 1882—83 гг. более 50 тысяч новых подданных при ощутившемся уже тогда недостатке свободных земель в Семиреченской области... Вследствие сего и принимая во внимание затруднения, с которыми сопряжено насильственное возвращение русско-подданных переселенцев перебежчиков из Китая в места причисления... Я пришел к заключению, что в настоящее время было бы наиболее рациональным не препятствовать недовольным наделами переходить на китайскую территорию и во всяком случае не возбуждать несовместимую с достоинством русской державной власти бесполезную, ни к чему не приводящую переписку об обратном водворении беглецов... Для России выгоднее иметь на соседней китайской территории преданных нам туземцев, чем недовольных наделами и бедствующих на русской территории»[66].

Как видим, мнение местной администрации по этому вопросу к середине 90-х годов изменилось. Таубе понял, что уйгуры и дунгане, обездоленные переселением, не имеющие средств существования в области, не могут служить царизму опорой против Китая.

Прежде чем была принята новая точка зрения на уйгурско-дунганское переселение, министерства военное и иностранных дел предприняли разведывательную операцию в Кульдже. Ее выполнил полковник генерального штаба Дюгаев. В 1900 г. в связи с Ихетуанским восстанием, он прошел через Кульджу с отрядом в 750 человек. В результате появилась изданная штабом Туркестанского военного округа его работа «Военно-статистические сведения об Илийском крае». В ней он констатировал большие перемены, происшедшие в Кульдже со времени памятного 1882 г. Он писал:

«Вместо ушедших в наши пределы дунган и таранчей были переселены (в Кульджу. — *П. Г.*) таранчи из Кашгарии и коренные китайцы из застенного Китая... Продолжительная борьба племен, вызывая постоянное перемещение населения из опустошенных местностей в другие, настолько перемешала его, что трудно определить точные границы расселения по территории той или другой народности... Подобно китайцам, по всей территории округа рассеяны и таранчи»... В настоящее время «население Илийского округа по своему племенному составу слагается из четырех различных групп: тюркской, монгольской, китайской и тунгузской... Но разрозненные взаимной враждой все некитайские народности «одинаково сходятся в ненависти к Китаю и китайскому режиму. Особенно в этом отношении выделяются дунгане. Ненависть их к китайцам безгранична, и они представляют тлеющий очаг будущих восстаний... К дунганам, конечно, присоединятся таранчи и киргизы (казахи. — *П. Г.*)», по предположению Дюгаева, «не забывшие жестокостей китайцев при восстановлении их владычества в Син-цзяне». И Дюгаев делает вывод: «...При столкновении нашем с китайцами в Илийской долине, она сделается ареной междоусобий и борьбы народностей против китайской власти, а русские войска встретят в большей части ее населения сочувствие и поддержку»[67].

Лишь получив эту информацию, Петербург склонился к тому, чтобы принять точку зрения Таубе. Теперь для правительства возвращение уйгуров и дунган в Кульджу означало разрядку напряженного состоя-

[66] Там же, л. 115.

[67] Дюгаев. Военно-статистические сведения об Илийском крае. В книге: «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», вып. XXVIII. Ташкент, апрель—май, 1901, стр. 12, 13, 17, 20, 22.

ния в Семиречье и подливание масла в огонь за китайской границей, где все некитайские народности «одинаково сходятся в ненависти к Китаю и китайскому режиму». Именно поэтому с 1901 г. русские власти через консулов начали передавать в Кульдже китайским властям беглецов из Семиречья — уйгуров, дунган и казахов, — исключая их из числа подданных и снимая с общин числящиеся за беглецами платежи. Журналом Общего присутствия Семиреченского областного правления от 1 сентября 1901 г. было исключено из «податного сословия» Джаркентского и Верненского уездов 4098 уйгуров и 203 дунгана — 5,5 проц. всего уйгуро-дунганского населения области. С бежавших до 1894 г. 1223 душ списано недоимок на сумму 7475 руб.[68] Точной цифры всех сложенных недоимок установить не удалось, но известно, что названной цифрой они не ограничивались. За сложением недоимок последовали меры по снятию с оклада части неудобных земель, числившихся за общинами. В 1904 г. в селениях джаркентских уйгуров было снято с оклада 3973 дес. земли, что уменьшило оброчную подать на 1193 руб.[69], в 1905 г. в Малыбаевской волости Верненского уезда снято с оклада 2689 десятин, в том числе 1700,5 десятин удобной земли[70]. Власти явно шли на то, чтобы «приоткрыть клапаны», ослабить причины, вызвавшие бегство уйгуров и дунган в Китай. Тем не менее уйгуры и дунгане Семиречья все больше и больше превращались во враждебную царизму силу. Царский колониальный режим, воскрешенные царизмом в уйгурских и дунганских поселениях крепостнические общины, подрыв хозяйства налогами, разнообразные формы эксплуатации крестьянства феодалами, ростовщиками и администрацией — вот основные причины этого.

По посевам и сбору хлебов на душу населения уйгуры и дунгане далеко отставали от других оседлых крестьян Семиречья.

Это видно из данных о посеве и урожае на душу населения (табл. 19, в четвертях)[71].

Таблица 19

Группы населения	1882 г.		1898 г.	
	посев	урожай	посев	урожай
Казаки	2,28	21,49	1,52	8,4
Крестьяне	1,25	10,08	1,15	6,7
Мещане	0,08	0,83	0,19	1,13
Киргизы и казахи	0,13	0,99	0,27	1,72
Уйгуры и дунгане	0,14	1,38	0,39	1,93

Уйгуры и дунгане в 1898 г. производили хлеба на душу населения в 3,5 раза меньше, чем русские крестьяне, и в 4,3 раза меньше, чем казаки. По размерам производства хлеба они приближались к кочевникам казахам и киргизам.

По данным царской администрации, в 3-х уйгурских волостях южного участка Кульджинского района (Кайнакской, Ханохойской и Кетменской) в 1878 г. было посеяно хлеба 0,79, собрано 9,47 четвертей на душу населения[72], т. е. в 2,03 раза по посеву и в 4,72 раза по сбору больше,

[68] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. 1, лл. 175, 256.
[69] ЦГА УзССР, ф. 11, оп. 13, д. 163, т. II, лист 61.
[70] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию... т. V, ч. I, стр. 207.
[71] «Обзор Семиреченской области за 1882—1899 гг.», стр. 131.
[72] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 14, лл. 26—27.

чем у уйгуров и дунган в Семиречье в 1898 г. Относительно спокойное развитие хозяйства в годы царской оккупации Кульджи могло явиться одной из причин переселения уйгуров в Семиречье в 1882 г., но их бедственное положение в Семиречье не могло не вызвать у них противоположных настроений. Они устремились обратно в Кульджу. А оставшиеся вступили в острый конфликт с царизмом, все более и более сливая свою борьбу против царизма с борьбой всех других категорий крестьянства. С конца 80-х годов уйгурских и дунганских крестьян чиновники в документах уже не расценивают как возможную военную силу против Китая. Даже всеобщая воинская повинность на них не была распространена.

4. Обнищание крестьянства и феодальные отношения в уйгурских и дунганских селениях

Как шло дальнейшее расслоение в поселениях уйгуров и дунган, мы увидим из таблицы 20. В ней сопоставлены наши подсчеты посемейных списков за 1888 г. с данными П. П. Румянцева за 1910 г. За неимением сводных данных за 1888 г. по Верненскому уезду берем в обоих случаях только Джаркентский уезд. Несколько различен признак отнесения хозяйств к социальным группам в нашем подсчете и у Румянцева, но таблица все же позволяет оценить изменения в соотношении основных социальных групп[73].

Из предыдущего изложения известно, что 5,5 проц. уйгурского и дунганского населения в 1901 г. были исключены из посемейных списков, вследствие их бегства в Китай. Кроме того, согласно данным за 1909 г., на 1 января 1910 г. в городах, казачьих станицах, русских крестьянских поселениях, в казахских и киргизских волостях уже числилось 32 706 душ уйгуров и дунган[74]. При общем количестве уйгуров и дунган в области на эту дату — 106 085 человек — это составляет 30,8 проц., а за высчетом 5,2 проц., живших в городах с 1877—1883 гг., — 25,5 проц. Это означает, что за 1883—1910 гг. из сельских уйгурских и дунганских волостей в пределах области переселилось 25,6%, а с прибавлением названных выше 5,5 проц., отчисленных администрацией в Китай, число переселившихся и перечисленных администрацией в новые места поселения достигает 31,1 проц.

В. И. Ленин указывает, что «...сплошь да рядом буржуазные и мелкобуржуазные экономисты не хотят даже замечать очевидной связи между бегством населения из деревень и разорением мелких производителей»[75]. Это относится и к обследованию П. П. Румянцева. Он учел «отсутствующие» хозяйства (по его данным — 21,7 проц.). Это какая-то часть крестьян, бежавших из своих поселений, но он не замечает ни того, что уход был намного больше этой цифры, ни связи этого явления с разорением крестьянства. Стремясь устранить из данных П. Румянцева этот недостаток, мы ввели в таблицу наш пересчет его показателей с учетом названной цифры о бегстве крестьянства.

Известно, что ушедшие из своих волостей уйгуры и дунгане не учитывались в других поселениях до тех пор, пока они не исключались из посемейных списков этих волостей. Это значит, что количество уйгур-

---

[73] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 22. Списки. П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. II, стр. 606, 611—612.

[74] Основная масса — в городах и русских поселениях. В казахских и киргизских волостях было только 93 человека.

[75] В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 73.

Таблица 20

Группы	1888 г. Подсчет посемейных списков Джаркентской, Аккентской и Кетменской волостей				1910 г. Обследование П. П. Румянцева по тем же волостям				Наш пересчет данных П. П. Румянцева с учетом бежавших из уйгурско-дунганских волостей в 1883—1910 гг.			
	Группа хоз-в по кол-ву лошадей	Число хозяйств			Группа хоз-в по кол-ву рабочего скота	Число хозяйств			Число хозяйств			
		всего	% к итогу	то же, по укрупненным соц. гр.		всего	% к итогу	то же, по укрупненным группам	всего	% к итогу	то же, по укрупненным группам
0					Бежавшие из селений с 1883—1888 гг.	Не учтены		—	2773	31,1	
I					Отсутствующие	1333	21,7		1333	14,9	
II	Не имели скота	1566	34,2	45,3	Не имеющие скота	815	13,3	44,6	815	9,1	61,8
III	Не имели лошадей	507	11,1		Не имеющие рабочего скота	593	9,6		593	6,7	
IV	Имели:				Имеющие:						
V	1 лошадь	1785	39,0	51,9	1 гол. раб. скота	1544	25,1	42,2	1544	17,3	29,1
VI	2 „	589	12,9		2 „ „ „	1050	17,1		1050	11,8	7,3
VII	3—5 „	114	2,4	2,4	3—5 „ „ „	645	10,5	10,5	645	7,3	
VIII	6 и более лошадей	18	0,4	0,4	6—10 „ „ „	129	2,1	2,7	129	1,4	1,9
					более 10 „ „	35	0,6		35	0,5	
	Итого	4579	100,0	100,0		6144	100,0	100,0	8917	100,0	100,0

ских и дунганских хозяйств, порвавших со своими селениями, за изучаемые 22 года равняется сумме ушедших из селений и учтенных в местах нового жительства плюс «отсутствующие», т. е. фактически ушедшие из селений, но еще никуда не причисленные. Принимая, что и в Джаркентском уезде ушло из сельских местностей столько же хозяйств, сколько и по области в целом (31,1 проц.), устанавливаем, что всего их было не 6144 (как подсчитал П. П. Румянцев), а 8917 хозяйств. Из них бежавших с мест водворения и перечисленных в другие места — 2773 и «отсутствующих» (т. е. бежавших, но еще не учтенных в других местах) — 1333 хозяйства, а всего 4106, что составляло 46,0 проц. уйгуров и дунган в Джаркентском уезде.

Принимая во внимание, что 92,1 проц. «отсутствующих» по данным П. Румянцева уже не пользовались землей, устанавливаем, что количество порвавших с сельским хозяйством уйгуров и дунган в Джаркентском уезде к 1910 г. достигло 44,8 проц. Вспомним, что по переписи 1897 г. мужского самодеятельного населения, не занимающегося сельским хозяйством, среди уйгуров было 30,7 проц. Процесс ухода уйгуров и дунган с земли продолжался.

Но если, следуя указанию В. И. Ленина, учесть связь этого бегства с разорением мелких производителей, тогда будет ясно, что данные П. Румянцева не отражают действительного положения в уйгурских и дунганских поселениях. Процент потерявших скот к 1910 г. должен быть определен из окончательно порвавших со своими деревнями, плюс «отсутствующие», плюс не имеющие скота, что составит 55, 1 проц. Только с этой поправкой данные П. Румянцева (правая сторона таблицы) становятся сравнимыми с нашими подсчетами за 1888 г. (левая сторона). За 22 года процент окончательно разорившегося уйгурско-дунганского крестьянства Джаркентского уезда поднялся с 34,2 до 55,1.

Сопоставляя социальные группы за 1888—1910 гг., мы обнаруживаем, что удельный вес бедноты поднялся в уйгурских и дунганских селениях с 45,3 проц. в 1888 г. до 61,8 проц. в 1910 г., а количество среднего крестьянства уменьшилось (соответственно 51,9 и 29,1), группа зажиточных увеличилась (с 2,4 проц. до 7,3), выросли и эксплуататорские группы — с 0,4 до 1,9 проц. Данные не позволяют выделить из числа бесскотных и малоскотных хозяйств торговцев и предпринимателей, но их количество было не столь велико, чтобы существенно изменить приведенное соотношение. Во всяком случае мы убеждаемся, что в изучаемый период совершался интенсивный процесс классового расслоения уйгурского и дунганского крестьянства, чрезвычайно быстро росла беднота, «вымывалось» среднее крестьянство. Росли количественно и крепли экономически группы зажиточных и эксплуататорских хозяйств.

Приведенные сведения по Джаркентскому уезду относятся почти целиком к уйгурам. В это число вошли только дунгане Джаркентской волости (в 1888 г. их было 340 семейств, в 1913 г. — 487) и жители селения Чарын (в 1888 г. — 47 семейств). Табл. 21 показывает, как протекало расслоение крестьян в дунганских селениях[76].

Не имея возможности сопоставить подсчеты по однородному признаку, мы условно разделили хозяйства на 4 группы: пролетаризированную часть и явных бедняков (I), среднее крестьянство (II), зажиточных (III) и богатых, явных эксплуататоров (IV). Группировка по размерам посевов при определении примерного количества учтенных у них лошадей приблизительно совпадает с группировкой по количеству лошадей в нашем подсчете. Далее нами, как и при анализе расслоения

[76] Выборки из наших подсчетов посемейных списков и из таблицы В. А. Васильева. Цит. работа, стр. 97—98.

Таблица 21

1884—1888 гг. Дунгане селений: Маринское, Каракуныз, Александровское, Чарин, Джаркент и Пишпек			1910—1911 гг. По данным В. А. Васильева (по всей области)		Наш пересчет данных В. Васильева с учетом бежавших	
Группы	Группы хозяйств по кол-ву лошадей	% хоз-в	группы хоз-в по количеству посева	% хоз-в	% хозяйств	
I	Не имели скота и лошадей, но имели другой скот	45,9	Бежавшие из селений	Не учтено	30,3	62,4
			Не имеющие посева и имеющие посев до 3 десятин	46,0	32,1	
	Имели:					
II	1—2 лошади	47,4	Имеющие посев от 3 до 5 десятин	12,7	8,9	
III	3—5	6,1	Имеющие посев от 5 до 10 десятин	19,6	13,6	
IV	6 и более лошадей	0,6	Имеющие посев от 10 и более десятин	21,7	15,1	
	Итого	100,0		100,0	100,0	

уйгуров Джаркентского уезда, сделан пересчет данных В. Васильева с учетом бегства дунганского крестьянства из селений. В результате, несмотря на некоторую неточность в сопоставимости групп, таблица дает возможность сделать следующие выводы:

Бегство дунган из сельских поселенией в города, казачьи станицы, русские поселки области было менее интенсивным, чем у уйгуров. По подсчету таких «переселенцев» оказалось 12,6 проц. «Отсутствующих» хозяйств, по данным В. Васильева, зарегистрировано 12,2 проц. Число отчисленных в Китай, как и в предыдущем случае, принимаем за 5,5 проц., уход за пределы области, как не поддающийся учету, игнорируем. Получаем, что с конца 80-х годов до 1910—1911 гг. порвали со своим крестьянским хозяйством 30,3 проц. дунган. Пересчитав соответственно проценты, установленные В. Васильевым, получаем, что удельный вес бедноты за 22—25 лет поднялся с 45,9 до 62,4 проц., количество середняков сократилось с 47,7 до 8,9 проц., а число зажиточных поднялось с 6,3 до 13,6 проц. Эксплуататорская же группа увеличилась с 0,6 до 15 проц.

В дунганских поселениях разорение крестьянства происходило еще более интенсивно, чем в уйгурских. Если в 1910 г. в Джаркентском уезде удельный вес среднего крестьянства составлял 29,1 проц., то у дунган, живших по преимуществу в Северной Киргизии, к 1910—1911 гг. середняков было только 8, 9 проц. Если же вспомнить, что дунгане и в эти годы культивировали такие трудоемкие культуры, как рис и опийный мак, то картина классового расслоения будет еще более рельефной, ибо в условиях интенсивного сельского хозяйства «...группировка сельских хозяйств по земле *преуменьшает* процесс вытеснения мелкого производства крупным»[77].

Для более ясного понимания влияния переселения на процесс расслоения уйгурского и дунганского крестьянства выделим из приведенных выше данных одну (населенную уйгурами) Кетменскую волость Джаркентского уезда, которая территориально вошла в состав России (табл. 22).

[77] В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 86.

Таблица 22

Группы	1888 г. Подсчет посемейных списков			1910 г. Обследование П. П. Румянцева		
	Группы хоз-в по кол-ву лошадей	Число хоз-в		Группы хоз-в по кол-ву рабочего скота	Число хозяйств	
		всего	% к итогу		всего	% к итогу
I				„Отсутствующие"	69	5,5
II	Не имели скота	64	10,0	Не имеющие скота	136	10,5
III	Не имели лошадей	30	4,7	Не имеющие рабочего скота	136	10,9
	Имели:			Имеющие:		
IV	1 лошадь	296	46,3	1 гол. раб. скота	392	31,3
V	2 „	204	31,9	2 „ „	298	23,8
VI	3—5 „	44	6,9	3—5 „ „	186	14,9
VII	6 и более	1	0,2	6—10 „ „	30	2,7
				более 10 „	5	
	Итого	639	100,0		1252	100,0

Мы видим, что у уйгуров Кетменской волости расслоение происходило менее интенсивно, чем у уйгуров других волостей и у дунган. И здесь мы наблюдаем рост бедноты, уменьшение удельного веса среднего крестьянства, рост и усиление зажиточной и богатой эксплуататорской группы. Но здесь сравнительно низок процент ухода крестьян со своих наделов (5,5 проц. «отсутствующих» против 21,7 проц. в Джаркентском уезде), малочисленнее здесь и бедняцкая группа (27,2 проц. против 44,6). Нет возможности определить, сколько бедняков окончательно бежало из волости. Но если допустить, по аналогии с приведенным выше подсчетом в масштабе области, что окончательно порвавших с деревней в 2,1 раза больше, чем «отсутствующих», тогда их будет около 11 проц., и удельный вес бедноты возрастет, таким образом, до 37 проц. По Джаркентскому уезду эта цифра достигала 61,8 проц. Это значит, что в Кетменской волости, где крестьяне не оторвались от своих насиженных мест, их обнищание не достигло таких размеров, какие оно приняло у переселившихся крестьян. Напрашивается вывод, что переселение дало могучий толчок развитию капитализма в сельском хозяйстве Семиречья. Однако такой вывод будет поспешным.

Говоря об обезземеливании русского крестьянства в результате реформы 1861 г., В. И. Ленин указывал: «В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим... Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высокоразвитому товарному производству) на *крепостническую почву*. В действительности, обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли»[78].

[78] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 86.

Так стоял вопрос в России. Такие выводы делал В. И. Ленин, подвергая конкретно-историческому анализу аграрные отношения в Центральной России, на Украине, в Белоруссии. Только конкретно-исторический анализ отношений эксплуатации, складывавшихся в уйгурских и дунганских селениях, может показать, в какой степени проанализированный процесс дифференциации был источником для дальнейшего усиления всяческой кабалы, феодализма, крепостничества, в какой степени он порождал капитализм.

Прежде всего посмотрим, можно ли утверждать, что в Семиречье того времени существовало высокоразвитое товарное производство.

Авторы «Ревизий» графа Палена подсчитали товарооборот торговых предприятий Туркестанского края, подлежавших податному обложению. Оказалось, что на душу населения он составил: в 1907 г. в Ферганской области — 28,46 руб., в Сыр-Дарьинской — 28,0 руб., а в Семиреченской — только 16,98 руб.[79] По торговому обороту Семиреченская область занимала последнее место в Туркестане, стоявшем в свою очередь на последнем месте в торговых оборотах России[80].

В том же источнике учтены и все промышленные предприятия «за исключением самых мелких, не облагаемых промышленным налогом и со включением рыбного, горного и извозного промысла». Из этого подсчета видно, что средний оборот учтенных предприятий на одного жителя составлял: в Ферганской области — 15,45 руб., в Сыр-Дарьинской — 1,26 руб., а в Семиреченской — 2,50 руб.[81], то есть в 6 раз меньше, чем в Ферганской области.

Степень пролетаризации разорившихся крестьян, превращения их в рабочих на промышленных предприятиях можно видеть из данных В. В. Заозерской и К. А. Александер. В 1913 г. они подвергли обследованию промышленность трех уездов Семиреченской области: Верненского, Пишпекского и Пржевальского. При этом они учитывали предприятия с «наличностью механического двигателя» и «числом рабочих — не менее 10 человек» и, независимо от размера, так называемые «краевые производства», т. е. такие предприятия, как кожевенные заводы и заводы искусственных минеральных вод (стр. 8). По их подсчету оказалось: в обследованной ими части Семиреченской области в промышленности было занято только 0,25 проц. населения, или 1 человек на 400 жителей. Кашгарцев, дунган и уйгуров в районе обследования работало в качестве рабочих на учтенных предприятиях только 103 человека[82]. Допустим, что в остальных трех уездах рабочих было столько же. Но и в этом случае число промышленных рабочих из дунган и уйгуров составило бы только 0,21 проц. ко всему уйгурско-дунганскому населению.

Совершенно ясно, что степень развития товарного производства в области, ввиду ее колониального состояния, было крайне низка. Если в отношении России В. И. Ленин ставил вопрос о недостаточности развития товарного производства в сельском хозяйстве для того, чтобы всякое обезземеливание крестьянства вело к развитию капитализма, то тем более законна такая постановка вопроса в отношении Семиречья. Забегая вперед, отметим, что именно Кетменская волость, в которой

---

[79] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. I, отд. II, стр. 299.

[80] Розничный оборот в России в 1907 г. составлял на душу населения 33,44 руб. (см.: Г. А. Дихтяр. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, стр. 79).

[81] Цитир. «Материалы», стр. 339—400.

[82] В. В. Заозерская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, стр., 27, 38.

Таблица 23

Группы	Группы хозяйств	Количество хозяйств		В пользовании надельной и арендованной земли, *дес.*		Посеяно, *дес.*		Площадь посева в % ко всей площади	Количество хозяйств, не пользующихся землей	
		всего	% к итогу	всего	на хоз-во	всего	на хоз-во		всего	% к общему количеству хоз-в
I	Без посева	2436	23,5	8907,08	3,66	—	—	—	2436	100
II	С посевом до 0,5 *дес.*	346	3,3	1914,35	3,53	146,83	0,42	7,67		
III	„ 1,0 „	750	7,2	5036,22	6,71	681,56	0,91	13,53		
IV	„ 2,0 „	1833	17,8	15120,10	8,25	2993,81	1,63	19,80		
V	„ 3,0 „	1535	14,8	13831,80	9,01	4001,34	2,61	34,57		
VI	„ 5,0 „	1746	16,9	16456,93	9,43	7076,30	4,05	43,00		
VII	„ 7,0 „	708	6,8	8495,65	12,00	4319,20	6,10	50,84		
VIII	„ 10,0 „	592	5,8	7837,34	13,24	5076,19	8,57	64,77		
IX	„ свыше 10,0 „	407	3,9	8672,52	21,31	6394,38	15,71	73,73		
	Итого наличные	10353	100,0	86385,32	8,34	30689,61	2,96	35,53		
	„ отсутствующие	3450	25,0	15121,44	4,39	885,81	0,26	5,86	3178	92,1
	Всего	13803	100,0	101506,76	7,35	31575,42		31,11	5614	40,7
	% землепользования и посевов „отсутствующих“ к общему количеству хоз-в			14,9		2,8				

удельный вес бедноты был меньше, чем по Джаркентскому уезду в целом, в смысле развития капитализма шла впереди других волостей.

Проанализируем теперь расслоение уйгурского и дунганского крестьянства по Верненскому и Джаркентскому уездам в 1910—1911 гг.[83] (табл. 23).

В таблице отдельной строкой показаны «отсутствующие», составлявшие 25 проц. от общего количества хозяйств. 92,1 проц. из них уже не пользовались землей, т. е. экономически порвали с деревней, хотя крепостническая община все еще требовала от них уплаты податей за «наделы». Только 7,9 проц. «отсутствующих» имели небольшие запашки. Среди еще остающихся в поселениях насчитывалось 23,5 проц. не имеющих посевов и 43,1 проц. сеяло не более 3-х десятин, то есть не могло обеспечить семью пропитанием без посторонних заработков. Из них только 5,5 проц. хозяйств нельзя считать бедняцкими, так как они имели мельницы и другие промышленные заведения. Остальные 60 проц. хозяйств влачили самое жалкое существование. Крестьяне вынуждены были для сохранения своей жизни или идти в батраки или искать заработка на мелких промышленных предприятиях, либо залезать в безысходную кабалу. Только VI и VII группы (23,7 проц.) с посевами от 3 до 7 десятин можно причислить к более или менее самостоятельным середнякам.

Таким образом, среди оседлых крестьян области (к ним еще относились русские крестьяне-переселенцы и казачество) дунгане и уйгуры составляли самую обездоленную группу крестьянства в Семиречье.

Обращаем внимание на то, что чем беднее было хозяйство, тем меньший процент своего «надела» оно засевало. Если зажиточные группы не только засевали свою надельную землю, но и расширяли запашки за счет аренды, имея под посевом 64,8 проц. (VIII) и 73,7 проц. (IX) всей земли, то во всех остальных группах процент пашни в общем объеме землепользования последовательно снижается. В самой низшей (II) посевной группе под пашней было занято только 7,67 проц. всей площади.

В 1891 г. кончился льготный десятилетний срок по взысканию поземельных податей с уйгуров и дунган. В связи с этим было произведено их землеустройство и обложение оброчными поземельными податями. Размеры податей, по данным П. Румянцева, выглядят следующим образом[84] (табл. 24).

Таблица 24

Уезды и волости	Количество приписных хозяйств	Количество наделов (по нарезке 1891 г.)	Платежи (руб.)				
			оброчная поземельная подать	прочие платежи	всего	на надел	на хоз-во
Волости Джаркентского уезда: Аккентская, Джаркентско-Таранчинская, сел. Чарын Аксучарынской волости	4670	5174	8140	13079	21219	4,1	4,5
Малыбаевская и Корамская волости Верненского уезда		3283	8875	11082	19957	—	5,8

[83] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию... т. V, ч. II; таблицы, стр. 948, 968, 973.

[84] Там же, стр. 15—16, 97—98, 156, 204, 260. Подсчет наш.

Характерно, что в тех случаях, когда за не розыском разбежавшихся «податных единиц» наделов в селении оказывалось больше, чем хозяйств, на наличные хозяйства падало дополнительное обложение в порядке круговой поруки.

Сопоставляя эти данные с предыдущей таблицей, мы видим, что бедняк, использовавший под пашню только 7,67 проц. своего надела, и богач, бравший дополнительно землю в аренду, платили те же 4—6 руб. за надел. Если на хозяйство богача Верненского уезда приходилась подать в размере 80 коп. с запаханной десятины, то бедняк из II посевной группы платил 7 руб. 56 коп., а крестьянин из IV—VI посевных групп — от 1 руб. 59 коп. до 3 руб. При стоимости хлеба 30—50 коп. за пуд это означало, что бедняк отдавал до 15—25 пудов хлеба с десятины, то есть около половины урожая. В Джаркентском уезде, где надел определялся в 5 десятин на мужскую душу, ставки налога на запаханную десятину были еще выше.

Пожалуй, единственным исключением в этом отношении являлась Кетменская волость Джаркентского уезда. Так, по свидетельству экспедиции П. Румянцева, «все мирские сборы и подати раскладываются на души, фактически владеющие надельной землей, но не по количеству надела, а по зажиточности хозяйства в каждом обществе отдельно...». «...Подати и мирские сборы в среднем дают 2 руб. 71 коп. с небольшим на надельную единицу в 5 десятин»[85]. Объясняется это тем, что в Кетменской волости было сравнительно немного «отсутствующих», бежавших от своих наделов, зато и крепостническая кабала здесь была выражена слабее, капиталистические отношения развивались интенсивнее.

Возвращаясь к данным разбираемой таблицы, отметим, что стоимость аренды земли в названных районах была в несколько раз ниже, чем размеры государственных налогов. В условиях, когда в области еще только складывалась индивидуальная земельная собственность, рента была крайне низкой, особенно в скотоводческом хозяйстве. С развитием земледелия рента возрастала, но ее не хватало для уплаты налогов.

Уйгуры Аксуйской волости Джаркентского уезда арендовали у казахов на 1 год под пашню 685 десятин земли за 117 руб. (хлебом — 420 пудов), это составило 17 коп. за десятину. В Малыбаевской волости Верненского уезда аренда земли у казахов на 10—15 лет обходилась уйгурам по 3 руб. 50 коп. за десятину — 20—35 коп. за десятину в год. Максимальные арендные ставки за десятину зафиксированы экспедицией П. Румянцева в Кетменской волости. Там селение Кульджат арендовало у казахов 447 десятин по 47 коп., селение Тегермен — 264 десятины за хлеб и деньги в приблизительной оценке 1 руб. 30 коп. за десятину, причем цена хлеба экспедицией принята 70 коп. за пуд[86]. Расчет явно преувеличен.

Таким образом, государственный налог на уйгурские и дунганские земли даже для зажиточных превышал арендные ставки в 2—3 раза, для середняков — в 5—10 раз, а для бедняков в 20—30 раз и более. Понятно поэтому, почему беднейшая часть уйгурского и дунганского крестьянства бежала с «мест водворения», скрываясь от уплаты ссуды и налогов.

Характеристику эксплуататорской верхушки уйгурского и дунганского населения удобнее всего начать с рассказа о колоритной фигуре купца-феодала, уйгура по национальности, Вали-Ахуна Юлдашева, которого называли «хозяином» Джаркентского уезда.

---

[85] Там же, стр. 125.
[86] Там же, стр. 78—164 и 131.

Юлдашев нажился во время переселения. Он начал с военных перевозок: «Когда вывозились из Кульджи русские войска, подряд на перевозку их взял [купец] Джалилов... У Джалилова служил тогда ловкий красивый и энергичный юноша Вали-Ахун». Это и был будущий купец Вали-Ахун Юлдашев. «Так как Джалилов не мог выдержать подряда, то Вали-Ахун вошел в переговоры с интендантами и перевел подряд на себя. В Семиречье и Туркестане очень популярен рассказ, как двадцать подвод превращались в несколько сотен, когда интенданты, сидя на крыльце, считали проезжавшие мимо телеги, а те, обогнув квартал, снова и снова проезжали мимо контролировавших чинов. Вали-Ахун сообразил, что пока будет известен день выезда войск, можно будет получать по нескольку рублей за сотни несуществующих подвод и делиться с интендантами». В результате этой операции «у Вали-Ахуна оказалось достаточное количество денег не только для того, чтобы выполнить подряд, но и для того, чтобы сразу же начать крупные дела в Джаркенте»[87]... и не только в Джаркенте — добавим от себя.

Таким образом, первые «накопления» Юлдашев получил за счет русской казны, воспользовавшись продажностью русских чиновников. Эти накопления дали ему возможность широко развернуть спекуляции в связи с переселением.

Пользуясь тяжелым положением переселенцев, он покупал у них на правом берегу Или хлеб за бесценок и продавал его на левом и в Семиречье по взвинченным ценам. 20 марта 1882 г. Фридэ писал: «Юлдашев заявил мне желание купить до 500000 пудов хлеба с уплатой по 40 коп. с пуда, если сами таранчи перевезут хлеб в Кульджу на склад Вали-Ахуна и по 25 коп., если хлеб будет сдаваться в кентах на местах»[88]. Это желание Юлдашева свершилось. Уйгуры Кашской волости «везли ему, Вали-Ахуну, хлеб в г. Кульджу», а сами, переправившись через Или, «из складов Вали-Ахуна Юлдашева взяли до 10 тысяч пудов». Такую же операцию он проделал с уйгурами Нилкинской волости на 4 тыс. пудов хлеба. Скупленный хлеб Юлдашев поставлял потом в Китай. При этом «цены на все поднялись страшно. Так сотня (снопов) клевера стоит 12 руб., пуд ячменя — 60 коп., мука — 80 коп. за пуд». Наряду с Юлдашевым успешно спекулировал хлебом купец Чанышев. «Выходцы из Кашской волости приобрели в южном участке покупкою из складов купца Чанышева пшеницы 200 пуд. и из Бартуханской волости 2100 пудов»[89].

Юлдашев совершал и другие сделки: «Дзин решительно намерен остановиться в Суйдуне, ибо китайцы через посредство Вали-Ахуна скупали в казну почти все дома уходящих дунган... посредство Вали-Ахуна в скупке домов им обошлось в 200 тыс. металлических рублей»[90], —сообщал Фридэ в своем письме от 7 марта 1882 г.

В связи с переселением в 1882 г. был основан г. Джаркент. Юлдашев явился «активным строителем» этого города. «Он построил несколько десятков домов для правительственных учреждений и квартир чиновников, открыл колониальный магазин, роздал лишенным всяких средств таранчам и дунганам деньги для обзаведения хозяйством и стал быстро увеличивать свои капиталы... Постепенно вся экономическая жизнь северной части уезда сосредоточилась в его руках. Таранчи обучились, многие из них разбогатели, но Юлдашев оставался главенствовать над

---

[87] Г. К. Гинс. Таранчи и Дунгане. Очерки из поездки по Семиречью. «Исторический вестник», 1911, август, том CXXV, стр. 706.

[88] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 239—400.

[89] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 129—132, 151.

[90] Там же, л. 149—151.

ними. Они все — его должники, редко кто из них сознает, что земля принадлежит не Юлдашеву, а им. Повсюду построены магазины-амбары, куда каждый таранчинец должен свезти половину урожая. В разных местах крутятся мельницы-жирмены (водяные мельницы) перемалывая для Юлдашева доставленное ему зерно, и затем мука идет на поставку джаркентскому гарнизону и в Китай. Благодаря монополии Юлдашев повышает цены на 20—25 проц. и полученные доходы сейчас же пускает в оборот... Он многим помогает, организует крупные хозяйства, проводит оросительные каналы. Он построил мечеть, которая вместе с его дворцом в 40 комнат составляет действительно достопримечательность Джаркента. Правда, злые языки говорят, что, построив мечеть, он собрал с таранчей около 10000 руб. и покрыл свои расходы»[91]. В 1896 г. возникло дело о крупных подлогах, совершенных в интересах Юлдашева одним из его служащих, в денежных расчетах Юлдашева с «Джаркентской конторой российского общества транспортировки кладей» (членом которого состоял Юлдашев). В связи с этим военный губернатор Семиреченской области в 1896 г. дал следующую оценку состояния Юлдашева: «Имущественное положение Юлдашева выражается в следующем виде: он имеет до 50 домов, находящихся в городе Джаркенте и занятых частными квартирами и войсками, имеет несколько мельниц и кожевенных и кирпичных заводов; в течение 30 лет занимался торговлею, подрядами и хлебопашеством, и годовой оборот по этим и другим операциям простирается за последнее время около одного миллиона рублей»[92]. Таков был Вали-Ахун Юлдашев, «хозяин» северной части Джаркентского уезда.

Юлдашев пользовался огромным влиянием. В 1896 г. он был в Петербурге во время коронации Николая II и был принят во дворце. Вследствие этого «упрочилось положение Юлдашева как человека, близкого к администрации. У него стал бывать весь чиновний персонал Джаркента. ... Юлдашев стал пользоваться громадной популярностью не только в Семиречье, но и Кульдже»[93].

Спор Юлдашева с китайской администрацией по расчетам за поставки хлеба в 1892—1898 гг. превратился в крупнейший «пограничный конфликт», которым занимались не только военный губернатор Семиреченской области и степной генерал-губернатор, но и министерство иностранных дел, даже сам царь Николай II, на имя которого подавал прошение Юлдашев. При этом оказалось, что Юлдашев представил счет китайской администрации на 570000 ланей серебром (1 140 000 рублей) за поставку 601350 пуд. хлеба и другие «услуги». Значительное количество квитанций китайцы не признавали, заявляя, что они были выданы «вперед», а хлеб фактически не поступал. Видно, Юлдашев умело пользовался продажностью и китайских чиновников. Однако, даже за вычетом фиктивных квитанций, полученных с помощью взяток, Юлдашев получил около 400000 ланей (800000 руб.)[94]. На политике царизма, направленной на расстройство экономики Кульджинского района, прежде всего выиграл купец Юлдашев. На этом он «заработал» до полумиллиона рублей. Сама царская администрация всеми мерами поддерживала «деятельность» Юлдашева, хотя она ослабляла эффект от основной направленности внешней политики царизма в Кульдже, облегчала китайцам продовольственный вопрос.

---

[91] Г. К. Гинс, цит. раб., стр. 706—708.
[92] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 2042, л. 11.
[93] Г. К. Гинс, цит. работа, стр. 706.
[94] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4892, л. 281.

Из всего сказанного следует, что уйгурское крестьянство, оставив своих феодалов в Кульдже, нашло в Семиречье феодалов нового типа — феодалов-купцов. Юлдашев и вся его опора, состоявшая из разбогатевших и зависимых от него уйгуров представляли собой иной тип эксплуататоров. Это купцы-предприниматели, но в то же время они феодалы. Не промышленно-капиталистические отношения вытекали из их «деятельности», а ростовщическая и феодальная кабала для крестьянства.

«...Юлдашев, к которому обратились таранчи, не справившиеся с оброчной податью, принял на себя несение всех податей, лежавших на таранчах, и обязался держать в исправности все оросительные каналы на их землях. За это таранчи должны были отдавать Юлдашеву $^1/_2$ часть урожая, снятого с орошенной им земли»,— пишет П. Румянцев. «Всего, горожанам по разверстке досталось земли 734 надела. Из них сдано Юлдашеву 622, т. е. 80 проц. или четыре пятых всей земли» «...Самое крупное его предприятие — это работы по орошению земель... В его руках находятся почти все таранчинские наделы бассейна рек Тышкан и Чанчжин... За пользование арыками он берет от $^1/_3$ до $^1/_2$ сбора с орошенной им земли. В урожайные годы в его житницы стекается до 200000 пудов зернового хлеба»[95]. В руки Юлдашева в результате скупки земель попали вся Джаркентская, Аккентская и Аксу-Чарынская волости, населенные уйгурами и дунганами. Почти вся беднота этих волостей оказалась в полукрепостной зависимости от Юлдашева. Юлдашев был самый крупный, но не единственный купец-феодал Джаркентского уезда. Другим купцом из уйгуров был Мамет-Чокур. Крестьяне селений Мамаляр и Хоргос первые годы «весь надел сдавали в аренду богатому таранчинцу Мамет-Чокуру, на тех же условиях, на каких сдают теперь Юлдашеву»[96]. В Чарыне операции с землей, подобные юлдашевским, производил дунганин Хасанде, прозванный «Байсемиз» (толстый богач). «Сам он не сеет, а только разделывает землю под рис и сдает ее из доли (из $^1/_5$, а при его семенах — из $^1/_2$) чарынским дунганам и таранчам». Он брал в аренду за низкую плату землю как наделами, так и отдельными участками и, подготовив ее для посева риса, предлагал дунганам. Всего на указанных условиях им было «дунганам передано 152,41 десятины и из них большая часть (80,9) наделами (66 наделов). Они под рисом»[97].

Собственно, вся низовая агентура зависимых от Юлдашева богачей состояла из такого рода «байсемизов», закрепостивших уйгурское и дунганское крестьянство и состоявших в «вассальной» зависимости от «сюзерена» Юлдашева.

А «сюзерен» чувствовал себя в Джаркентском уезде настоящим царьком: «Вот он сидит в парчевой отороченной мехом шапке в орденах и звездах, а по обе стороны стоят его родичи и друзья... Вы видите типичного царька с психологией повелителя, спокойно принимающего визиты губернаторов, спокойно говорящего о том, что он уедет по делам ночью, так как иначе народ узнает и будет провожать. И действительно, встречают и провожают Юлдашева толпы народа, все таранчи и дунгане из окрестных сел и из города Джаркента»[98]. Конечно, эти торжественные встречи организовали агенты Юлдашева. Картина выразительная.

---

[95] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию... т. V, ч. I, стр. 23, 26, 34, 46.
[96] Там же, стр. 46.
[97] Там же, стр. 103.
[98] Г. К. Гинс. Цит. раб., стр. 706.

«Для того, чтобы держать в руках свое сложное хозяйство, Юлдашев имеет штат приближенных доверенных лиц, которых у него больше сотни, называются эти доверенные кок-башами. В каждом селении шныряют эти кок-баши, высматривая, кто и где нарушает интересы могущественного их хозяина. Когда собранный хлеб свеливается в кучу, кок-баш ударяет по куче особой деревянной доской с выпуклыми инициалами Юлдашева и кучу никто уже не может тронуть, так как иначе кок-баш, увидев стертую, вернее рассыпавшуюся, печать заберет зерно по усмотрению»[99].

Так феодальные отношения, царившие в Кульджинском районе, возродились в новом виде на территории Семиречья. Обнищание уйгуров и дунган совершалось не на капиталистической, а на феодальной основе. Феодалы старого, «кульджинского» типа, базировавшие свою эксплуатацию на государственной власти, землевладении и обладании основной массой скота, остались в Кульдже. В Семиречье к мелкому, в конец обессиленному парцеллярному крестьянскому хозяйству присосались феодалы нового типа. Это не только землевладельцы. Они также купцы и ростовщики. В большинстве случаев они брали крестьянские наделы в аренду. Но свои отношения с крестьянством они строили на феодальной, крепостнической основе.

Положение, подобное описанному, создавалось и в Верненском уезде.

Верненский уездный начальник в своем отчетном обзоре уезда за 1885 г. писал, что в станице Софийской казаки отдают землю «из половины, на что особенно идут таранчи, которые, не имея средств на аренду, берутся работать за $^1/_3$ до $^1/_2$ урожая». Для казаков эти условия, при дешевизне хлеба, были весьма выгодны[100]. Таким образом, уже с первых лет поселения в Верненском уезде уйгурская беднота превращалась не в вольнонаемных пролетариев, а в арендаторов земли на крепостнической основе.

В своем обследовании Малыбаевской волости Верненского уезда П. Румянцев писал: «Из доли сдано 257,8 десятин, всего из доли арендовано 280,7 десятин. Следовательно, этот вид сдачи-аренды является типичным для внутриобщественных земельных отношений.

Часто хозяин земли не имеет ни семян, ни инвентаря; он получает то и другое от богатых «арендаторов», а за землю и работу получает долю урожая. В других случаях богатый хозяин отдает свою землю в обработку арендатору, имеющему лишнюю против своей запашки рабочую (т. е. тягловую. — *П. Г.*) силу (лошадей), и получает за нее часть сбора»[101].

М. Сушанло сообщает многочисленные факты о феодальных отношениях в дунганских селениях. «Прежде всего большинство земли не принадлежало дунганам, а дунганские богачи арендовали ее у киргизских баев и манапов, а потом пересдавали по частям дунганским крестьянам». При этом земля сдавалась также из доли: «хозяину отходила половина или три четверти всего собранного крестьянами урожая»[102]. Иначе говоря, и здесь, в дунганских поселениях Северной Киргизии создавались те же отношения, что и в Джаркентском и Верненском уездах. Заарендованная дунганскими купцами-феодалами земля попадала в руки крестьянина-хлебопашца через издольную полукрепостническую аренду.

---

[99] Там же, стр. 707.
[100] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 25, л. 2.
[101] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. 1, стр. 162.
[102] М. Сушанло. Дунгане Семиречья, стр. 50.

Из всего сказанного следует, что то невиданное «обнищание уйгурско-дунганских переселенцев, какое мы выше показали на статистических данных, прежде всего порождало, говоря словами В. И. Ленина, «не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а кабального (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) арендатора...» Только в Семиречье, в отличие от России, уйгурскому и дунганскому крестьянству противостоял феодал из купцов, сам арендовавший землю или бравший ее в свои руки за налоги. Но, получив эту землю, он строил на ней не капиталистическое хозяйство, а феодальное, крепостническое, основанное на издольщине и других видах кабалы.

Не малую роль в развитии и консервации таких феодальных отношений играла насаждавшаяся царскими властями крепостническая община. Прикрепленный через общину к наделу, вконец разорившийся крестьянин не имел возможности ни обрабатывать землю своими силами, ни сооружать оросительные системы, ни платить «оброчную подать». За налоги он отдавал землю феодалу, и, когда не находил возможности бежать из селения, сам шел к нему в кабалу. Обрабатывая «свою» же землю, он отдавал в натуральном виде свой прибавочный труд купцу-феодалу.

5. Зарождение капиталистических отношений. Итоги развития уйгурско-дунганского земледелия и скотоводства

Преобладание феодально-крепостнических форм эксплуатации в уйгурских и дунганских поселениях вовсе не означает, что в них совершенно не развивались промышленно-капиталистические отношения. Они, хотя и медленно, но складывались на той основе, что зажиточная верхушка этих поселений, чем дальше — тем больше, сосредоточивала в своих руках не только землю, но и орудия ее обработки. Об этом красноречиво говорят данные табл. 25 об обеспеченности уйгурских и дунганских крестьян Джаркентского и Верненского уездов скотом и сельскохозяйственными орудиями в 1910—1911 гг.[103]

Из таблицы видно, как концентрируются скот и орудия обработки земли в хозяйствах зажиточных групп. Но процесс этот имеет свои особенности. Оказывается, что 5,2 проц, хозяйств имели промышленные заведения: мельницы, кузницы, маслобойки, кожевенно-дубильный завод; были у них лавки, харчевни, рисовые круподерки. Все заведения — мелкие, кустарного типа. Однако их наличие свидетельствует о зарождении капиталистических отношений. Важно отметить, что в группах I и II 5,3 проц. хозяйств имели промышленные заведения. В этих группах насчитывалось 157 промышленников — 29,3 проц. из общего количества. Эти предприятия обособлены от сельского хозяйства, их владельцы не имели запашек.

Однако к этим данным необходимо подходить критически. Если по этому показателю оценивать степень развития капитализма, тогда и феодал Юлдашев будет отнесен к крупным промышленникам, так как сам он запашек не имел. Между тем и Юлдашев, и вся зависевшая от него группа богатеев и купцов, как и эксплуататорская верхушка уйгуров и дунган Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов, были не только купцами, но и феодалами. В их руках находились промышленные и торговые предприятия капиталистического типа, но они в то же время эксплуатировали крестьянство описанными выше феодальными методами.

---

[103] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию... т. V, ч II, таблицы, стр. 953, 954.

Знакомясь далее с графами таблицы о бесскотных и безинвентарных хозяйствах, мы обнаруживаем, что рабочий скот и инвентарь имелся и в первых двух группах, которые совсем или почти не имели запашек. С другой стороны, и в многопосевных группах имеются отдельные хозяйства, не владевшие ни рабочим скотом, ни инвентарем. Этот факт очень важен для понимания отношений, сложившихся между беднотой и зажиточной верхушкой. Первые работали со своим скотом и инвентарем на чужих запашках на условиях издольщины, вторые обрабатывали свои обширные запашки силами бедноты, нанимавшейся на работу со своим скотом и инвентарем. Этому способствовало также и то, что для ведения самостоятельного хозяйства нужно было владеть не только землей, но и водой. Феодал, обладатель воды (например Юлдашев), делался хозяином земли, хотя юридически она была «наделом» крестьянина. Конечно, таблица не дает точного представления о степени распространенности отношений эксплуатации феодального типа, ибо издольной арендой могли пользоваться и совершенно отделенные от орудий производства крестьяне, получая от феодала не только землю, но и скот с инвентарем в виде ростовщической ссуды. Таблица обнаруживает только общий фон, ту основу, на базе которой вырастали самые разнообразные формы феодальной кабалы.

Проследим теперь степень распространенности вольного найма. Вот данные П. Румянцева по тем же двум уездам (табл. 26) — Верненскому и Джаркентскому[104].

Таблица 26

Группы	Хозяйства, пользующиеся наемным трудом		Число наемных работников					
			годовых и срочных, чел.		поденных рабочих дней		сдельный наем, *дес.*	
	всего	% к общему кол-ву хоз-в	всего	на 1 нанимающее хоз-во	всего	на 1 нанимающее хоз-во	всего	на 1 нан. хоз-во
I	128	5,3	157	1,23	1514	11,8	39,59	0,3
II	37	10,7	9	0,24	120	3,2	13,55	0,4
III	83	11,1	23	0,28	218	2,6	41,73	0,5
IV	261	14,2	121	0,46	1857	7,1	213,38	0,8
V	301	19,6	185	0,61	1568	5,2	254,06	0,8
VI	420	24,1	334	0,80	3110	7,4	525,20	1,3
VII	255	36,0	222	0,87	4388	17,2	319,98	1,3
VIII	265	44,8	283	1,07	2524	9,5	550,50	2,1
IX	283	69,5	502	1,78	6358	22,5	1273,77	4,5
	2033	19,6	1836	0,90	21657	10,7	3231,26	1,6

* Группы хозяйств см. в табл. 22.

Как и следовало ожидать, наемным трудом пользовались наиболее зажиточные хозяйства. Но подлинных капиталистов-кулаков мы находим только в двух высших группах (VIII и IX), имевших 1—2 батраков на хозяйство и, кроме того, сравнительно широко пользовавшихся поденным и сдельным наймом. В остальных группах наемной рабочей силой пользовались преимущественно те хозяйства, которые имели «промышленные заведения».

Из таблицы также видно, что, кроме вольного найма, имелись феодальные методы эксплуатации. 55 проц. хозяйств VIII группы и 30 проц. IX к вольному найму не прибегали, так как применяли крепостнический труд зависимых от них крестьян.

[104] Там же, стр. 951, 952.

Таблица 25

Группы	Группы хозяйств	Количество хоз-в в % к итогу	Единиц скота (в переводе на взрослую лошадь)		Число сельхозорудий		Количество хозяйств									
							без скота		без рабочего скота		без инвентаря		без сельхозорудий		имеющих пром. завед.	
			всего	на хоз-во	всего	на хоз-во	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву
I	Без посевов	23,5	3265,18	1,34	447	0,2	1090	44,7	207	8,5	1839	75,4	397	16,3	128	5,3
II	С посевом:															
	до 0,5 *дес.*	3,3	566,90	1,64	105	0,3	94	27,2	18	5,2	197	56,9	60	17,3	19	5,5
III	1,0 „	7,2	1577,36	2,01	226	0,3	150	20,0	19	2,5	330	44,0	91	12,1	27	3,6
IV	2,0 „	17,8	5914,52	3,23	1016	0,6	198	10,8	69	3,8	433	23,6	129	7,0	51	2,8
V	3,0 „	14,8	7812,59	5,09	1756	1,1	92	6,0	44	2,9	192	12,5	79	5,1	78	5,1
VI	5,0 „	16,9	10757,19	6,15	3162	1,8	67	3,8	49	2,8	139	8,0	69	4,0	92	5,3
VII	7,0 „	6,8	6071,75	8,58	1773	2,5	10	1,4	6	0,8	17	2,4	20	2,8	52	7,3
VIII	10,0 „	5,8	6258,80	10,57	1762	3,0	3	0,5	5	0,9	12	2,1	4	0,7	52	8,8
IX	свыше 10,0 *дес.*	3,9	8604,09	21,14	1511	5,7	2	0,5	—	—	1	0,3	—	—	37	9,1
	Итого	100,0	50739,62	4,90	11758	1,1	1706	16,5	417	4,0	3160	30,5	849	8,2	536	5,2

В этой связи показательно, что в Кетменской волости (о которой мы уже знаем, что она не пережила ломки своего хозяйства в процессе перехода в подданство России) использование наемного труда имело более широкое распространение, чем в остальных волостях. Соответствующие данные по Кетменской волости[105] приводятся в таблице 27.

Таблица 27

Группы*	Число хоз-в, использовавших наемный труд		Число наемных работников					
			годовых и срочных, чел.		поденных рабочих, дней		сдельный наем, *дес.*	
	всего	% к общ. кол-ву хоз-в	всего	на хоз-во	всего	на хоз-во	всего	на хоз-во
I	10	10,1	14	1,40	—	—	—	—
II	6	16,5	3	0,50	10	1,67	0,25	0,04
III	6	5,2	4	0,67	16	2,67	1,00	0,17
IV	54	11,8	49	0,91	12	0,22	7,75	0,14
V	95	30,2	85	0,89	250	2,63	4,18	0,04
VI	64	47,7	78	1,22	278	4,34	4,75	0,07
VII	11	57,8	22	2,00	176	16,00	—	—
VIII	2	100,0	33	16,50	360	180,00	—	—
IX	3	100,0	9	3,00	10	3,3	13,0	4,33
	251	21,5	297	1,18	1112	4,43	30,93	0,12

* Группы хоз-в см. в табл. 22.

В этой волости все хозяйства групп VIII и IX пользовались наемным трудом, причем в VIII группе на хозяйство приходится 16,5 человек годовых и сроковых рабочих. Это были подлинные капиталисты-предприниматели. IX группа, отмеченная нами выше, как группа феодального типа, и здесь применяла вольнонаемный труд значительно меньше, чем VIII, однако среднее количество нанятых рабочих выше, чем в соответствующей группе по двум уездам.

Отсюда следует, что обнищание уйгурских и дунганских крестьян, усиленное переселением, на царившей в то время в области феодальной основе не столько ускоряло развитие капитализма в сельском хозяйстве, сколько содействовало распространению феодальных методов эксплуатации, закреплению и развитию докапиталистической зависимости обездоленного крестьянства от купцов-крепостников. Русское крепостническое государство сыграло здесь исключительно реакционную роль. Прикрепление крестьянства к «наделам», административные меры против бегства разорившихся крестьян из своих волостей, которые предпринимались государством, способствовали этому процессу.

В приблизительных показателях степень распространенности феодальной кабалы наряду с зарождением капиталистического вольного найма можно выразить через данные[106] табл. 28.

Используя эти данные, произведем следующий подсчет.

В селениях Джаркентского и Верненского уездов в социальных группах без посева и с посевом до 3-х десятин (I—V), т. е. в хозяйствах, не имевших возможности жить без посторонних заработков, насчитывалось душ обоего пола 30160, из них предпринимателей и торговцев —

[105] Там же, стр. 577, 578.
[106] Там же, стр. 949, 950.

Таблица 28

Группы*	Душ обоего пола	Сельскохозяйственных рабочих	Промышленных рабочих	Кустарей и ремесленников	Служащих и людей свободных профессий	Предпринимателей и торговцев
I	9263	1380	60	692	137	585
II	1331	170	4	66	13	57
III	3096	297	7	129	16	69
IV	8473	421	7	261	53	174
V	7997	218	11	239	36	164
VI	9388	205	9	322	44	169
VII	4286	50	6	162	29	86
VIII	3691	20	2	110	37	60
IA	3212	8	1	86	36	79
	50937	2769	107	2067	401	1443

* Группы хоз-в см. в табл. 22.

1049, служащих и людей свободных профессий — 255, кустарей и ремесленников — 1387, сельскохозяйственных и промышленных рабочих — 2575. По нашему подсчету в каждой семье на одного работника, занятого «промыслом», приходилось два не работающих, или занятых только сельскохозяйственными работами[107]. Используя этот коэффициент, получаем, что из 30160 человек I—IV групп 10,4 проц. жили за счет нетрудовых доходов (предприниматели, торговцы); подсобные доходы или все средства существования от службы и свободных профессий получали 2,5 проц., от занятия ремеслом — 13,8 проц. и от заработков по найму в сельском хозяйстве и промышленности —25,5 проц. Оставшиеся 47,7 проц. работников не находили применения своему труду в «капиталистическом секторе» производства. Ясно, что их уделом являлся кабальный полуфеодальный и феодальный труд, поскольку собственное сельское хозяйство не обеспечивало их существования. По отношению ко всему наличному населению эта категория составляла 28,3 проц.

Продолжая наши расчеты, определяем, что в VI и VII группах с посевом от 3 до 7 десятин на хозяйство, насчитывавших 13674 человека, жили нетрудовыми доходами от промышленных и торговых предприятий 4,8 проц., от службы и свободных профессий — 1,6 проц., от занятий ремеслом — 10,6 проц., от заработков по вольному найму в сельском хозяйстве и промышленности — 6,04 проц. Всего 23 проц. Остальные 77 проц. (20,5 проц. всего населения) жили только доходами от своего мелкого сельскохозяйственного производства. Это группа относительно независимых крестьян. Она по своему удельному весу даже меньше, чем

[107] Подсчет следующий: промыслами среди уйгуров и дунган занимались, кроме взрослых мужчин, также взрослые женщины, старики и подростки — около 12 проц. по отношению к «промышленникам» мужчинам. Умножив все количество взрослых мужчин (14593) на 1,12, получаем общее количество «самодеятельного» населения обследованных волостей, могущего в данных условиях заниматься промыслами. Это дало цифру 16344. Разделив общее количество обследованного населения (50739) на названное число самодеятельного, занятого (или могущего заняться) промыслом, получаем 3,1. Это означает, что на каждого человека занятого (или могущего заняться) промыслом в семье приходилось 2,1 чел., или округленно —2 чел., не работающих или занятых только сельскохозяйственными работами. Чтобы получить в данной группе количество душ, пользующихся доходами от промыслов, нужно количество «промышленников» помножить на 3.

группа первая — полностью закабаленной бедноты. Однако никто не может утверждать, что и ее не коснулась феодальная кабала. В Джаркентском уезде и эта группа отдавала свои наделы Юлдашеву за подати и арендовала их потом у него же издольно.

Последние две группы (VIII и IX), как уже известно из сказанного выше, довольно широко применяли вольнонаемный труд. Подсчет по тому же методу дает 3,1 проц. населения, получающих доходы от промышленных и торговых предприятий, 1,6 проц. — от службы и вольных профессий и 5 проц. — от ремесленного производства.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют нам выразить размеры дохода от разных источников в рублях. Тем не менее рельефно обнаруживается та база, на которой вырастала крепостническая кабала — это по крайней мере 28 проц. населения уйгурских и дунганских поселений, которые, не имея возможности ни уйти со своих наделов, ни жить за счет собственного сельского хозяйства, целиком становились объектом феодальной эксплуатации и ростовщической кабалы.

Возможно, наши расчеты недостаточно точны. Пусть при более точных расчетах наши итоговые показатели несколько изменятся в ту или другую сторону, существо вопроса останется — обнищание крестьянства при общей недоразвитости товарного капиталистического производства — такова была питательная среда для феодальных отношений в уйгурской и дунганской деревне.

Но эксплуататорская верхушка уже стала на путь капиталистической перестройки своего хозяйства. Это означало, что при сохранении сложившихся порядков, капитализм в сельском хозяйстве здесь мог развиваться по мучительному для крестьянства прусскому пути, предполагающему медленную перестройку феодальных отношений на отношения капиталистические.

Борьба крестьянства против феодальной эксплуатации была направлена и против феодалов, и против русского военно-феодального империализма. Антифеодальная борьба уйгурского и дунганского крестьянства была борьбой национально-освободительной. Объективно по своей экономической значимости это была борьба за революционное разрешение аграрного вопроса, за демократический (американский) путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Так было в России, так в своей основе это совершалось и в Семиречье. При всем своеобразии своей истории уйгурское и дунганское крестьянство в демократической национально-освободительной, а позже и в социалистической революции играло ту же роль, что и казахское, киргизское, русское крестьянство.

* * *

В условиях, сложившихся в уйгурских и дунганских поселениях сельское хозяйство не могло процветать. Покажем его развитие на следующей выборке официальных сведений из «Обзоров Семиреченской области». До 1900 г. посевы учитывались в четвертях, с 1901 г. — в десятинах; в соответствии с этим разбиваем данные на две группы[108]. (табл. 29 и 30).

Вот данные на 1884—1900 гг.

Обе таблицы свидетельствуют о глубоком кризисе земледельческого хозяйства уйгуров и дунган. В данных обнаруживается только два небольших периода, когда обозначился некоторый подъем земледелия — в конце XIX в. и в 1910—1913 гг. Эти подъемы имеют свое объяснение.

[108] Данные «Обзоров Семиреченской области» за соответствующие годы.

Вот данные за 1884—1900 гг.

Таблица 29

Годы	Посеяно четвертей		Количество уйгуров и дунган	Посев на душу
	всего	% к 1884 г.		
1884	23183	100,0	54509	0,43
1894	23097	99,6	63730	0,35
1900	33952	142,1	74920	0,45

Аналогичная картина обнаруживается и в XX веке.

Таблица 30

Годы	Посеяно десятин		Количество уйгуров и дунган	Посев на душу
	всего	% к 1901 г.		
1901	42230	100,0	78202	0,54
1904	35039	83,0	79196	0,44
1907	44165	104 5	95513	0,41
1910	37397	88,5	105085	0,36
1913	62738	148,5	106033	0,59

Размеры посевов у казахского и киргизского крестьянства области, начиная с 1893 г., сокращались (1899 г. — 59,7 проц. к 1893 г.). То же повторяется и в 1910—14 гг., когда посевы у казахов и киргизов сократились на 16 проц. Подъем земледелия у уйгуров и дунган совпадает с упадком земледелия у казахов и киргизов, вызванным изъятием земель для русских крестьянских поселений. Количество поступавшего на рынки хлеба сокращалось, одновременно увеличивалось население области за счет прилива русских крестьян новоселов. В связи с этим поднимались цены на хлеб. Для многих уйгуров и дунган, не находивших работы за пределами своих поселений, стало выгоднее возвратиться на свои наделы, так как теперь цены на хлеб начали оправдывать подати. Запашки в уйгурских и дунганских поселениях расширялись. Но это не означало выхода из кризиса. Это нужно расценивать лишь как временное изменение конъюнктуры на общем фоне кризисного состояния сельского хозяйства Семиречья.

В соответствии с царившими в уйгурской и дунганской деревне феодальными формами эксплуатации, консервировалась отсталая переложная система земледелия. Воспользуемся подсчетом В. Васильева и П. Румянцева на 1910—1911 гг. В нем охвачены уйгурско-дунганские поселения Верненского и Джаркентского уездов, а также дунганские поселения Пишпекского и Пржевальского уездов[109] (табл. 31).

Таблица 31

Народности	Площадь посева		Площадь под перелогом		Площадь под залежью	
	в *дес.*	в %	в *дес.*	в %	в *дес.*	в %
Уйгуры	31576	32,6	21860	22,6	43249	44,8
Дунгане	15413	49,6	5054	16,3	10529	34,1

[109] В. А. Васильев. Цит. работа, стр. 109.

Из вовлеченных в севооборот земель дунгане засевают около половины, уйгуры — около одной трети. Иначе говоря, дунгане используют свои земли более интенсивно, чем уйгуры. В некоторых случаях дунгане применяли удобрение, многие сеяли высокопризводительные культуры — мак, рис. У них же шире распространялись огородные культуры. Это все соотвествовало и большему развитию капитализма в дунганских поселениях. Однако и у тех и у других применяется отсталая переложная система ведения хозяйства.

Отсталой была и техника обработки земли. Обследованием П. Румянцева по Джаркентскому и Верненскому уездам не зарегистрировано ни одной усовершенствованной сельскохозяйственной машины, Сох насчитывалось 485, плугов — 199, в 2,5 раза меньше; борон насчитывалось 487, из них железных 210 (43,1 проц.). На такой технической основе эксплуататорам было выгоднее использовать кабальный труд закрепощенного крестьянина, чем труд вольнонаемного батрака.

Несколько иначе обстояло дело с животноводством. Об этом говорят данные[110] табл. 32.

Таблица 32

Годы	Голов скота	% к 1895 г.	Население	Голов скота на душу насел.
1895	61190	100,0	71091	0,86
1900	96627	157,9	74920	1,29
1903	130420	213,2	79196	1,65
1906	176166	287,9	91581	1,92
1909	190405	311,1	105085	1,81
1912	236531	386,5	106033	2,23

Поголовье скота непрерывно росло как в абсолютных величинах, так и на душу населения. Все сказанное выше о ходе классового расслоения в уйгурских и дунганских поселениях убеждает, что этот подъем животноводства происходил за счет роста поголовья у зажиточной и эксплуататорской верхушки. При каких обстоятельствах это совершалось?

По свидетельству П. Румянцева, уйгуры и дунгане (разумеется, их зажиточная часть, имевшая много скота) отдавали свой скот на выпас за незначительную плату. В селении Малыбай (Верненский уезд) «лошади на летний период — «джайляу», — а иногда и на зимнее время отдаются на выпас киргизам (казахам. — *П. Г.*) за плату — 1 — 1,5 пуда пшеницы с головы за сезон. Овцы на руках у хозяина лишь в период стрижки, остальное время у киргизов, которые за это пользуются «джебагой» (грубой весенней шерстью), молоком и, кроме того, со стада 30 голов и выше получают еще 10 пудов пшеницы»[111]. В селении Карасу Карамской волости Верненского уезда «Богатые отдают скот на лето, а иногда и на круглый год на выпас киргизам. С головы крупного скота за 8 летних месяцев платят по 40 копеек, за 4 зимних месяца — 30 копеек. Овец и коз отдают за молоко и весеннюю шерсть»[112]. Так уйгурские и дунганские богачи развивали свое животноводство. Характерно, что и здесь, ввиду недоразвитости товарных отношений, практиковались расчеты натурой.

---

[110] Составлена по данным «Обзоров» области за соответствующие годы.
[111] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию... т. V, ч. I, стр. 176.
[112] Там же, стр. 308.

Подати брались за землю, а не за скот. Рента за пастбища, как показано выше, была крайне низка. В то же время рынок предъявлял более высокий спрос на продукты животноводства, чем на продукты земледелия. Это все и вызвало рост поголовья скота. Трудно судить, насколько хозяйство различных социальных групп уйгуров и дунган было втянуто в товарные отношения. Данные о развитии животноводства позволяют только косвенно заключить, что именно через сбыт скота прежде всего происходило втягивание в рыночные отношения. Выходя за рамки созданной царизмом крепостнической общины, зажиточная часть уйгурского и дунганского населения добивалась роста стада. Бедняцкая же часть не имела и этого выхода.

* * *

Мы проследили конкретно-исторические судьбы уйгурского и дунганского крестьянства в дореволюционном Семиречье. Это был период исключительно быстрого обнищания и классового расслоения кульджинских и кашгарских переселенцев. Большой толчок этому процессу дало само переселение, в ходе которого сельское хозяйство уйгуров и дунган претерпело большие потрясения. Скрытое перенаселение, к которому «принадлежит сельское население, теряющее свое хозяйство с развитием капитализма и не находящее неземледельческих занятий»[113], в уйгурских и дунганских поселениях было выражено не менее ярко, чем в казахских и киргизских волостях области. Уйгурские и дунганские крестьяне бежали из своих поселений. Притягательными районами для переселения в пределах области являлись города, казачьи станицы и русские крестьянские поселки, где благодаря развитию капитализма предъявлялся некоторый спрос на рабочую силу. По данным на первое января 1913 г.[114], в городах области нерусские национальности составляли 51,6 проц., в русских казачьих селениях — 15,4 проц., в русских крестьянских поселках — 17,0 проц. В пределах области это были районы иммиграции рабочей силы. В противоположность им на ту же дату в казахских и киргизских волостях жители других национальностей составляли только 0,98 проц., в уйгурских и дунганских волостях (без Пишпекского уезда) — и того меньше — 0,23 проц. Уйгурско-дунганские волости, как и казахские, киргизские аулы, не всасывали, а только выбрасывали излишнее население, эмигрировавшее как в поселения другого типа в пределах области, так и за ее пределы, в том числе и в Китай. Но общий фон развития народного хозяйства области, как и всего Казахстана и Киргизии, был таков, что рабочая сила разоренного крестьянства с огромными затруднениями превращалась в товар. Товарное производство как в деревне, так и в городе находилось в зачаточном состоянии. Спрос на рабочую силу был ничтожен по сравнению с ее предложением. В этой обстановке обнищавшее и вконец разорившееся уйгурское и дунганское крестьянство превращалось в объект феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации.

Колониальное господство царской России в Казахстане вело к тому, что в уйгурских и дунганских селениях (здесь мы говорим только о них) закреплялась крепостническая община. Налоговый пресс царизма превращался в тяжелую феодальную повинность, сопряженную с прикреплением крестьян к «наделу».

---

[113] В. И. Ленин. Соч., т. 2, изд. 5, стр. 172.

[114] Подсчитано по данным «Обзора Семиреченской области за 1912 г.», ведомость № 1.

Из конкретно-исторического анализа положения крестьянства в России В. И. Ленин сделал известный вывод о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве: пути демократическом, революционном, предполагающем победу демократической революции, последовательную расчистку сельского хозяйства от всех пережитков феодальных отношений, и пути эволюционном, предполагающем медленное эволюционное развитие капитализма, при сохранении остатков феодализма.

Это ленинское учение о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве целиком и полностью соответствует и положению в уйгурских и дунганских волостях Семиречья.

Мы показали, что основное противоречие пролегало между всем трудовым крестьянством, с одной стороны, и феодальной верхушкой—с другой. Самый тип феодальной верхушки, представлявший собою причудливое переплетение купца, ростовщика и феодала, с особой силой подчеркивает, что в уйгурских и дунганских волостях, как впрочем и во всем Казахстане, борьба крестьянства против феодализма являлась в то же время борьбой против самых реакционных форм капитала («октябристского» — торгового, ростовщического, наконец промышленного, но глубоко связанного с крепостнической эксплуатацией крестьянства). Объективно классовая борьба крестьянства за последовательную расчистку сельского хозяйства от феодальных отношений и ростовщической кабалы была борьбой за демократический путь развития капитализма. Борьба крестьян с феодалами была также борьбой с купцами, ростовщиками, полуфеодалами-кулаками. Но в своей революционной борьбе крестьянство противостояло одновременно и царскому самодержавию как носителю и защитнику феодальных отношений. Революционная борьба крестьянства за демократический путь развития капитализма в деревне была борьбой национально-освободительной.

Уже история борьбы за свое освобождение в Кульдже показала уйгурскому и дунганскому крестьянству, что для полной победы его собственных сил недостаточно. Слабой стороной этого движения была его национальная разрозненность. Но и в кульджинский период в Семиречье среди уйгуров и дунган еще не было тех сил, которые могли бы возглавить, интернационально объединить и повести крестьянство к победе демократической революции. Полуфеодалы и купцы в илийском султанате своим руководством потопили революцию в межнациональной вражде. В Семиречье уже ставшая на путь капиталистического развития феодальная и кулацкая верхушка была настолько тесно связана с царизмом, что не могла играть никакой революционной роли. Ее частичное участие в восстании 1916 г. в Казахстане и Северной Киргизии также вносило элементы национальной розни, вело крестьянство к неизбежному поражению.

Единственным союзником и руководителем уйгурской и дунганской бедноты мог стать и в конечном счете действительно стал российский пролетариат.

Националистические элементы из эксплуататорской верхушки и в годы революции и гражданской войны стремились разжигать националистические настроения среди уйгуров и дунган. Но интернациональное по своей сущности пролетарское руководство в революции 1917 г. нашло в их среде достаточно подготовленную почву.

Рабочий класс принес в Семиречье то, чего недоставало уйгурскому и дунганскому крестьянству в 60-х годах в Кульдже. Он дал программу национального и социального освобождения, объединил вокруг себя крестьянство всех национальностей, в том числе уйгурское и дунганское,

дал сокрушительный отпор национализму, вносившему межнациональную рознь.

Крестьянство, возглавляемое рабочим классом, победило. За демократическим этапом национально-освободительной революции последовало перерастание ее в социалистическую. Победа социалистической революции принесла уйгурскому и дунганскому крестьянству не только последовательную расчистку сельского хозяйства от феодализма, но и открыла возможность пойти по пути построения социализма, минуя стадию капитализма. Таковы судьбы уйгурского и дунганского крестьянства в Семиречье.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
1961 АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР Том II

Т. Т. ТАЖИБАЕВ

ШКОЛЫ ВНУТРЕННЕЙ (БУКЕЕВСКОЙ) ОРДЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Внутренняя Орда, или Букеевское ханство, образовалась в начале XIX в. между реками Урал и Волга в составе казахского населения Младшего жуза, прикочевавшего туда из-за Урала. В 1845 г. после упразднения ханства во Внутренней Орде был учрежден «Временный Совет по управлению Внутренней (Букеевской) Ордой». После административных реформ в Казахстане в 1867—1868 гг. она была подчинена Тургайскому областному правлению, находившемуся в ведении Оренбургского генерал-губернатора.

В административном отношении Орда делилась на пять частей и два округа.

Во второй половине XIX в. во Внутренней Орде промышленности, за исключением баскунчакских соляных разработок, не было. Население занималось главным образом скотоводством: в Орде имелось около двух миллионов голов скота.

Население Орды в конце века насчитывало около 263 000 человек. На такое количество людей было всего два врача: один в Ханской Ставке, другой — в с. Новая Казанка.

Известный русский антрополог и этнограф Алексей Харузин в течение двух лет (1887—1888) всесторонне изучал историю, экономику и быт казахов Внутренней Орды. Он раскопал несколько старинных курганов, заснял много фотографий, провел множество антропометрических измерений. Результаты обширных наблюдений и исследований он обобщил в труде «Киргизы Букеевской Орды (антрополого-этнологический очерк)».

А. Н. Харузин дал такую характеристику казахам Орды. «Букеевский киргиз, — говорит он, — пришел к нам 90 лет тому назад; вся его история протекала на наших глазах: мы помним, каким он пришел и каким стал теперь. Он пришел, вооруженный копьем и айбалтой, перекочевывая с места на место и живя в кибитке; теперь он, до некоторой степени, оседлый, живет зимою в глиняном доме, бросил оружие; пришел он язычником, теперь он магометанин; жил прежде, строго соблюдая свои родовые и сословные традиции, теперь он их забыл; жил большими семьями, а теперь нет и т. д. Одним словом, постепенно утрачивает старину и, при том, в большей степени, чем его азиатский сосед»[1].

[1] А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). М., 1889.

Добровольное присоединение к России казахов Младшего жуза благотворно влияло на все стороны их жизни. Кроме того, несколько обособленное положение Внутренней Орды в отличие от других частей Казахстана, а также непосредственное соприкосновение и тесное общение местного населения с русскими, накладывало отпечаток на развитие экономики и культуры ханства. Это сказалось и в области народного образования, развитию которого в известной мере способствовало создание отличных от казахских религиозных мектебов и медресе школ, в которых велось преподавание русского языка.

1. Мусульманские мектебы и медресе. Меры царских властей против распространения ислама в Орде

Во Внутренней Орде до 1868 г., т. е. до административных реформ, за исключением единственной русско-казахской школы в Ханской Ставке существовали только мусульманские мектебы и медресе.

Из-за отсутствия учета мусульманских мектебов и медресе, а также обучавшихся в них учащихся в различных архивных и литературных источниках имеются по этому вопросу самые различные данные.

По данным бывшего учителя школы Второго приморского округа Внутренней Орды Н. Леванова[2], в 1872 г. в Орде было 154 мусульманских школы, в которых обучался 3821 учащийся. В отчетах инспекторов училищ и попечителя учебного округа официально говорится о 38 мусульманских мектебах и медресе в Орде (по неофициальным данным — 56), а также о двух русских классах при них, в которых обучалось 400 учащихся, в том числе: казахов—350, татар—50; мальчиков—375, девочек — 25. Попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев в своем письме в Министерство народного просвещения 11 ноября 1891 г. сообщал, что в Букеевской Орде имеется примерно 400 мусульманских медресе и мектебов. Вероятно, в числе мусульманских школ были включены и «школы» для одиночек, которые содержались зажиточной частью казахского населения. Наличие токого числа мектебов и медресе только в одной Внутренней Орде вызывает серьезное сомнение, так как другими источниками эти данные не подтверждаются.

По сообщению «Астраханского вестника»[3], в Букеевской Орде на 1 января 1899 г. было 60 мектебов и медресе, в которых обучались 1679 учащихся, в том числе мальчиков — 1436 и девочек — 243. Девочек «обучали» жены мулл (их было 27).

Судя по этим данным, число мусульманских мектебов и медресе, а также учащихся в них к концу прошлого века несколько сократилось. Это произошло главным образом в результате увеличения русско-казахских школ Министерства народного просвещения, которые, пожалуй, в то время были единственно полезными для казахского населения типами школ, а также благодаря открытию старшинских школ в различных частях Внутренней Орды.

Организация русских классов при мусульманских мектебах и медресе в конце прошлого века была новым и необходимым явлением в развитии этих школ. Так, например, в 1896 г. в русском классе при медресе в Новой Казанке, открытом в 1895 г., обучалось 32 ученика, а в русском классе при мектебе в Ханской Ставке, открытом в 1892 г., — только три ученика.

---

[2] «Народная жизнь, 1883, № 9 и 10.

[3] № 3024 за 1899 г., раздел «Народное образование».

Создание русских классов при мусульманских школах явилось результатом стремления и требования казахского населения обучать своих детей русской грамоте, а также известной победой самодержавия над мусульманским духовенством, которое правительство обязало открывать вместо новых мечетей и мусульманских школ русские классы при мектебах и медресе.

Возраставшее влияние мусульманского духовенства во Внутренней Орде, разжигание им антиправительственных и антирусских настроений среди известной части казахских султанов и биев, а также его отрицательное влияние на воспитание подрастающего поколения вызывали беспокойство у царской администрации. Поэтому были предприняты некоторые меры, направленные на нейтрализацию этого влияния.

Выражая политику царского правительства, А. Н. Харузин писал: «В татарских школах преподают детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских, культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства и создавать и усиливать, таким образом, татарскую национальность не может входить в цели нашего государства»[4]. А. Н. Харузин считал, что татарско-магометанское влияние является главным препятствием для «обрусения» казахов.

Чтобы предотвратить влияние татарских мулл на казахских детей, попечитель Оренбургского учебного округа предложил не принимать их в мусульманские школы и русские классы. «Было бы целесообразно, —писал он в Министерство народного просвещения — в медресе и в русские классы при оных, устроенные во Внутренней Букеевской Орде для татарского населения, принимать для обучения у мулл только татар, дабы училища под влиянием татарских мулл не сделались рассадником магометанского фанатизма среди киргиз»[5].

Министерство народного просвещения 18 августа 1892 г. направило это предложение на заключение попечителю Казанского учебного округа, куда (по учебной части) входила тогда Внутренняя Орда. Попечитель учебного округа В. А. Попов одобрил это предложение[6]. Он писал: «Татары воодушевлены не только мусульманским фанатизмом, но и любовью к своему языку и симпатиями к турецкой державе. Отчужденность от всего русского среди татар не уменьшается, но, напротив, возрастает». В доказательство он привел факты, установленные при инспектировании школ Внутренней Орды инспектором казахских школ А. Е. Алекторовым, который, посетив 20 ноября 1887. г. татарское медресе, где обучалось 50 учащихся (из них 16 казахов), обнаружил, что учитель-татарин «обучал детей мусульманскому вероучению, татарской грамоте и счислению» и «находил совершенно излишним» обучать их русскому языку.

Далее Попов говорит, что ученики-казахи татарского медресе в Новой Казанке при посещении их А. Е. Алекторовым 11 февраля 1888 г. на вопрос последнего, «какой главный город нашего государства и кто наш царь», отвечали: «главный город Стамбул, а царь наш — турецкий султан». Конечно, учащиеся могли и не знать главного города России и, тем более, имя русского царя. Но инспектор, разумеется, не мог не обратить внимания на тот факт, что учащимся было внушено, что не Петер-

[4] А. Харузин. «Киргизы Букеевской Орды...».
[5] ЦГИАЛ, «Дело Департамента народного просвещения», ф. 733, оп. 172, 1892—1896 гг. д. 295, л. 1.
[6] Там же, лл. 3—10.

бург, а Стамбул является главным городом, а казахи якобы подвластны турецкому султану.

В. Попов указывал также, что несмотря на запрещение правительства селиться татарам во Внутренней Орде, они делают это самовольно. «Многие из татар, — писал он, — попав в степь под видом торговцев, сбрасывают там с себя личину и становятся учителями и распространителями ислама и татарского языка», и если этот наплыв не будет прекращен, «то отатаривание и фанатизирование киргиз будет итти весьма быстро». Поэтому он предлагает не только запретить обучать казахов в татарских медресе и мектебах, но и селиться татарам во Внутренней Орде. Как правило, там, где имелся мулла, существовала и мусульманская школа, в которой обучалось от 25 до 50 казахских детей. Далее в письме говорится, что обучение в этих школах продолжалось почти круглый год: «летом — в кибатках муллы, зимой — в их душных, сырых и вонючих мазанках-землянках». «Руководствами для занятий служат, преимущественно, татарские книги, как наиболее для киргиз понятные и как изложенные на языке, на котором киргизы восприняли впервые магометанское вероучение». Причем под влияние отатаривания попадают не только дети «султанских родов, но и простых ордынцев».

Одной из главных причин распространения магометанской религии среди казахского населения Внутренней Орды автор считает недостаточное распространение православной религии. Поэтому он пишет: «...только разумную, неослабную, православно миссионерскую деятельность во Внутренней Букеевской Орде, только построение православных храмов, назначение способных священников, знающих киргизский язык, перевод православных священно-богослужебных книг, заведение церковно-приходских училищ и, наконец, поощрение русских к поселению во Внутренней Букеевской Орде — можно признать существенно государственными мерами, имеющими весьма серьезное значение в деле сплочения и слияния киргизского края с общим отечеством»[7].

Автор подчеркивает, что сейчас самое время привлечь казахов в «лоно православной церкви», пока «среди простых ордынцев ислам еще не пустил глубоких корней и не успел еще вселить враждебного отношения ко всему немусульманскому». Доказательством этому он считает то, что казахи охотно продолжают вносить пожертвования на содержание семи русско-казахских школ, «имеющих целью распространение русской грамотности среди киргизов».

Отмечая, что отсутствие преподавания магометанской религии в русско-казахских школах ослабляет их авторитет среди казахского населения, Попов предлагает ввести в них преподавание ислама. В подтверждение, в качестве примера, он приводит русско-казахскую женскую школу в Ханской Ставке, в которой в 1883 г. из 22 воспитанниц было 7 казашек, а в 1890 г. — только одна. «Введение преподавания магометанской религии в правительственные русско-киргизские школы,—говорит он,—вселит среди киргизов доверие к мероприятиям правительства, успокоит киргизов относительно посягания на их религиозную совесть, и, до известной степени, облегчит, этим самым, задачи православно-миссионерского дела во Внутренней Букеевской Орде»[8].

К своему письму попечитель учебного округа приложил представление по данному вопросу директора Казанской учительской семинарии Бобровникова от 19 сентября 1892 г., который также положительно от-

[7] Там же, лл. 7—8.
[8] Там же, лл. 9—10.

несся к предложению попечителя Оренбургского учебного округа. По требованию Министерства народного просвещения ему было также направлено «Мнение»[9] В. В. Катаринского, работавшего тогда инспектором «инородческих» школ Оренбургского учебного округа. Бобровников рекомендовал привлечь его «к разрешению вопроса о киргизах, даже вызвать его для этого в Петербург».

В своем «Мнении» В. В. Катаринский писал, что до 1890 г. в Ханской Ставке имелось одно мектебе и три медресе, в которых обучалось 110 учащихся, в том числе 12 казахов. Но они были открыты без разрешения царской администрации, поэтому инспектор училищ Внутренней Орды заявил местным мусульманам, состоявшим главным образом из татар, что старые школы должны быть закрыты, а на основании правил 26 марта 1870 г. открыты новые. Из осторожности он закрывал по одной школе в год. Последняя мусульманская школа в Ханской Ставке была преобразована в 1892 г. и при ней организован русский класс. Причем в этой школе обучались лишь дети татар. Вместо старого здания медресе было построено новое. По настоянию инспектора, татары из своих средств ассигновали 600 руб. для выплаты жалования учителю русского языка в течение трех лет по 200 руб. в год. «Киргизы, — писал Катаринский, — с своей стороны ничем не выразили особенного желания учиться в ставочном татарском училище и в русском при нем классе, а по-прежнему продолжают охотно учиться в своих русско-киргизских школах с интернатами»[10]. При этом он подчеркивал, что в последние годы число казахов, желающих учиться в русско-казахских школах, превышает число интернатов, установленных для каждой школы (по 20 чел.), иногда учится даже до 30 казахов, выплачивая по 4 руб. в месяц за содержание в интернате.

Возражая попечителю Казанского учебного округа, предлагавшему ввести преподавание ислама в русско-казахских школах, В. В. Катаринский ссылался на то, что «за все время существования там (в Букеевской Орде. — *Т. Т.*) русских школ с 1868 г. магометанское вероучение никогда не преподавалось, и киргизы никогда не заявляли об этом. При этом нужно заметить, что начальные сведения по мухаммеданству, достаточные для простого магометанина, киргизы приобретают в своих аульных школах у мулл еще до поступления в русские школы, в возрасте от 7 до 10 лет, а потому и нет особенной нужды обучать их вероучению в наших школах»[11].

Далее Катаринский считает необходимым не допускать киргиз в татарские училища (медресе и мектебы) и поддерживает мнение Попова в вопросе о запрещении татарам селиться среди казахского населения Внутренней Орды и «вообще в киргизской степи».

Министр народного просвещения Делянов 9 июня 1894 г. поставил эти вопросы перед министром внутренних дел. Но товарищ министра внутренних дел в письме министру народного просвещения от 25 марта 1895 г., ссылаясь на представление Астраханского губернатора о том, что в последние годы татары вообще не селятся в Орде, считал такую меру ненужной. Однако, как указывает С. Г. Рыбаков[12], по настоянию инспектора народных училищ, учащимся медресе — «шакирдам», обыч-

---

[9] «Мнение инспектора инородческих школ Катаринского по вопросу о недопущении киргизов Букеевской Орды в татарское училище (медресе) и в русский класс при оном в Ханской Ставке». ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892 г., д. 295, лл. 23—25 об.

[10] Там же, лл. 23—24.

[11] Там же.

[12] «Народное образование», 1899, кн. 1, 4. «Нужды народного просвещения».

но выписываемым муллами из Казани, было запрещено селиться во Внутренней Орде.

Поддерживая предложение о запрещении казахским детям учиться в татарских школах, товарищ министра внутренних дел предложил наряду с этим увеличить во Внутренней Орде «число министерских русско-киргизских училищ, так как для детей, имеющихся в Орде, училищ слишком недостаточно для населения в 260 тыс. душ. Опыт показал, что киргизская молодежь поступает в эти школы весьма охотно, но, по недостатку мест, заведующие школами вынуждены все чаще и чаще отказывать киргизам в приеме их детей».

Кроме того, в письме также говорится о желательности приглашения в русско-казахские школы указных мулл для обучения киргизских детей религии. «Преподавание мулл велось бы в министерских школах под контролем заведующего школой — русского учителя и не принесло бы вреда».

Мысль о необходимости борьбы против усиления татарского влияния на подрастающее поколение Внутренней Орды была не новой: она не раз высказывалась и раньше.

Председатель Временного Совета по управлению Внутренней Ордой еще в 1862 г., говоря о необходимости борьбы с татарским воспитанием и «очистке киргизского языка от привнесенных в него татарских элементов», писал, что этого хотят сами казахи, окончившие школу при Ханской Ставке[13].

По мнению царской администрации, одним из сильных средств противодействия распространению ислама во Внутренней Орде и проведению русификаторской политики являлось внедрение в Орде системы Ильминского.

С. Г. Рыбаков, ссылаясь на отчет окружного наблюдателя церковных школ И. А. Износкова за 1898 г., представленный обер-прокурору «Святейшего синода», говорит о попытке организации школьного образования в Орде по системе Н. И. Ильминского и считает ее «мощным пособником дела распространения и упорядочения христианства и русской культуры в среде инородцев»[14]. Он отмечает, что, по словам И. А. Износкова, школы Внутренней Орды «довольно близки к типу школ системы Н. И. Ильминского», что инспектор школ Внутренней Орды Воскресенский, с согласия попечителя Казанского учебного округа, пытался проводить обучение казахов в Орде по образцу, установленному для крещеных татар в Казанской губернии. Воскресенский предлагал двухклассную русско-казахскую школу в Ханской Ставке реорганизовать в Центральную школу подобно Казанской крещено-татарской школе. Обучение в ней предполагалось сделать бесплатным; детей сначала обучать на казахском языке и лишь потом знакомить учащихся с русским чтением и письмом; выпускников одноклассных школ зачислять на казенные стипендии, а окончивших назначать учителями старшинских школ.

Для ослабления татарского влияния, а также введения и закрепления во Внутренней Орде системы Ильминского И. А. Износков предлагал: 1) школу в Ханской Ставке сделать центральной и увеличить число старшинских школ; 2) учредить два новых православных прихода в селениях Таловка и Казанка, назначив в Ханской Ставке, Баскунчаке, Казанке и Таловке священников, знающих казахский и татарский языки,

---

[13] ЦГА КазССР, ф. 78, 1865, оп. 7, д. 186, лл. 51—54.

[14] С. Рыбаков. Просвещение инородцев. «Астраханский вестник», 1899, № 2964.

постепенно вводить богослужение на казахском языке; 3) в помощь священникам назначить подготовленных дьяконов и псаломщиков или временно приглашать учителей казахских школ; 4) для русских, а также казахов, желающих обучаться русскому языку, при церквах открыть школы грамоты.

Просветительная система Н. Ильминского преследовала распространение православия среди национальных меньшинств России и их обрусение через соответствующие школы и церкви. В этих целях родной язык национальных меньшинств использовался как средство проповеди православия. На этом же языке, но русскими буквами, печатались учебные пособия и книги духовного содержания.

Несмотря на усиленные попытки царской учебной администрации полностью осуществить систему Ильминского как во Внутренней Орде, так и в других частях Казахстана, этого сделать им не удалось. В школах Орды преобладал не дух миссионерства, а общеобразовательный характер. Школы объективно способствовали распространению русской культуры среди казахского населения, укреплению дружбы между казахским и русским народами.

По мнению Износкова, школы Министерства народного просвещения «в достаточной мере осуществляют русскую культурную задачу и в них ученики-киргизы, вместе с обрусением, постепенно проникаются христианскими идеями и, при посредстве последних, русеют». В этих школах при помощи «особо составленных учебников на инородческих языках», например «Букваря» Ильминского, казахские дети будут постепенно усваивать христианские понятия и «будут постепенно сами переходить в православные»[15].

2. Русско-казахские школы. Центральная школа в Ханской Ставке

Первая школа нового типа, отличная от старых мусульманских школ — медресе и мектебов, была открыта в Ханской Ставке в 1841 г. ханом Внутренней Орды Джангиром Букеевым. Другие школы такого типа с преподаванием русского языка начали организовывать в Орде с 1868 г. Так, в 1868 г. одноклассные школы были открыты: Калмыцкая — в с. Владимировке, Камыш-Самарская — в с. Новой Казанке, Нарынская — в 12 верстах от Ханской Ставки, Таловская — в с. Таловке и Торгунская — в с. Ханской Ставке. В 1883 г. в Ханской Ставке организовалось одноклассное женское училище, а с 1893 г. в с. Большом Ганюшкинском начало функционировать второе двухклассное училище (первое двухклассное училище находилось в Ханской Ставке). В 1895 г. в Баскунчаке открылось русско-казахское училище, а в 1895—1896 гг. в различных частях Орды — 14 старшинских школ.

Во всей Внутренней Орде в 1883 — 1891 гг. количество училищ Министерства народного просвещения оставалось постоянным. Их всегда было 8, а число учащихся в них колебалось ежегодно от 149 (1884 г.) до 189 (1890 г.). Со времени организации в с. Большое Ганюшкино девятой по счету школы общее число учащихся в школах Министерства народного просвещения начало увеличиваться: в 1891 г. — 205, в 1892 г. — 244, в 1893 г. — 260, в 1894 г. — 307. Эти сведения целиком совпадают с данными, приведенными в статье Н. Казанского «Народное образование в Астраханской губернии»[16].

---

[15] «Народное образование», 1899, кн. 1 и 4.

[16] ЦГИАЛ, «Дело Департамента народного просвещения», ф. 733, оп. 171, 1892—1893 гг., д. 2336, л. 152.

По некоторым другим источникам, в 1891/92 уч. г. во всех школах Внутренней Орды, находившихся в ведении Министерства народного просвещения, обучалось 211 учащихся, в том числе 193 мальчика и 18 девочек; из них 160 — казахов, 50 — русских[17].

В 1895 г. в школах Орды имелся 521 учащийся, т. е. на одну тысячу населения (260 тыс. чел.) приходилось по два учащихся. В 1896 г. в Орде было уже 24 русско-казахских школы, в том числе двухклассных училищ — 2, одноклассных сельских училищ — 6, старшинских — 14 и частных — 2. Кроме того, существовало два русских класса при медресе в мектебах. Всего в школах обучалось 708 учащихся, в том числе: казахов — 629, русских — 64, татар — 15; из них девочек было 35. Среди учащихся казеннокоштных насчитывалось 167 и своекоштных — 541. К этому времени курс обучения в школах окончили 20 человек.

В 1896 г. в связи с открытием 7 новых старшинских школ число учащихся, по сравнению с 1895 г., увеличилось на 187 человек, в 1898 г. оно уменьшилось и составляло 637, в том числе казахов — 573 (уменьшение на 46 чел.), русских — 44 (уменьшение на 20) и татар — 20 (увеличение на 5); из них девочек 33 (уменьшение на 2)[18].

Перечень школ Внутренней Орды (без мектебов и медресе) имеется в приложении к письму попечителя Казанского учебного округа — тайного советника В. А. Попова — в Министерство народного просвещения; в нем дается подробное объяснение по вопросу преобразования школ Внутренней Орды и приводится список ордынских училищ и школ разных наименований и типов[19].

Из восьми правительственных школ (две двухклассные и шесть одноклассных) двухклассная школа в Ханской Ставке была центральной, а остальные 7 — участковыми. Школы были организованы в 1870 г. на общественные средства, но содержались на средства Министерства просвещения (8180 руб. в год). При всех правительственных школах имелись интернаты на 20 воспитанников.

Дальнейший рост учащихся в русско-казахских школах Орды связывался с открытием в Ханской Ставке Центрального ордынского училища по подготовке местных учителей.

Наряду с этим инспектор народных училищ Внутренней Орды считал одной из главных задач народного образования открытие при училищах ремесленных и профессиональных классов, которые финансировали местные казахские общества. Правда, правители частей Орды не всегда вносили взносы. Начиная с 1895 г., каждая часть должна была ежегодно отдавать на школьное дело по 500 руб. Однако за 1895 и 1896 гг. только правитель калмыцкой части внес 100 руб., а от остальных поступлений не было.

На полученные взносы старшинским школам было разрешено приобрести школьную мебель. Из общественных средств выдавались также пособия в размере 10—24 руб. ученикам, отправлявшимся в Казанскую учительскую семинарию для сдачи экзаменов на звание учителя.

Старшинские школы находились в крайне затруднительном материальном положении, о чем писал инспектор народных училищ Орды в своем отчете за 1896 г. Он отмечал, что недостаток общественных средств (2761 руб.) «без сомнения поведет к очень важным затруднениям, некоторые бедные, но способные киргизы не в состоянии будут съездить в Казань и придется назначить учителей на свой глазомер,

[17] «Русская мысль», 1898, кн. 8, 10, 11.
[18] «Астраханский вестник», 1899, № 3024.
[19] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1872—1907 гг. д. 272, лл. 114—115.

№	Наименование учебного заведения	Местонахождение	Время открытия	Мальчиков	Девочек	Окончило курс в 1883 г.
	Двухклассные училища					
1	Ставочное	Х. Ставка	1841	61	—	46
2	Большое Ганюшкинское	с. Б. Ганюшкино	1893	40	—	2
	Одноклассные училища					
3	Калмыцкое	с. Владимировка	1868	20	—	39
4	Камыш-Самарское	с. Новая Казанка	1868	48	3	46
5	Нарынское	вблизи Х. Ставки	1868	22	—	40
6	Таловское	с. Таловка	1868	43	5	39
7	Торгунское	Х. Ставка	1868	30	—	37
8	Женское	Х. Ставка	1883	—	24 (все русские)	
9—22	Старшинские школы		1895/96	253	Из двух школ свед. нет	Нет
23—50	Медресе и мектебы (офиц. известно всего 38)		Неизвестно	Около 400		Нет
	Русские классы					
51	При мектебах	Х. Ставка	1892	3	—	Нет
52	При медресе	с. Новая Казанка	1895	32	—	Нет
53	Русско-казахская школа	пос. Баскунчак	1895	43	—	Нет

или остаться вовсе без учителей». Он подчеркивал, что существование общественных средств «по нашему мнению есть в некотором роде залог прочности школьного дела и обеспечение оного от всяких возможных невзгод, всякое увеличение этих сумм мы считаем в то же время увеличением силы школ и способности для осуществления какого-либо особо важного полезного предприятия»[20].

Как видно из программ по отдельным учебным дисциплинам, экзаменационных программ, отчетов учителей двухклассного русско-казахского училища с. Большое Ганюшкино (Ф. Белова), Торгунского одноклассного училища (Н. Крамалей) и Калмыцкого одноклассного училища за 1894/95 уч. г., а также отчета инспектора народных училищ Внутренней Орды за 1896 г., в учебную программу училищ входили: русский язык (чтение, письмо, грамматика), «русско-киргизский» язык (перевод с русского на казахский язык и обратно), арифметика, русская история, пение и специальные «предметные уроки», а также закон божий (для русских детей).

В отчете инспектора татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринского «О состоянии киргизских школ во Внутренней кир-

[20] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 70, лл. 4, 5, 7, 9.

гизской (Букеевской) Орде и в Уральской области в учебном и хозяйственном отношении» за 1877 г.,[21] в отчетах учителей школ, инспектора народных училищ и в других источниках имеются следующие данные о правительственных школах.

Первая казахская школа, организованная Джангиром в 1841 г. в Ханской Ставке, впоследствии реорганизованная в двухклассное училище, в течение нескольких лет содержалась за счет хана, а затем после его смерти, с 1848 г., перешла на содержание правительства. Школа была рассчитана на 20 пансионеров, но постоянно в ней был недобор учащихся. Так, в 1877 г. в школе обучалось только 10 детей, в том числе два — в старшем отделении, один — в среднем и семь — в младшем.

Школа должна была готовить казахских детей к поступлению в Оренбургский кадетский корпус и другие учебные заведения, воспитывать преданных царизму чиновников.

В. В. Катаринский в своем отчете писал, что учащиеся школы в Ханской Ставке обучаются грамоте буквослагательным методом и поэтому долго задерживаются на азбуке. «Ученики старшего отделения, — говорил он, — проучившиеся 4 года, довольно хорошо читали статьи из книги Паульсена, передавали своими словами прочитанное, умели переводить их на киргизский язык и писали эти переводы буквами. По арифметике они довольно порядочно решали задачи на четыре арифметических действия именованных чисел но, как видно, мало приучены к умственным вычислениям и к сознательному решению задач, а делают все механически без всяких объяснений. Ученик среднего отделения, проучившийся 2 или 3 года, плохо читает по-русски и почти совсем не мог порядочно решить задач на сложение и вычитание простых чисел. Ученики младшего отделения, проучившись год, ничего не знали по-русски, едва могли разбирать русские слова по книге, по арифметике могли считать по порядку до 100. Все ученики вообще плохо говорят по-русски — это зависит от недостатка практики в разговорной русской речи».

В отчете далее указывается, что учителя почти не бывают с детьми во время внеурочных занятий, тогда как учитель татарского языка, часто находясь с детьми, всегда беседует с ними по-татарски. Смотритель школы также редко посещает школу. Поэтому казахские дети очень мало разговаривают по-русски, тем более, что в эту школу русских детей не принимают.

В школе, как отмечает Катаринский, учебников и учебных пособий было достаточно: имелись учебники Ушинского, Паульсена, географические карты России, глобус и т. п.

При инспектировании школы Катаринский предложил учительнице Тенишевой принять в школу и русских детей. Он считал, что «при обществе с ними киргизские мальчики скорее научатся разговорному русскому языку».

В целях улучшения обучения в школе Катаринский советовал расширить учебную программу до программы двухклассных сельских школ и уволить смотрителя, а вместо учителя казахского и арабского языков и учительницы Тенишевой назначить одного преподавателя с

[21] ЦГИАЛ, ф. 733, 1877—1891 гг., оп. 170, д. 156 893.

окладом в 300 руб. в год и готовой квартирой при школе. В случае, если учитель не будет знать казахского языка, ему в помощники назначить казаха, «хорошо знакомого с приемами преподавания и с русским языком — с жалованием 150 руб. (от содержания муллы и смотрителя), с квартирой при школе».

Попечитель Оренбургского учебного округа П. Лавровский, представляя отчет Катаринского министру народного просвещения 10 декабря 1877 г., поддержал это предложение.

Ходатайство было удовлетворено Министерством народного просвещения и школа стала двухклассным училищем по Положению 1875 г. Но через несколько лет министр народного просвещения поставил вопрос о целесообразности сохранения Ставочной школы в двухклассном составе. Попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев, настаивая на сохранении двухклассной школы при Ханской Ставке, в своем письме министру от 28 января 1891 г. отмечал, что трехлетний курс обучения в одноклассных училищах недостаточен не только для казахских детей, поступающих в школу с полным незнанием русского языка, но и для русских учащихся, уже владеющих им.

Возник вопрос о преобразовании училища по типу Казанской центральной крещено-татарской школы.

Попечитель Казанского учебного округа тайный советник Попов писал министру народного просвещения: «В видах согласования школьного дела Букеевской Орды с принятой в казанском учебном округе системой образования инородцев, «...я нахожу необходимым для оживления, расширения и правильной постановки школьного дела в Орде учреждение центрального ордынского училища в Ханской Ставке подобно существующей в Казани — Центральной крещено-татарской школы, в связь с коею будут поставлены и все учрежденные и учреждаемые киргизские старшинские школы[22]. К письму были приложены «Положение и штат Центрального ордынского училища».

Однако по этому вопросу было два мнения. Попечитель Оренбургского учебного округа считал ненужным преобразование школ Орды, тогда как попечитель Казанского учебного округа доказывал обратное.

Ввиду противоречивости мнений Министерство народного просвещения затягивало решение этого вопроса. Но 23 января 1903 г. новый попечитель Казанского учебного округа Спешков поставил вопрос о преобразовании Ставочного училища в четырехклассное городское училище по Положению от 31 мая 1872 г. с педагогическим курсом. Он писал: «Тип центрального училища был задуман крайне неудачно и не соответствует образовательным потребностям и желаниям киргиз»[23].

В двухклассном училище в Ханской Ставке, а также в других училищах каждый учитель составлял программу по своему предмету. Кроме того, по каждому предмету перед испытаниями составлялась особая программа, в которой определялся минимум знаний учащихся.

В программу[24] по «русско-киргизскому» языку входило:

Первый класс — знание слов и выражений в объеме казахско-русского словаря («Словарь киргизско-русский». Оренбург, 1897), «На-

[22] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1907 гг., д. 272, л. 52.

[23] Впоследствии школа была преобразована в четырехклассное городское училище.

[24] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 91, л. 1.

чального руководства к обучению киргизов русскому языку» И. Алтынсарина (Оренбург, 1879), Букваря для казахов — «Жазуга уйрететин кнеге» (Қазань, 1892 г.) и учебника «Практические уроки русского языка для киргизов» (Оренбург, 1893), на что отводилось 32 урока, перевод казахского отдела букваря, а также 24 статьи из ветхого завета священной истории ветхого завета на казахском языке.

Второй класс — перевод с казахского языка на русский первых 24 глав книги «Акыл беретугун кнеге» («Из премудрости Иисуса сына Сирахова») (Қазань, 1891).

По арифметике программа предусматривала следующее:

Первый класс — задачи на все четыре действия с числами любой величины; включая составные и именованные числа, квадратные и кубические меры.

Второй класс — задачи с целыми числами; признаки делимости на 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 16, 25 и 100; разложение чисел на первоначальные множители. Общий наибольший делитель и наименьшее кратное. Задачи на все четыре действия с простыми и десятичными дробями. Обращение десятичных дробей в простые и обратно. Геометрические отношения и пропорции. Простейшие задачи на вычисление процентов.

Был определен также объем знаний по географии, русской истории и пению.

Программа по пению предусматривала пение хором «Боже царя храни», «Коль славен»,. «Вниз по матушке по Волге», «Бис соби пташечку» и др.

По истории использовался учебник Рождественского, а по арифметике (простые дроби) — задачник Вишневского.

3. Участковые школы

Участковые школы являлись общеобразовательными школами первоначальной грамотности.

Двухклассное училище в с. Большое Ганюшкино было создано на базе двух одноклассных школ, находившихся в Первом и Втором приморских округах.

Одноклассная школа Первого приморского округа располагалась в 300 верстах от Ханской Ставки. Учитель школы Мукашев, как отмечал В. В. Катаринский, в течение четырех лет ничего не делал; по рассказам жителей, он приезжал в школу один раз в две недели .Из 13 учеников, собранных при инспектировании школы, 6 учились по четыре года и «положительно ничего не знают, — писал Катаринский, — двое из них, самые лучшие, могут только порядочно прочитать статью без перевода на киргизский язык и без повторения прочитанного; по арифметике почти ни один не знает нумерации, и по-русски совсем ничего не знают; остальные 7 учеников, проучившиеся в школе два года, почти совсем не умеют читать».

Впоследствии вместо Мукашева учителем был назначен Куватов, окончивший казахскую школу при Ханской Ставке и два года проработавший учителем в Камыш-Самарской школе. По мнению Катаринского, он был неплохо знаком с учебным делом.

Как указывается в отчетах о работе школ Внутренней Орды, школа Первого приморского округа в течение нескольких лет не работала из-за отсутствия помещения и затем в 1883 г. слилась со школой Второго приморского округа.

Одноклассная школа Второго приморского округа до объединения находилась в 18 верстах от Каспийского моря в хорошем здании. Как указывает Катаринский, учитель Голстейн (мещанин из Астрахани), проработавший в школе в течение шести лет, несмотря на малое жалованье (150 руб. в год вместо 205 руб., получаемых учителями в других школах), добился хороших успехов учащихся в учебе. В то же время смотритель школы, помимо обучения детей татарскому языку, ничего не делал и всей семьей кормился за счет школы.

После временного слияния школ попечитель Оренбургского учебного округа Ростовцев, считая нецелесообразным иметь в одном округе две школы, внес предложение об объединении школ Первого и Второго приморских округов и образования двухклассной русско-казахской школы с интернатом на 40 воспитанников и постройкой нового школьного здания. Он рекомендовал построить новую школу в с. Большое Ганюшкино, находившемся во Втором приморском округе, так как в Первом нет подходящего места для строительства школьного здания.

По представлению Министра народного просвещения Государственный Совет решением от 6 февраля 1892 г. отпустил 4088 р. 35 к. на строительство русско-казахского училища[25].

В 1893 г. новая школа с общежитием на 40 воспитанников была построена[26].

Учитель первого класса Ганюшкинского дехканского двухклассного русско-казахского училища Федор Белов в своей «Объяснительной записке о способе преподавания пройденных предметов и поведения учащихся приготовительного и младшего отделений...» училища за 1894/1895 уч. г.[27] знакомит с программой обучения и делится опытом преподавания в двух классах (подготовительном и младшем отделении).

Он отмечает, что на уроках письма и чтения ему, из-за незнания им казахского языка, приходилось пользоваться синтетическим методом обучения. Сначала он учащихся знакомил с печатными буквами, затем проводил упражнения по чтению и письму слов на знакомые буквы по азбуке «К мудрости ступенька», составленной А. Е. Алекторовым для казахских детей.

В школах практиковалось русское и казахское чтение. Для уроков русского чтения использовался первоначальный учебник для казахов. На казахском языке дети читали казахский отдел «Букваря».

На уроках чтения сначала читал учитель, затем хорошие ученики, а после — плохо читающие. При этом обращалось внимание на громкость чтения и чёткое произношение слов, соблюдение пауз. Ученикам рекомендовалось прочитывать сначала каждое слово про себя, а затем вслух.

В приготовительном отделении в первом полугодии заучивались самые употребительные слова. Сначала учитель выговаривал их, а ученики повторяли за ним. Часто он называл слова по-казахски, а ученики переводили их на русский язык. Слова заучивались также при помощи описания картинок Вольпера (1 выпуск). Учащиеся давали краткое описание отдельных частей предметов, говорили о их назначении или в каком положении они находятся.

На диктовках по русскому языку писались слова из уроков русского правописания (1 год) О. Ф. Пуцыковича, а на диктовках по казах-

---

[25] ЦГИАЛ, «Дело Департамента народного просвещения», ф. 733, оп. 172, 1891—1894 гг.

[26] «Астраханский листок», 1893, № 225.

[27] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 63, лл. 1—6.

скому языку — из словаря, букваря и первоначального учебника по казахскому языку. «Русские слова, — говорит Белов, — переводились на киргизский язык, киргизские слова на русский язык, каждое слово, и русское и киргизское, делились на слоги и повторялись учениками несколько раз, затем уже начинали писать, один из учеников писал на классной доске. Ошибки исправлялись в классе таким образом, один ученик читал слова, по прочтении каждого слова я спрашивал, у всех ли написано так, у кого не так, вставал и смотря по надобности говорил, что у него написано не так»[28].

В обоих отделениях проводились специальные уроки по чистописанию, «русско-киргизскому» языку, арифметике.

На уроках чистописания учитель пользовался прописями православного миссионерского общества и правилами Гербача, а также наставлениями к ним.

На уроках арифметики содержание каждой задачи рассказывалось по-русски самим учителем и затем кратко записывалось на доске. Каждый ученик повторял содержание задачи по-русски и по-казахски. Если задача была трудной, то учитель пояснял ее.

Когда большая часть учащихся решала задачу, учитель вызывал одного из учеников к доске. Повторив содержание, он решал ее на доске, давая объяснения вслух. Чтобы поддерживать внимание всех учеников, учитель неожиданно задавал вопросы целому классу. Это давало возможность учителю уделять большее внимание слабым ученикам и тем, кто слушал с рассеянным вниманием.

В приготовительном отделении на уроках арифметики примеры решались в начале каждого урока, когда учитель занимался с младшим отделением.

Работа учащихся проверялась в классе: учитель сам исправлял работу каждого, а иногда заставлял делать это кого-нибудь из учеников. В последнем случае остальные слушали читающего «и у кого не так, вставал и, когда нужно было, говорил, что у него не так, причем объяснялась ошибка»[29].

На уроках арифметики ученики производили различные операции по сложению и вычитанию на счетах.

В младшем отделении училища к тем же урокам, которые проводились в приготовительном отделении, добавлялось самостоятельное чтение, граматика, предметные уроки, а также закон божий для русских детей, а для казахских — заучивание русских слов, диктовка, чистописание.

На предметных уроках учащиеся давали описание птиц, животных и неодушевленных предметов. Сначала ученики сами характеризовали предмет, а затем давалось «хоровое описание» по-русски и по-казахски. После чего все записывали в тетради. Работа учеников проверялась вне класса.

На уроках чтения, кроме других учебных пособий, пользовались также учебником К. Д. Ушинского — «Родное слово» (1 год), который читали русские и казахские дети вместе.

В младшем отделении, кроме учебников Гольденберга и Евтушевского, по арифметике был также учебник Лубенца.

Калмыцкая одноклассная школа была открыта в 1868 г. в с. Владимировка, в 80 верстах от Ханской Ставки. На 20 октября 1877 г. вместо 20 учеников, положенных по штату, в школе числи-

[28] Там же.
[29] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 63, лл. 1—6.

лось только 12, из которых один проучился 6 лет, а трое — по 4 года. Как указывал Катаринский, знания учащихся были исключительно слабыми. Поэтому после инспектирования школы был назначен новый учитель Петропавловский.

В 1894/95 уч. г. в школе обучался 21 ученик. Она имела приготовительное, младшее, среднее и старшее отделения, в которых преподавались: русский язык, казахский язык, арифметика, а также проводились отдельные уроки по чистописанию и чтению.

В приготовительном отделении для чтения использовался учебник «К мудрости ступенька», а для упражнений — учебник Ячника. Уроки по чистописанию проходили по «Руководству» Пожарского и прописям Пожарского и Горбача, а «русско-киргизский язык» — по «Букварю для киргизов». По арифметике брали учебники Гольденберга и «Букварь» Тихомирова.

В младшем отделении в первом полугодии по русскому языку обучались по учебнику Г. С. Ячника — «Первая книжка после азбуки для детей-туземцев Туркестанского края, с переводом слов на киргизский и сартовский язык», а во втором полугодии — по второй книге Вольпера. По «русско-киргизскому» языку использовался «Букварь для киргизов» (устно) и «Практические уроки русского языка для киргизов». Последняя была издана в Оренбурге в 1893 г. и состояла из 32 уроков, в которых давался ряд последовательных, связанных между собой вопросов и ответов на русском языке с переводом на казахский. По арифметике проходили нумерацию до 1000, решали задачи на все четыре действия в пределах 100 и арифметические примеры до 1000. В качестве учебного пособия использовались методика и задачник Гольденберга.

В среднем отделении уроки по русскому языку велись по второй части учебника Вольпера. При этом уделялось большое внимание переводам слов на казахский язык и заучиванию стихотворений. Грамматика изучалась по учебнику Соколова, а для диктовок использовалась книга по правописанию Пуцыковича. По «русско-киргизскому» языку — «Букварь для киргизов (Жазуга уйретенин кнега)», изданный в Казани в 1892 г., а также «Практические уроки русского языка для киргизов». Эта книга почти вся была переведена с казахского языка на русский. Три ее экземпляра были разрезаны и наклеены учителем на картон казахским текстом наружу. С этого текста ученики писали в тетрадях по-русски. По арифметике изучались нумерация до миллионов, четыре действия с простыми числами, раздробление и превращение именованных чисел.

В старшем отделении по русскому языку обучение шло по «Книге для чтения» Баранова.

В классе устраивались специальные уроки самостоятельного чтения. Кроме того, для усвоения прочитанного и приготовления статьи к уроку учитель проводил внеклассное самостоятельное чтение.

Стихотворения и басни заучивались главным образом во внеклассное время, но предварительно на уроках несколько раз прочитывались учителем, а потом учениками. Перед заучиванием содержание каждой басни и стихотворения объяснялось, и обращалось внимание на ударение.

Как отмечается в «Отчетной записке о состоянии Калмыцкой школы за 1894/95 уч. г.,[30] для более прочного усвоения прочитанного, а также для правильного изложения мыслей были введены письменные работы

[30] Там же, д. 58, лл. 19—20.

по вопросам, помещенным в книге Баранова или составленным учителем. Из-за сухости и сложности книг Баранова в школе часто пользовались текстами из книг Л. Н. Толстого.

Во время диктовки один из учеников писал текст на доске, а остальные проверяли написанное. При этом сами ученики объясняли и исправляли ошибки.

По грамматике и правописанию использовались: грамматики Соколова, Кузьмина, Вольпера. Сборник диктантов Соколова и правописание Пуцыковича.

По арифметике в старшем отделении решались задачи на все действия с простыми и именованными числами и на вычисление поверхностей, времени и объема, вычислялись проценты.

По «русско-киргизскому» языку устно и письменно переводились статьи из «Акыл беретугун кнеге». Сначала на уроках статьи разбирались с помощью учителя пословно и по предложениям, а потом письменно самостоятельно дома. Делался также грамматический и синтаксический разбор на казахском языке. С русского на казахский язык переводились статьи из книг Л. Н. Толстого. Практиковались упражнения на казахском языке (письма родителям или кому-либо из родных, товарищам, а также составление расписок, прошений и т. п.).

Как отмечается в отчётной записке, в течение учебного года «особых нарушений школьной дисциплины» не было. За незначительные проступки ученикам делался выговор учителем или наедине, или же перед всем классом. За более важные проступки ученики лишались на некоторое время свободы. Но в чем именно заключалось лишение свободы, об этом в «Отчетной записке» не говорится. Составной частью воспитательной работы было наблюдение, «чтобы ученики во внеклассное время не заводили драчливых игр и вообще относились друг к другу в мирном духе».

Далее в «Отчетной записке» говорится о необходимости иметь в школе домашнюю аптечку, как это имеется в нарынской и таргунской школах, а также о желательности время от времени пополнять ее медикаментами из аптек Внутренней Орды. В конце «Записки» делается заявка на некоторые учебники. При этом отмечается, что учебник по правописанию Некрасова «тем хорош, что на каждое правило у него есть самостоятельные для учеников упражнения, что у нас при четырех группах весьма удобно: не подыскивать работ ученикам».

Камыш-самарская одноклассная школа была открыта в 1868 г. в с. Новая Казанка, расположенной в 180 верстах от Ханской Ставки. Здание школы обветшало, поэтому она работала в арендованном за 7 руб. в месяц помещении.

Учитель школы казах Чинкин, выпускник казахской школы при Оренбургском областном управлении, обычно был всегда занят в своем хозяйстве и не уделял никакого внимания работе в школе.

Во время инспектирования школы Катаринский установил, что трое из собравшихся 8 учеников среднего отделения, «пробывшие в школе 2 и 3 года, очень плохо читают и почти ничего не понимают из прочитанного, потому что совсем не знают русского языка, по арифметике едва знают нумерацию. Учитель, как видно, больше всего заставляет учеников механически зазубривать правила русской грамматики и арифметики. Ученики младшего отделения, проучившиеся год, а некоторые и два, с трудом разбирают слова по печатной книге»[31].

[31] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156893, л. 10.

Катаринский пришел к заключению, что «вообще учитель совсем неудовлетворителен и должен быть заменен другим».

Нарынская одноклассная школа была открыта в 1868 г. в одном из населенных пунктов, находившемся в 12 верстах от Ханской Ставки. Школа была расположена вдали от населенных мест, что затрудняло доставку в нее учеников из дальних населенных пунктов и снабжение продуктами. Учитель Алексей Скворцов, назначенный в январе 1877 г., хорошо знавший казахский язык, добросовестно относился к своим обязанностям.

Как указывал Катаринский, учебников в школе почти не было, за исключением отдельных отрывков из книг Ушинского, Паульсена и других.

Как видно из «Ведомости о состоянии Нарынской школы за 1896/97 уч. г.»[32] по различным учебным дисциплинам за год в школе было пройдено:

В приготовительном отделении по русскому языку — русский отдел из «Букваря» для казахов; по чистописанию — строчная буква по прописям Гербача; переводы с русского на казахский язык — по материалам русского отдела «Букваря» для казахов и, кроме того, 41 упражнение русско-казахского словаря. По арифметике проводились упражнения по устному прямому и обратному счету, сложение чисел — в пределах первого десятка, элементарные действия на вычитание, умножение и деление. Упражнения в письменном и устном счете велись по «Букварю» Тихомирова.

В младшем отделении по русскому языку (чтение и письмо) руководствовались учебниками Вольпера (1 и 2 выпуск). По чистописанию в тетрадях в последовательном порядке писались строчные буквы по прописям Гербача; по русско-казахскому языку были переведены с русского на казахский язык «Азбука графа Льва Толстого», русский отдел «Букваря для киргизов», часть грамматического отдела, а с казахского на русский язык — статьи из казахского букваря до статьи «Туземдик». По арифметике проходили умножение и деление чисел в пределах сотни, заучивали таблицу умножения; упражнялись в решении примеров и простейших устных и письменных задач по задачникам Вишневского и Евтушевского.

В среднем отделении по русскому языку на уроках объяснительного чтения была пройдена первая часть учебника Вольпера (вып. 2), после чего ученики давали письменные ответы на вопросы, поставленные в конце статьи учебника. Для уроков объяснительного чтения использовались также статьи из первой книги Л. Н. Толстого. Диктанты по русскому языку велись по «Сборнику диктантов» Пуцыковича, а по казахскому языку — по «Букварю» для казахов и «Киргизской священной истории ветхого завета» с дальнейшим синтаксическим разбором. Занимались также переводами с русского на казахский язык, главным образом первой книги Л. Н. Толстого и нескольких статей из второй книги, и с казахского на русский — по «Букварю» для казахов. На уроках, посвященных переводам, была пройдена казахская и русская грамматика, помещенная в учебнике по русскому языку для казахов. По арифметике в среднем отделении изучали таблицу умножения, устную и письменную нумерацию и четыре действия над числами любой величины, способ проверки умножения и решали примеры на все действия.

В старшем отделении на уроках объяснительного чтения читались исторические и географические статьи из учебника для чтения Баранова,

[32] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 74, лл. 2—5.

а также некоторые статьи из первой и второй книг Л. Н. Толстого. Затем ученики устно и письменно пересказывали содержание прочитанного. В процессе диктантов проводился синтаксический разбор. По правописанию были пройдены все прописные буквы по прописям В. С. Гербача. С русского на казахский язык переводились первая и вторая книги Л. Н. Толстого, а с казахского на русский — «Букварь» для казахов и «Священная история» на казахском языке. По арифметике знакомились с делением многозначных чисел, решали примеры и задачи на четыре действия с числами любой величины. Учащиеся также заучивали наизусть таблицы мер, учили раздробление и превращение составных именованных чисел.

Уроки арифметики в трех старших отделениях проводились по задачнику Н. А. Бобровникова.

Учитель одновременно занимался с тремя старшими отделениями, а учащиеся приготовительного отделения только присутствовали на уроках. На уроках пения ученики разучивали «Боже царя храни», «Коль славен наш господь» и т. п.

Таловская одноклассная школа (с. Таловка, в 130 верстах к северу от Ханской Ставки). До осени 1877 г. она находилась в 5 верстах от Таловки, но за неделю до приезда В. В. Катаринского была переведена в это село под предлогом, что бывшее школьное здание сгорело. При осмотре здания школы выяснилось, что никакого пожара не было, а деревянный пол и потолок разобрали жители, чтобы вынудить администрацию перевести школу поближе к домам учащихся.

В. В. Катаринский хорошо отзывался об успехах учащихся и учителе школы — Карабаеве, который по окончании казахской школы при Ханской Ставке уже восьмой год работал здесь. «Учитель школы киргиз Карабаев, — писал Катаринский, — один из лучших учителей в Орде по своему усердию и добросовестному отношению к учебному делу... Из его школы вышло много хорошо обученных по-русски киргиз, которые теперь служат переводчиками и писарями в Орде. Он довольно хорошо умеет вести учебное дело»[33].

В 1900 г. в интернате Таловской школы было 20 казеннокоштных и от 5 до 7 своекоштных воспитанников. На строительство новых школьных помещений было затрачено 3199 руб., из них 1469 руб. составляли взносы казахского населения. Школа стояла в низине, поэтому весной и осенью всегда вокруг была непролазная грязь. Но помещение школы, как указывал инспектор народных училищ Астраханской губернии, сохранялось в чистоте, учащиеся снимали сапоги в прихожей и входили в класс босыми. В целях предупреждения простуды на полу под партами стелилась кошма.

Торгунская одноклассная школа была открыта в 1869 г. в Ханской Ставке. В ней обучалось до 40 детей.

В «Отчетной учебной записке о ходе занятий в Торгунском русско-киргизском училище за 1894/95 гг.[34]» мы находим следующие данные о школе.

Первые уроки в приготовительном отделении здесь были посвящены ознакомлению учащихся с обиходными русскими словами и фразами. Занятия велись аналитическим методом. Закрепление звуков в памяти учащихся проводилось путем заучивания слов из учебника «К мудрости ступенька». Затем занятия проводились по «Букварю для киргизов», причем чтение букваря сопровождалось переводом на русский язык как отдельных слов, так и целых предложений. Обучение письму проводи-

[33] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, д. 156 893, л. II.
[34] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 58, лл. 33—38.

лось в первое полугодие на аспидных досках, а во втором — на бумаге. Ввиду того, что учащиеся приготовительного отделения двухклассного училища в Ханской Ставке были переведены в торгунскую школу, то во втором полугодии они изучали русский язык по «Букварю» Тихомирова. При обучении детей счету применялись наглядные пособия.

В младшем отделении ставилась задача: научить учащихся читать внятно и толково, уметь излагать содержание коротких рассказов и правильно строить предложения; научить детей правильному начертанию и соединению букв; по арифметике научить умению вычислять и решать задачи в пределах второго разряда, т. е. до 1000.

В первом полугодии школьники обучались по учебнику Г. С. Ячника «Первая книжка после азбуки для детей туземцев Туркестанского края с переводом слов на киргизский и сартовский язык», которая затем была заменена «Букварем для киргизов». Со второго полугодия учащиеся были переведены в младшее отделение двухклассного училища при Ханской Ставке. Здесь они изучали русскую грамматику по учебнику Козьмина.

На уроках чтения один из учеников читал определенную статью вслух, остальные следили по своим книгам и, заметив ошибку, допущенную читающим, поднимали руку, после чего или сам читающий поправлял ошибку, или это делал по указанию учителя один из учеников. Учитель объяснял непонятные слова: та часть статьи, в которой встречались непонятные слова, после объяснения прочитывалась заново, а затем книги закрывались, и один из учеников рассказывал содержание прочитанного своими словами. Потом статья прочитывалась до конца учителем без перерыва для того, чтобы «представить учащимся отдельные мысли статьи в их взаимной связи», а также «дать образец выразительного чтения». После этого тот же текст читал без перерыва один из учеников, стараясь подражать учителю. Наконец, ученики пересказывали содержание всей статьи.

Такой метод применялся только при чтении сложных статей, а небольшие по объему и простые по содержанию прочитывались сразу, и ученики пересказывали их содержание. В первом полугодии ученики заучивали наизусть отдельные статьи и записывали их по упражнениям из книги Ячника. Для усвоения более правильного начертания и слияния букв дети сначала писали слова с той или другой строчной буквы в «генетическом» порядке, а затем писали слова на прописные буквы сначала в генетическом, а потом в алфавитном порядке.

При ознакомлении с вычислением в пределах тысячи, каждый соответствующий пример такого вычисления закреплялся решением задач из сборников Лубенца и Гольденберга.

В среднем отделении цель занятий заключалась в том, чтобы «научить детей соединять с каждым словом принадлежащее ему значение, усваивать мысль, которая выражается в каждом предложении читаемого текста, понимать связь между предложениями и сущность всей статьи. Приучить детей к связанному и последовательному, как устному так и письменному изложению прочитанного, путем кателитического способа». «Научить детей правильно излагать свои мысли, как устно, так и письменно, с соблюдением правил орфографии, синтаксиса и этимологии». «Научить каллиграфически правильно начертать» слова. По арифметике ставилась цель ознакомить учащихся с вычислениями в пределах третьего разряда.

Для объяснительного чтения использовался в первом полугодии учебник Вольпера (второй выпуск), а во втором — первый отдел книги для чтения Баранова. Грамматику учили по учебнику Козьмина.

В старшем отделении была поставлена задача: «Научить детей читать бегло, внятно и толково, познакомить с главнейшими требованиями правильного описания какого-либо предмета, одного с предметом прочитанной статьи. Достигнуть того, чтобы они умели более или менее правильно выражаться не только на письме, но и устно, как в грамматическом, так и в логическом отношении, умели производить вычисление как с составными именованными числами, так и числами дробными и свободно производили выкладку на торговых счетах, бегло и четко копировать со всякого рукописного и печатного текста».

Для объяснительного чтения служила «Книга для чтения» Баранова. При чтении исторических и географических статей основное внимание обращалось на усвоение фактических данных.

Учащиеся должны были излагать содержание прочитанного своими словами. Статьи повествовательного содержания излагались без помощи вопросов. По арифметике учащиеся упражнялись в решении устных и письменных задач в пределах тысячи, составлении таблиц мер, были ознакомлены с дроблением и превращением простых и составных именованных чисел, письменным и устным решением дробных чисел.

Как указывает в своей «Отчетной учебной записке...» учитель Н. Крамалей, в учебном процессе он пользовался «дидактическим» методом преподавания, сущность которого, по его утверждению, состояла «в расположении и приспособлении учебного материала применительно к условиям и законам развития детской личности».

В течение всего учебного года, как отмечается в «Записке», поведение учеников было удовлетворительным, серьезных нарушений школьной дисциплины не было.

Одноклассная женская школа была открыта в 1883 г. в Ханской Ставке. В ней обучались 24 казахских девочки. Помощница учительницы в 1891/92 уч. г. здесь занималась преимущественно обучением девочек рукоделию около двух часов после учебных занятий. Кроме того, она вела 2—3 урока в день в младших отделениях школы[35].

Русско-казахская школа в поселке Баскунчак (одноклассная) была открыта в 1895 г. Через четыре месяца в ней уже обучались 50 казахских детей. Интерната при школе не было.

Как указывал инспектор школ Внутренней Орды, успехи учеников были хорошими. Через 20 дней после начала учебных занятий 17 учеников «довольно свободно разбирали и читали слитно все буквы русской азбуки и упражнялись в письме их».

Еще задолго до организации во Внутренней Орде участковых школ по этому вопросу велась оживленная переписка между ордынскими властями, астраханским генерал-губернатором и Оренбургским учебным округом.

Председатель Временного Совета по управлению Внутренней казахской ордой 9 ноября 1862 г. писал астраханскому генерал-губернатору, что Канцелярия Временного Совета считает достаточным иметь в в каждой школе не 25 полупансионеров, а 15. Преподавание всех предметов он предлагал возложить на одно лицо с одновременным возложением на него обязанностей надзирателя школы.

Требование об учреждении участковых школ председатель Временного Совета объясняет « необходимостью вывести народное воспитание из под влияния местных мулл». «На этом основании, — писал он, — мною и предназначалось в участковых школах иметь полупансионеров даже более противу штатного числа воспитанников в здешней централь-

[35] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 171, 1892—1893 гг., д. 2336, лл. 214—215.

ной школе (имелась в виду школа при Ханской Ставке). Последняя в глазах главного ордынского начальства и ей можно дать всегда направление, соответствующее разумным началам. Главное влияние мулл именно в школах, устраиваемых ими в кочевьях. Уменьшение, таким образом, числа полупансионеров в участковых школах может иметь свою невыгодную сторону в отношении скорейшего отстранения этого влияния, тем более, что вольноприходящие будут разве из одних ближайших аулов. Но, чтобы не задерживать и самого начинания настоящей, в высшей степени благодеятельной для Орды меры, долгом поставлю разделить во всем заключение на этот счет Канцелярии»[36].

Как указывается в письме, генерал-губернатор предложил не отводить определенного места для участковых школ, так как по его мнению «они должны устроиться непременно там, где будут назначены отводы для зимнего расположения участковых правителей, иначе школы не принесут ожидаемой от них пользы».

Но участковые правители, как правило, не зимовали в отведенных им при размежевании участках под зимнее и летнее кочевье, а уходили по своим хозяйственным расчетам к морю. Сюда же стягивалась на зимовки большая часть казахских аулов. Кроме того, со сменой правителя каждый раз менялось и место его зимнего пребывания.

4. Старшинские школы

Из приведенных выше данных видно, что участковых школ в Орде было недостаточно, а обучалось в них незначительное число казахских детей. Поэтому, исходя из растущего стремления казахов к образованию, встала необходимость в создании более массовых школ, организация которых не представляла бы особых затруднений. Так возникли (начиная с 1895 г.) во Внутренней Орде старшинские школы. К концу прошлого столетия на каждую часть Орды было по две старшинских школы (всего в Орде было 85 старшинств): 7 школ открылись в конце 1895 г. и 7 — в 1896 г. Первые школы были открыты в следующих более многонаселенных местностях: в Шунгае (Калмыцкая часть), Каракое (2-е старшинство), Толубае (Нарынская часть), Сунали (Горгунская часть), Койган-куле, хуторе Есенбай (Таловская часть) и на Абинском форпосте (Камыш-Самарская часть)[37].

Старшинские школы содержались за счет общественных средств населения, помещались они в кибитках и землянках. Учителями в них были казахи, окончившие двухклассное казахское училище в Ханской Ставке и выдержавшие в Казанской учительской семинарии экзамены на звание «начального инородческого учителя». На содержание старшинских школ ежегодно выделялось по 250 руб. (в том числе на жалованье учителю — 120 руб., наем квартиры — 60 руб., отопление и прочие расходы — 50 руб. и на приобретение учебных принадлежностей и пособий — 20 руб.)

Н. Казанский в статье: «Народное образование в Астраханской губернии»[38], указывая на трудности, переживаемые участковыми школами, а также на невозможность, ввиду разбросанности казахских аулов, организации «походных аульных школ», принявших широкое распространение в Тургайской области и требующих незначительных расходов (на постройку школы — 150 руб., а на годовое ее содержание — 300 руб.,

[36] ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 7, 1865 г., д. 186, лл. 51—54.
[37] «Астраханский вестник», 1895, № 1885.
[38] «Русская мысль», 1898, кн. 8, 10 и 11.

включая зарплату учителя), считал более выгодным для условий Внутренней Орды старшинские школы.

Говоря об успехах в работе старшинских школ, автор писал: «Первый опыт показал, что в старшинские школы киргизы охотно отдают своих детей». В подтверждение автор приводит выдержку из отчета инспектора школ Внутренней Орды за 1895 г., указывающего, что из всех пяти частей и двух округов Орды поступают ходатайства об открытии старшинских школ. Попечитель Казанского учебного округа Попов в своем письме министру народного просвещения от 9 июня 1897 г. тоже указывал на большую заинтересованность казахов в открытии старшинских школ[39].

Но уже в начаче XX в. казахское население начинает убеждаться, что старшинские школы, которые не располагали материальной базой и подготовленными учителями, не могут дать необходимой подготовки учащимся. «Население района моей школы, — писал 15 августа 1909 г. учитель Хатимгали Туменов (ур. Сейтказы Вольтек), — отдает детей охотно в школу. Население не удовлетворяется только типом старшинской школы. Это видно из того, что оно страшно желает отдавать детей в участковую школу, в городские училища и в другие училища»[40].

Одной из основных причин недовольства казахского населения, особенно его беднейшей части, старшинскими школами были материальные соображения, так как в старшинских школах казенных вакансий было очень мало, причем и те часто занимались детьми состоятельных людей. «Бедные киргизы, — писал Х. Туменов, — не могут содержать своих сыновей на свой счет, а казенных вакансий не хватает, ввиду того, что на казенное содержание поступают не только бедные, но и масса богатых».

Наряду с этим он указывает на большое стремление казахов обучать своих детей, на то, что они охотно оказывают школе материальную помощь в отличие от местных властей, относящихся к школьному делу равнодушно. «Население района моей школы, — говорит он, — готово участвовать материально в устройстве и расширении школ.

Я не встречаю большого сочувствия и помощи со стороны административных лиц; отношение их к делу образования и влияние их в этом смысле на население заключается только в сборе денег, положенных по приговорам 1894 г. на содержание школ»[41].

5. Об общем состоянии школ Внутренней Орды

О состоянии учебно-воспитательной работы, учительских кадрах и материальной базе школ Внутренней Орды во второй половине XIX в. нами уже было сказано при описании двухклассных училищ в Ханской Ставке и в селе Большое Ганюшкино, одноклассных училищ и старшинских школ.

Учебно-воспитательная работа в учебных заведениях Орды в целом была неудовлетворительной.

Инспектор татарских, башкирских и казахских школ В. В. Катаринский в своем отчете «О состоянии киргизских школ во Внутренней киргизской (Букеевской) Орде и в Уральской области в учебном и хо-

[39] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1907 гг., д. 272, лл. 117—119.

[40] Рукописный фонд (Западный отдел) научной библиотеки Казанского гос. университета, д. 1660, лл. 6, 7.

[41] Там же, л. 8.

зяйственном отношении» указывал, что основными причинами этого является «недостаток хороших учителей» и то, что русско-казахские школы в течение всего года работают лишь шесть месяцев, т. е. с 1 ноября по 1 мая.

Слабая подготовка учителей, убогость учебных помещений, отсутствие необходимых учебников и учебных пособий и принадлежностей отрицательно сказывались на качестве учебно-воспитательной работы и успеваемости учащихся.

Инспектор народных училищ Внутренней Орды сообщал, что в 1896 г. во всех школах Орды, включая мусульманские, было 90 педагогов —27 учителей, 3 учительницы, 2 законоучителя, 58 вероучителей (включая и заведующих медресе и мектебами). Из них 10 учителей окончили Казанскую учительскую семинарию, 1 — Благовещенскую учительскую семинарию, 2 — духовную семинарию, 2 учительницы учились в Епархиальном духовном училище, 9 человек приобрели право на преподавание по экзамену и 8, не имевших такого права, были временно допущены к исполнению учительских обязанностей. Об образовательном цензе вероучителей сведений нет.

Материальное содержание учителей характеризуется следующими данными:

получали	жалование	по	30 руб.	в год	— 2 учителя,
„	„		60 „	„ „	— 1 „
„	„		70 „	„ „	— 2 „
„	„		78 руб.	66 коп.	— 1 „
„	„		120 „	в год	—15 „
„	„		250 „	„ „	— 6 „
„	„		300 „	„ „	— 4 „
„	„	от 400 до	470 руб.	в год	— 2 „

Учительница Х. Нуралиханова учила детей бесплатно.

Указывая на низкий уровень заработной платы учителей, Н. Леванов писал, что это «не могло служить приманкой для опытных и знающих свое дело лиц», поэтому в школах Внутренней Орды работали только выпускники школы при Ханской Ставке, которые окончили школу «с грехом пополам», плохо владели русским языком и не имели понятия о методике преподавания. «Безграмотные в высшей степени, не имея даже самых элементарных сведений в области науки, — возмущался автор, — эти учителя теряли свое реноме, авторитет учительский, как в глазах детей, ими обучаемых, так и в глазах родителей тех детей, а также всего народа».

Приводя совершенно безграмотную докладную записку учителя Камыш-Самарской школы, автор писал: «Галиматия просто! В то время все почти учителя были подобного же разбора».

Автор соглашается с мнением начальника Внутренней Орды генерал-майора Тверетникова, который в целях подыскания более или менее грамотных учителей, предлагал из семи участковых школ образовать четыре и за счет полученной экономики повысить учителям содержание.

Школы Внутренней Орды, как и в других областях Казахстана, не были обеспечены учебниками и учебными пособиями. Н. Леванов отмечает, что начальник Внутренней Орды, который в 1872 г. ревизовал школы Орды, в своем донесении генерал-губернатору писал: «Я был поражен отсутствием каких-либо учебных пособий! ...В ставочной школе нет ни атласов, ни глобусов, никаких руководящих пособий и таблиц для наглядного обучения. Все пособие заключается в несколь-

ких азбуках московских фабрикаций, где, между прочим, помещены и наши молитвы»[42].

Указывая на отсутствие учебников и учебных пособий в школах Внутренней Орды, Н. Леванов приходит к выводу, что учащиеся «естественно, не могли иметь таких знаний, чтобы быть вполне грамотными и, в известной степени, развитыми людьми. Выучившись кое-как по-русски читать и писать, они поступали в писари к правителям, старшинам, во Временный Совет и уже там, на службе более или менее знакомились с русским языком и становились переводчиками, хотя и не совсем пригодными, но за неимением лучших они были необходимы... Помимо того, что было плохо содержание школ, плохи учителя, — писал он далее, — за школами не было хорошего надзора, у учителей не было смыслящих в педагогике руководителей. Что мог знать Временный Совет Орды, состоящий из чиновников, совершенно не знакомых с делами школы? Какую пользу могли принести правители частей — киргизы, которым вверен был непосредственный надзор над школами? Все эти лица, заправлявшие школами, требовали лишь одного: писарей для себя. Выпускает школа умеющих писать по-русски, хотя бы даже без малейшего понятия о самом языке — и ладно, о большем они не заботились, хотя знали о целях и видах правительства, хотя и проповедывали о том, что им мешают мектебы и медресе. Беспорядок был невообразимый. В иных школах, зачастую по долгим, долгим месяцам, не производилось учение: учителя нужны были или правителям для переписки, или сами они по своему желанию не занимались — взявшись за постороннее, материальную выгоду приносящее дело». ... Такого запустения, какое существовало в киргизских школах, невозможно было встретить нигде, — писал с горечью Н. Леванов. — Полуразвалившиеся здания, недоученные наставники невежественные..., в некоторых школах положительное отсутствие необходимых книг, а в иных даже неимение воспитанников — вот что представлялось глазам инспектора в его первый объезд по школам»[43].

После инспектирования школ Внутренней Орды В. В. Катаринским в 1877 г., пишет Леванов, были предприняты некоторые меры по повышению авторитета учителя и обеспечению школ учебниками и учебными пособиями, были ассигнованы средства на разовое приобретение литературы и отпускалась ежегодная сумма по 40 руб. В 1880 г. каждая школа была в достаточной степени удовлетворена книгами и имела два-три журнала для чтения. Тем не менее Н. Леванов должен признать все же исключительно неудовлетворительное состояние казахских школ. «Вообще надо сознаться — писал он, — что положение киргизских школ более чем безотрадно. Как сначала, во время прежнего управления, так и теперь, когда Министерство просвещения заведует школами непосредственно — дело не движется вперед. Нет средств, нет и пользы. Лучше совсем закрыть такие учреждения, чем воображать при их существовании: «Мы-де дикарей просвещаем, уму их, глупых, учим. Дайте больше средств, поставьте школы в хорошие условия, и тогда цель, положенная в основу школ — непременно достигается», — заключал он.

Это положение не могло не обратить на себя внимание царской администрации. Представляя министру просвещения отчет В. В. Катаринского, попечитель Оренбургского учебного округа 10 декабря 1877 г. писал[44], что он предложил Катаринскому немедленно заменить слабых

[42] Н. Леванов. Киргизские школы в Букеевской орде. «Народная школа», 1883, № 9 и 10.

[43] Там же.

[44] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, 1877—1881 гг., д. 156893.

учителей, устранить экономов во всех казахских школах Орды (за исключением школы в Ханской Ставке) и снабдить школы книгами. Он также обратился к Временному Совету по управлению Внутренней Ордой с просьбой содействовать продлению срока обучения в казахских школах хотя бы на один месяц, внушить казахам, чтобы они не задерживали дома детей позже 1 октября и не забирали их из школ раньше 1 мая.

Но, несмотря на это, положение школ Внутренней Орды оставалось неудовлетворительным. «Что касается народных киргизских школ, — писал А. Н. Харузин, — то один взгляд на них, на эти полуразвалившиеся здания с искосившимися окнами и пробитыми стеклами, показывает, что школьный вопрос далеко не в блестящем положении»[45].

По словам А. Харузина, начальник Внутренней Орды должен был отметить, что помещения школ «сыры, холодны, угарны и неприятны». Износков также отмечал, что «ввиду многолюдства и духоты в небольших помещениях школ приходится уменьшать число наличных учеников». «... Форточек в окнах нет. Моя школа не имеет ни столов, ни двухместных парт, ни скамьи и ни классной доски», — писал учитель старшинской школы № 12 (ур. Сеитказы-Больтек). Из учебных пособий в этой школе, кроме единственной подвижной азбуки, ничего не было.

В таком же плачевном состоянии находились и правительственные школы. Школьные здания не ремонтировались. Они постепенно разрушались и приходили в полную негодность. Правительство не предпринимало необходимых мер, чтобы содержать в надлежащем состоянии восемь школ, находившихся в его непосредственном ведении.

Н. Леванов в 1882 г. писал, что если не будут выстроены здания для четырех школ и не будут отремонтированы остальные четыре, то «Букеевская Орда лишится в этом году своих школ, а через год, много два — не будет иметь ни одной школы»[46].

Он писал, что деньги, отпускаемые на содержание школ, раскрадывались нечестными людьми. Положение детей, находившихся в интернатах, было невыносимым. Все восемь правительственных школ Орды по штату должны были иметь по 20 детей, пользующихся от казны бесплатным питанием, одеждой и общежитием. Но, несмотря на недокомплект интернатов, они не ели досыта. Попечитель учебного округа писал, что при росте цен на продукты, 10 копеек, выделявшиеся ежедневно на каждого ученика, были «положительно недостаточны для удовлетворения самых существенных потребностей по содержанию воспитанников и самих школ, и они, школы эти, действительно терпят во всем крайнюю нужду, особенно в пище, которую за недостатком средств, приходится давать только один раз в сутки и притом в таком недостаточном количестве, что это не может не отражаться вредно на санитарном состоянии воспитанников, лишая их надлежащего питания в том именно возрасте, когда организм требует его для своего развития».

Приведенные факты красноречиво характеризуют плачевное состояние дела народного образования в Букеевской Орде. А. Харузин в своих подсчетах показал крайнюю недостаточность восьми правительственных школ для Орды, насчитывавшей в 1889 г. 236 937 жителей. В среднем одна правительственная школа приходилась на 34 419 жителей. Приняв, что 12 проц. населения составляют дети школьного возраста (всего, таким образом, 28 432 ребенка), он подсчитал, что на каждую школу приходился 4 061 ребенок. Если иметь в виду, что тогда в восьми школах обу-

[45] А. Харузин. Киргизы Букеевской орды, стр. 158—159.

[46] Н. Леванов. Киргизские школы в Букеевской орде. «Народная школа», 1883, № 9 и 10.

чался 181 учащийся, то только 0,5 проц. детей школьного возраста было охвачено обучением. Если число учащихся мусульманских мектебов и медресе принять за 2000, то около 7 проц. всех детей обучалось в мусульманских школах, что в 13 раз больше, чем в правительственных русско-казахских школах. «За Уралом эта разница выступает еще резче, — писал А. Харузин. — Школьный вопрос в Букеевской Орде поставлен крайне плохо. Сама Ханская Ставка, центр управления Орды, не имеет даже маленькой библиотеки для служащих русских чиновников и представляет верх отсутствия всякого просвещения»[47].

Следует отметить, что еще в 1862 г. председатель Временного совета по управлению Внутренней Ордой, обосновывая необходимость учреждения при казахской школе в Ханской Ставке школьной библиотеки, писал Оренбургскому генерал-губернатору: «Служащие в Совете русские чиновники, преимущественно из получающих небольшое содержание, при отсутствии здесь всяких пособий к умственному и нравственному самообразованию и развитию все свободное время от службы проводят также в праздности и бездействии, что влечет за собой другие более нетерпимые наклонности и привычки». Он указывал, что даже выпускники Оренбургского кадетского корпуса, прибывающие на службу в Орду в качестве переводчиков, ничего не читают, забывают даже то, чему учили их в корпусе, и, кроме того, «усваивают себе общее всем должностным ордынцам направление, которому нельзя сочувствовать»[48].

Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Безак, по просьбе председателя Временного Совета, разрешил учредить библиотеку при казахской школе, ежегодно отпуская 75 руб. на приобретение светской литературы и 25 руб. — литературы «духовного содержания...».

Сама дислокация правительственных школ не отвечала потребностям населения. Большинство школ было сосредоточено на окраине Орды в районе Волги, а во внутренней части Орды их совершенно не было.

Н. Казанский, анализируя данные о количестве школ и учащихся во Внутренней Орде за 1883—1894 гг., указывал на отсутствие какого-либо роста школ и учащихся в них. Говоря о необходимости обучения казахского населения русскому языку и о росте числа казахов, желающих отдавать своих детей в подведомственные Министерству народного просвещения школы, а также о больших затруднениях в сборе средств с населения по приговорам, автор предлагал увеличить отпуск средств на устройство школ Министерством народного просвещения.

За необходимость увеличения числа государственных школ высказывались и официальные представители царской администрации. Так, например, астраханский губернатор генерал-майор Яновский 15 октября 1882 г., ссылаясь на уведомление председателя Временного Совета по управлению Внутренней казахской Ордой Твертинова, писал попечителю Оренбургского учебного округа: «В настоящее время привлекать киргизов к каким-либо денежным сборам на исправление школ не представляется возможным ввиду обеднения их и состоящего на них долга, образовавшегося от неуплаты ими податных недоимок и денежных ссуд...» Поэтому, поддерживая мнение председателя Временного Совета, он считал возможным переустройство ордынских школ проводить только за счет казны. Он высказался также против сокращения школ путем их объединения, так как казахское население не сможет посылать своих детей в дальние школы. Далее приводятся возражения против перевода казахских школ в русские села и обучения казахских детей совместно с русскими. По его мнению, «ни один киргиз не согласится

[47] А. Харузин. Указ. работа, стр. 158—159.
[48] Гос. архив Оренбургской области, ф. 6, д. 7887, л. 1.

развивать умственную деятельность своего ребенка в ущерб религиозной». Он считал, что причиной, побуждавшей казахов отдавать своих детей в правительственные школы, является «материальный расчет», так как ребенок, находясь в школе в течение трудных для казахов зимних месяцев, «имеет теплую одежду, хорошую пищу и теплую квартиру, чего киргизы в своем кочевом быту в это время доставить не могут... И если лишить их этого, закрыть им некоторые школы, — говорит он дальше, — то безошибочно можно сказать, что киргизы предпочтут учить своих детей не в русских школах, а у себя дома в мусульманских, которые, по их понятиям, дают результаты более благотворные для жизни мусульманина, так как по выходе из них молодые люди могут читать толкование корана и другие религиозные книги на татарском языке, а также могут сноситься по торговым делам с своими единоверцами на своем народном наречии. Русская же школа, игнорируя изучение не только татарского, но даже и родного киргизского языка, теряет в глазах киргизов свое значение[49]».

Чтобы усилить русское влияние на казахское население, автор письма считает необходимым увеличить число русских школ, включить в их программу изучение казахского языка и магометанского вероучения. Кроме того, он рекомендовал при школах создавать огороды, знакомить детей с обработкой животноводческих продуктов и земледелием. Он рекомендовал также засевать силами учащихся несколько десятин земли, что, по его мнению, крайне необходимо ввиду большого стремления казахов к земледелию. Он подчеркивал, что казахское население, не имея опыта в земледелии, отдает свои земли русским, лишаясь, этим самым, половины или двух третей урожая. Поэтому при введении практических занятий по сельскому хозяйству «правительственные школы имели бы громадное значение в глазах кочевников, и при улучшении их экономического состояния они могли бы принять содержание школ на свои средства».

Спустя 17 лет, 12 августа 1899 г., директор народных училищ Астраханской губернии сообщал инспектору народных училищ Внутренней Орды, что «особенно заметно стало сочувствие крестьян к сельским школам со времени введения при них практических сельскохозяйственных занятий на специально отведенных для этой цели участках земли»[50].

Как видно из вышеизложенного, царская администрация кое-что сделала для введения в школах Внутренней Орды практических занятий по сельскому хозяйству. Однако пока мы не располагаем необходимыми данными о том, как и в каких масштабах эти занятия проводились.

Как было указано выше, Внутренняя Орда сначала была подчинена в административном отношении Тургайскому областному правлению, но затем в территориальном и административном отношениях она входила в состав Астраханской губернии, а в учебно-административном — в состав Оренбургского учебного округа.

Астраханский генерал-губернатор в 1892 г. внес в Министерство внутренних дел предложение о подчинении школ Внутренней Орды Казанскому учебному округу, в ведении которого находилась учебная часть Астраханской губернии. 5 января 1893 г. Комитет министров по представлению Министерства народного просвещения, несмотря на возражения попечителя Оренбургского учебного округа, принял это предложение[51].

---

[49] ЦГА КазССР, ф. 59, оп. 1, д. 23, лл. 7—9.

[50] Там же, д. 102, л. 23.

[51] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 172, 1892—1893 гг., д. 280. «Департамент народного просвещения».

В 1879 г. все восемь правительственных русско-казахских школ были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Тогда же была учреждена должность инспектора для школ Внутренней Орды (им был назначен А. Е. Алекторов; впоследствии его сменил Воскресенский).

Заканчивая изложение существа вопроса, мы можем сделать следующие выводы:

1. Русско-казахская школа, открытая в 1841 г. в Ханской Ставке, являлась первой правительственной школой этого типа на территории Казахстана. Несмотря на то, что первоначальная цель учреждения этой школы была весьма ограниченной, объективно эта школа сыграла известную положительную роль в некотором развитии просвещения во Внутренней Орде и в частности в подготовке учителей для старшинских школ.

2. Эта школа была первым опытом царской администрации в учреждении «русско-туземных» школ в Казахстане. Только оценив опыт школы в Ханской Ставке, царское правительство начало открывать в крае и другие русско-казахские школы. Говоря иначе, русско-казахская школа в Ханской Ставке в некоторой степени явилась прототипом русско-казахских школ, открытых впоследствии царским правительством как в самой Внутренней орде, так и в других частях Казахстана, особенно после административных реформ 1867—1868 гг.

3. Участковые русско-казахские школы, несмотря на их малочисленность, явились для своего времени учебными заведениями наиболее приемлемого типа и пользовались поддержкой со стороны казахского населения.

4. Рост потребности казахского населения в образовании подрастающего поколения и недостаточность правительственных участковых одноклассных русско-казахских школ привели к организации старшинских школ. Но, несмотря на некоторый успех этих школ в начале их учреждения, впоследствии, ввиду недостаточной материальной базы и слабой учебно-воспитательной работы в них, низкого уровня подготовки учителей, а также недостаточного количества стипендий, тяга казахского населения к этим школам начала постепенно ослабевать.

5. Следует также отметить, что в связи с организацией во Внутренней Орде русско-казахских школ, замечается некоторое сокращение числа мусульманских школ и числа учащихся в этих школах. В то же время наблюдалось некоторое ослабление влияния мусульманских школ и духовенства на казахское население Орды, особенно на подрастающее поколение.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
1961 АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР Том 11

Г. ЕСЕНГАЛИЕВА

О РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ПЕРЕРАБОТКЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ В СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Колонизаторская политика царизма имела своей целью превращение Казахстана в рынок сбыта и источник сырья для российской промышленности.

Со второй половины XIX в. Казахстан более интенсивно, чем это было раньше, втягивался в обмен товаров в интересах торговли и облегчения перевозок сырья в метрополию; вместе с тем русские купцы и промышленники стали основывать в Казахстане предприятия по первичной обработке продуктов скотоводства: шерстомойки, салотопенные и пивоваренные, свечные, кишечные, овчинные, маслобойные, клееварочные и кожевенные заводы. В результате, хотя Семипалатинская область в конце XIX — начале XX вв. была в промышленном отношении, как и Казахстан в целом, одной из отсталых окраин царской России, но промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья развивалась довольно интенсивно.

Российский рынок нуждался в селькохозяйственном сырье как в необработанном, так и полуобработанном виде. Некоторые виды этого сырья, например, шерсть, кожи, выдерживали перевозки на далекие расстояния после небольшой их обработки и даже в необработанном виде.

В табл. 1 приводятся данные по Семипалатинской области о количестве предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и рабочих в них в 1885—1890 гг.[1]

Таблица 1

Годы	Число заводов в области	% к 1885 г.	Стоимость произведенной продукции	% к 1885 г.	Количество рабочих	% к 1885 г.
1885	72	100	234752	100	553	100
1886	63	87	232667	94	388	71
1887	72	100	236816	101	341	61
1888	63	87	2·0147	98	269	48
1889	67	93	243689	103	227	41
1890	83	115	745466	313	543	98

[1] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 299, лл. 1—14; д. 2965, лл. 3—16; д. 338, лл. 4—20; д. 4842, лл. 2—24; д. 61, лл. 7—10; д. 3104, лл. 2—18—25;

Эти предприятия производили преимущественно такие продукты, выработка которых отличалась большой простотой и не требовала сложного и дорогостоящего оборудования.

В архиве сохранились ведомости[2] фабрично-заводских предприятий Семипалатинской области за 1888 г., которые представляли сведения лишь о 24 предприятиях. В этих ведомостях приводятся данные о количестве рабочих, о числе чанов, о сумме производства за год, о месте сбыта изделий и т. д. (см. табл. 2).

Здесь значится 10 кожевенных, 7 салотопенных, 3 мыловаренных, 2 пивоваренных, 1 винокуренное и 1 овчинное предприятие. В них работало 154 рабочих, а стоимость годовой продукции составляла 172 043 руб.

Из таблицы видно, что купцам принадлежало 14 предприятий, мещанам — 7. Остается, правда, невыясненным, куда отнести трех владельцев предприятий — Андреева Е., Пермитина Н., Теплоухова Е., которым в совокупности принадлежал капитал в 14 250 руб. Но даже если причислить их к купцам, то это не изменяет вывода. На 24 предприятиях, указанных в ведомости 1888 г., господствующее положение в производстве занимают купцы и мещане; капитал у первых составил 138 253 руб., у вторых — 19 540 руб.[3]

Как видно из данных таблицы, наличие на некоторых предприятиях свыше 3—5 наемных рабочих уже свидетельствует о том, что владельцы их имели некоторые средства для расширения своего производства. Постепенно эти предприятия укрупнялись. Но в некоторых случаях попытки предпринимателей, не обладающих достаточным капиталом, расширить свое производство кончались для них полным разорением и потерей роли самостоятельных товаропроизводителей.

В области имелись предприятия, на которых работало по 6—10 рабочих. Хотя они и составляли меньшинство в общем числе заведений, однако здесь концентрировалась большая часть рабочих и большая доля общей стоимости продукции. Так, по данным вышеуказанной таблицы, на 9 предприятиях было 116 рабочих (из 149) и 129 028 р. 88 к. от стоимости продукции (из 172 043 р. 88 к.), или 74,9 проц. всей суммы продукции. На долю остальных 15 мелких заведений приходилось лишь 25,1 проц. всей стоимости продукции.

Заготовка сырья и сбыт продуктов этими предприятиями производились преимущественно в казахских аулах. Например, в ведомости о кожевенных заводах, находившихся в Усть-Каменогорском уезде, сообщается: «Заводы приобретают сырые кожи в киргизских волостях и изделия свои сбывают киргизам»[4]. Семипалатинский купец 2-й гильдии татарин Ибрагим Абдышев сбывал выделанные кожи и сало в г. Семипалатинске[5].

Систематическое применение на предприятиях перерабатывающей промышленности наемного труда, укрупнение мелких заведений и разорение маломощных свидетельствуют о том, что мелкие ремесленно-кустарные предприятия области постепенно превращались в капиталистические, что соответствовало основной тенденции мелкого производства, которое, по словам В. И. Ленина, *«клонится к все большему употреблению наемного труда, к образованию капиталистических мастерских»*[6].

---

[2] «Ведомость» фабрично-заводских предприятий составлялась на каждое предприятие, действовавшее в то время, для их учета промышленных предприятий и сбора с них налога.

[3] Государственный архив Омской области, (ГАОО), ф. 3, 1881, д. 3484, лл. 37—38.

[4] Там же.

[5] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4842, л. 13 и об.

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 303.

Под влиянием роста торгово-ростовщического капитала и развития мелкой крестьянской промышленности и других причин в конце XIX в. в Семипалатинской области усилилось расслоение крестьянства и выделение из него сельской буржуазии, часть которой вкладывала средства в развитие мелкого производства и бедноты, продающей свою рабочую силу. Вместе с тем происходило разорение владельцев мелких предприятий и выделение более крупных, что соответствовало первоначальному этапу капиталистического развития в обрабатывающей промышленности области.

К 1890 г. на некоторых предприятиях Семипалатинской области производство расширилось[7] (см. табл. 3).

Таблица 3

Наименование заводов	Фамилия владельцев	Стоимость годовой продукции	
		1888 г.	1890 г.
Винокуренный	Плещеев Ф. и К°	43958	475200
Пивоваренный	Арефьев В. М.	17000	18000
Мыловаренный	Джолдыбаев Т.	2000	2128
Кожевенный	Он же	—	6000
Салотопенный	Баймуратов	1050	2380

Многие предприятия были основаны преимущественно после реформы. 90-е годы характеризовались ростом предприятий в области. В архиве обнаружена ведомость за 1890 г., в которой содержатся сведения о 29 предприятиях, расположенных в городах и уездах Семипалатинской области. По этим сведениям можно точно судить о времени возникновения этих 29 предприятий области. Одно из них было основано в 70-е, пять— в 80-е и 23— в 90-е годы[8].

Эти предприятия в основном были расположены в городах и их окрестностях. В их числе были 14 кожевенных, что составляет 49 проц.

Кожевенные заводы в Семипалатинской области появились в 50-х годах XIX в. Старейшим из них являлся завод купца В. Н. Проскурякова, построенный в 1855 г. в Кулуджунской волости Усть-Каменогорского уезда. На заводе было 4 рабочих, из которых 1 мастер — русский и 3 наемных рабочих — казаха. Завод вырабатывал в год 1846 кож на сумму 11560 руб.[9] Постепенно количество этих заводов росло и в конце XIX в. в Семипалатинской области насчитывалось 23—24 кожевенных предприятия, на которых было занято 111 рабочих. В 1897 г. в Семипалатинске было 6, в Усть-Каменогорске и его уездах 11, в Павлодаре 6 кожевенных заводов.

Кожевенный завод И. С. Касаткина в Усть-Каменогорске имел 9 рабочих. Этот завод вырабатывал 1895 кож в год. Изделия сбывались на местном рынке[10].

Другое кожевенное предприятие, принадлежавшее купцу-казаху Темирше Джолдыбаеву в Зайсане, вырабатывало 1000 кож в год на сумму 6000 руб. На заводе было трое рабочих и один мастер, которые

[7] Таблица составлена на основании ведомости за 1890 г. ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4842, л. 6, 8, 13, 17; д. 3104, лл. 2, 8, 9, 25, 26.
[8] Там же.
[9] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4034, лл. 168—169.
[10] Там же, д. 3104, л. 17 и об.

при двенадцатичасовом рабочем дне получали по 5 руб. в месяц. Работа на заводе продолжалась круглый год. Товар сбывался преимущественно на базаре в Зайсане[11] и использовался главным образом для пошива местной обуви.

Кожевенный «завод» казаха Бекпау Балабаева, расположенный в Таргынской волости Усть-Каменогорского уезда, вырабатывал в год всего 100 кож на сумму 375 руб.[12], а «завод» купеческого сына И. П. Гусева, находившийся в урочище Карабулак Усть-Каменогорского уезда, вырабатывал 67 кож в год на сумму 134 руб.[13]

Техническое оборудование кожевенных предприятий находилось на низком уровне. Например, в Семипалатинской области на заводе Т. Джолдыбаева имелись: 1 водяной двигатель, 3 чана, 2 зольника, на заводе Е. Щеглова — 1 конная толчея в две лошадиных силы, 5 чанов и 2 зольника[14].

В обзоре Семипалатинской области за 1897 г. указывается: «Кожевенные заводы устроены на один манер. Отделения для золки, дубления и очистки кож и окончательной отделки их соединяются в одном здании, около десяти квадратных саженей внутреннего пространства, при высоте здания около 3 арш. Зольные и дубильные чаны находятся под полом здания, очистка и отделка кож производится в самом здании, а сушка во дворе. Не все кожевенные заводы производят дубление кож. Способ выделки кож от начала до конца — ручной, мойка и вымочка их производится в реках и озерах»[15].

Кожевенные заведения работали на местном сырье. В качестве подсобного материала в производстве применялись известь, соль, дубильные вещества, квасцы, отруби, ячмень и др. Что же касается орудий труда, инструментов и посуды, то они были архаическими. Основную роль играл чан, в котором кожи обрабатывались руками и ногами.

Главная масса выработанной кожи шла на обувь.

В конце XIX в. на территории Семипалатинской области действовало несколько мелких овчинно-шубных предприятий. Они сосредоточивались в городах: в Семипалатинске — 3 и Усть-Каменогорске — 2. На них было занято 16 рабочих, а стоимость продукции составляла 4000 руб.

Одной из отраслей мелкой промышленности, занятой переработкой продуктов скотоводства, являлось производство мыла и сальных свеч. Предприятия, вырабатывавшие эти продукты, обычно работали в тесной связи друг с другом. Они начали появляться в области в пореформенную эпоху, в 70—80 годах XIX в. Принадлежали они купцам и мещанам. Например, купец 2-й гильдии казах Темирше Джолдыбаев был владельцем мыловаренного заведения (он же владелец и кожевенного завода). Его заведение, на котором трудились двое рабочих, изготовляло в год 560 пудов хозяйственного мыла на сумму 2128 руб. Рабочий день здесь длился 12 часов, размер заработной платы составлял 5 руб. в месяц. Мыло сбывалось в Зайсанском посту.

Как видно из этого примера, заводы по переработке животноводческих продуктов основывались и представителями местных казахских купцов. Так, салотопенный завод казаха Юсупа Кунакбаева, расположенный на городском выгоне г. Семипалатинска, изготовлял 1500 пудов сала стоимостью 3800 руб. Работало здесь 5 рабочих, один из них — под-

[11] Там же, л. 25 и об.
[12] Там же, л. 23 и об.
[13] Там же, л. 22 и об.
[14] Там же, л. 18.
[15] «Обзор Семипалатинской области за 1897 г.» Семипалатинск, 1898, стр. 14.

росток. Сало закупалось у казахов Семипалатинского уезда в сыром виде. Завод работал только осенью, во время забоев скота. Сезонными были работы и на всех других салотопенных и свечных предприятиях. Как правило, работа начиналась «весною в апреле и мае, продолжалась осенью в сентябре и октябре и затем во время забоев, т. е. казахского согума, в ноябре и декабре»[16].

Из стоимости готовой продукций и численности рабочей силы видно, что мы имеем здесь дело с небольшими предприятиями.

В 1897 г. на территории Семипалатинской области действовало 6 мыловаренных и салосвечных предприятий, на которых было занято 10 рабочих, а стоимость произведенной продукции составляла 7400 руб.[17] Эти мелкие предприятия изготовляли простое хозяйственное мыло и сальные свечи. Производство было рассчитано на местное потребление.

На основе развития животноводства в Казахстане создавались шерстомойные заведения. Это были предприятия в основном кустарного типа, на которых производилась лишь первичная переработка шерсти (мойка). Шерсть шла на выделку сукон, поэтому она почти целиком отправлялась на крупные суконные фабрики России.

Шерстомойные предприятия работали преимущественно летом в среднем 3—5 месяцев в году (с июня до начала сентября)[18]. Торговому дому братьев М. и В. Асеевых принадлежало несколько шерстомойных заведений в Семипалатинской области. Они же открывали шерстомойные заведения в Семиреченской области. Купец Садык Мусин, владелец нескольких промышленных заведений в Семипалатинской области, имел шерстомойки также и в Семиреченской области. Такие предприятия были в Верном, Сергиополе, в с. Попутное. Все они в основном поставляли сырье суконной фабрике военного ведомства. Шерстомойные заведения по оборудованию были наиболее отсталыми среди предприятий по обработке продуктов животноводства. Начиная с 1893 г., в области стали открываться небольшие маслодельные предприятия. В 1893 г. было 2 маслобойни, а в 1897 г. их стало 8. На них было занято 24 рабочих, продукция оценивалась в 800 рублей[19]. Это были небольшие плохо оснащенные предприятия. Масло частично реализовывалось на рынках области, а частью вывозилось.

Большинство предприятий по обработке продуктов скотоводства по числу занятых рабочих, объему выпускаемой продукции и своему техническому оснащению еще не выходило за рамки кустарных предприятий. В них преобладали разрозненные, обособленные производители, которые работали и по заказам, и для продажи на рынок.

Предприятий по переработке зерна в Казахстане было довольно много, но это были незначительные заведения, в основном мукомольные. Во второй половине XIX в. в Семипалатинской области были мельницы трех основных типов: конные, водяные и ветряные. Мука большею частью потреблялась на месте.

По данным обзора областного статистического комитета за 1899 г., в Семипалатинской области было 714 мельниц. Из них 631 принадлежала русским и представителям других национальностей, а 83 — казахам. Работало 331 ветряная, 242 водяных и 58 конных мельниц все на одном поставе. На трех поставах было всего 14 мельниц[20]. Предполагать при этих данных наличие более или менее значительного числа мощных

[16] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 3104, лл. 5, 7 и об.
[17] «Обзор Семипалатинской области за 1897 г.» Семипалатинск, 1898, стр. 10.
[18] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, л. 165.
[19] «Обзор Семипалатинской области за 1897 г.» Семипалатинск, 1898, стр. 16.
[20] А. Смирнов. Куяндинская ярмарка. Семипалатинск, 1924, стр. 31.

мельниц не приходится. Мукомольные мельницы имелись во всех городах и в некоторых поселках и станицах. Их техническое оборудование было очень примитивным.

Мельницы в основном обслуживали городское население. В аулах все, за исключением крупных баев, обходились обычно своими ручными мельницами. Развитию мукомолья способствовало увеличение числа переселенцев и рост городского населения. Это приводит к расширению посевных площадей зерновых культур и созданию рынка для сбыта муки.

К концу XIX в. в Казахстане появляются более крупные мельницы с паровыми двигателями. В Семипалатинске первая паровая крупчатная мельница была построена в 1894 г. товариществом М. А. Красильнов и К°. На ней было 40 рабочих, стоимость ее годовой продукции составляла 54 277 руб.

В последующие годы были построены еще 3 крупчатных мельницы (одна в 1897 г. торговым домом Плещеева и К°, в 6 верстах от г. Семипалатинска, вторая в 1899 г. была основана М. С. Мусиным, третья — т-вом Ядрышникова и К°). В 1898 г. 4 паровыми мельницами в Семипалатинской области было намолото зерна на 704 014 руб. Число рабочих на них достигало 166, в том числе 11 женщин.

Таким образом, в 90-х годах в Семипалатинской области главенствующим типом были мелкие мельницы, работавшие на заказчика, и лишь в самом конце XIX в. появились мукомольные предприятия более значительной мощности, работавшие в основном на рынок.

Пивоварение, начавшее распространяться во второй половине XIX в., также не отличалось крупными размерами. В 1888 г. в Семипалатинской области было 2 пивоваренных предприятия, на которых работало вместе с мастерами 15 человек. Стоимость продукции этих заводов составляла 25 тыс. руб. В 1896 г. их стало три, а стоимость продукции достигла 59810 руб. Приемы изготовления пива и вся техника пивоварения были чрезвычайно примитивными, отсталыми. Ни на одном из пивоваренных заводов не было паровых котлов, пиво варили так называемым огневым способом, т. е. при помощи топок, расположенных под варочными котлами.

Иные черты носило винокурение, имевшее своей основой, как известно, исключительно зерновые хлеба: пшеницу, рожь, овес. В Семипалатинской области было 5 винокуренных заводов. Первый винокуренный завод был построен в станице Семипалатинской пермским купцом Поклевским. В 1876 г. стоимость продукции, выпускаемой этим винокуренным заводом, составляла 242 070 р. 52 к. На заводе было 67 работников, в том числе 8 мастеров и 9 плотников. В течение года на заводе было изготовлено 25481 ведро спирта. Спирт вывозился в Семипалатинск, Павлодар, в Семиреченскую область и в Бийский округ. Хлеб для спиртоварения завод получал из Бийского округа[21].

В 1882 г. был построен еще один винокуренный завод в 6 верстах от г. Семипалатинска на ключе Безыменном торговым домом «Прокопий Плещеев и К°», впоследствии именовавшийся Знаменским винокуренным спиртоочистительным заводом № 20 того же торгового дома. В 1883 г. здесь работало 99 рабочих. В течение года здесь производилось 31045 ведер спирта, стоимостью 136 598 руб.[22]

Еще при царе Алексее Михайловиче в 1649 г. был введен «питейный налог» в пользу казны. В 1863 г. была введена новая акцизная система по обложению спиртных напитков, которая заменила собой откуп. Сущность ее состояла в свободе торговли спиртными напитками и в обложе-

[21] ГАОО, ф. 3, 1881, д. 3485, лл. 6—9.
[22] ЦГА КазССР, ф. 64. оп. 1, д. 4034, лл. 128—174.

нии акцизом производства водки и пива , а также мест их продажи «питейный сбор»[23]. А в 1895 г. акцизная система обложения спиртных напитков была заменена казенной винной монополией. Это было одним из мероприятий царского правительства по увеличению государственных доходов.

В Западной Сибири производство спирта было превращено в государственную монополию в 1905 г. «В этот период Западная Сибирь делилась на два акцизных управления: Тобольско-Акмолинское и Томско-Семипалатинское. Последнее в области винокуренного производства занимало значительное место. Томско-Семипалатинское акцизное управление по величине своих монопольных операций представляет значительно большую половину Западной Сибири и большую треть всей Сибири»[24]. По «Положению о казенной продаже питей» от 6 июня 1894 г. каждый завод должен был поставить в казну пять тысяч ведер сорокаградусного спирта.

Водочные изделия, производившиеся в Семипалатинской области, в основном находили сбыт в пределах самой области. Но небольшая часть их вывозилась в Бийский и Барнаульский округа.

На этих заводах имелись ректификационные аппараты. Данные показывают, что на спиртовых и винокуренных заводах были зачатки механизации, так как по самой технологии производства они должны были иметь паровые котлы и машины. Но большинство винокуренных заводов Казахстана предварительно размалывало зерно в муку и запаривало ее в примитивных, з а т о р н ы х чанах. Эти предприятия были заведениями средних и крупных размеров. Типичной особенностью винокуренного производства была сезонность работы.

Данные предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья показывают, что в конце XIX в. в Семипалатинской области кустарное производство капиталистического типа имело широкое распространение и некоторые виды его были связаны с сельским хозяйством.

Продукция названных предприятий носила товарный характер; имелись, конечно, среди них и предприятия, продукция которых шла на удовлетворение по преимуществу нужд самих производителей, и все же это, во всяком случае частично, уже было мелкое товарное производство. Это тем более следует отметить что в те годы значительная часть производителей в Семипалатинской области была занята в патриархально-замкнутых хозяйствах.

Все вышеупомянутые отрасли производства, за исключением винокуренного и кожевенного, не всегда отделялись от скотоводческого хозяйства и большей частью играли в нем подсобную роль. Все эти «фабрики и заводы» были ничем иным, как более или менее крупными мастерскими, основанными на ручном труде. Они работали для узкого внутреннего рынка и поэтому развивались медленно.

Народнохозяйственное значение указанных предприятий было небольшое. В. И. Ленин писал, что «...общественно-экономическое значение мелких предприятий еще гораздо *меньше* в действительности, чем можно судить по доле этих предприятий, например, в общем числе рабочих. Рабочий год в этих предприятиях настолько короче, чем в крупных, что доля производства в них должна быть совсем ничтожна»[25].

---

[23] И. Я. В е с е л о в и А. С. Ш а т х и н. Развитие пивоваренной промышленности в СССР. М., 1955, стр. 23.

[24] К. А. К о л о к о л ь н и к о в. Развитие монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью в связи с историей винной монополии в Сибири. Томск, 1914, стр. 4.

[25] В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 244.

Итак, обрабатывающая промышленность Семипалатинской области в конце XIX в. развивалась медленно, и объем ее продукции в основном определялся местными потребностями. Техника производства продолжала оставаться на низком уровне. Она носила полукустарный характер, являясь в известной мере подсобной отраслью земледелия и скотоводства.

Начало XX в. в России было переломным моментом в развитии капитализма, началом его перерастания в империализм.

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Империализм как высшая стадия капитализма» указывает: «Для Европы можно установить довольно точно время *окончательной* смены старого капитализма новым: это именно — начало XX века»[26].

Казахстан, являясь одной из отсталых окраин Российской империи, был аграрно-сырьевым придатком русского империализма, рынком сбыта для российской промышленности и одновременно сферой приложения крупных капиталов, устремившихся в Казахстан в первое десятилетие XX в.

Эти капиталы в известной степени способствовали развитию производительных сил края. В Казахстане развивалось промышленное производство. В. И. Ленин пишет, что в эпоху капитализма «...колонии втягивались в обмен *товаров,* но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала.* Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»[27]. Эти слова В. И. Ленина справедливы и в отношении Казахстана как колонии России. Условия приложения капитала были здесь особенно благоприятными. Наличие обширных земель, возможность строительства железных дорог, богатство недр и естественных ресурсов, дешевая рабочая сила, изобилие местного сырья— все это было налицо и сулило капиталистам максимальные прибыли.

Большое значение для развития капиталистических отношений в Казахстане имела постройка Сибирской железной дороги. Сооружение этой магистрали было тесно связано с процессом развития капитализма вширь, с распространением сферы его господства на окраины России.

Сибирская железная дорога открыла широкую возможность как для сбыта промышленных изделий на рынках Казахстана, так и для вывоза из Казахстана продуктов скотоводства и земледелия. Средняя годовая погрузка мяса на станциях Сибирской магистрали, прилегающих к казахским степям, составила в 1901—1904 гг. около 1,7 млн. пудов, в 1907 — 1910 гг. — около 2 млн. пудов, а в 1912 г. — 2,5 млн. пудов. Отгружалось живого скота: в 1906 г. — 25 тыс., в 1910 г. — 106 тыс. и в 1912 г. — 84 тыс. голов[28].

Оживление экономической жизни в Семипалатинской области и особенно постройка Сибирской железной дороги способствовали развитию и речного транспорта. Главной водной артерией являлась р. Иртыш. В 1901 г. было образовано пароходное товарищество для плавания из Семипалатинска на Черный Иртыш. В 1911 г. по Иртышу курсировало 73 парохода, которые принадлежали пароходным кампаниям: «Западно-Сибирское т-во пароходства и торговли», «Русско-китайское общество пароходства и торговли», «Торговый дом, Плотников М. и с-я», «Торговый дом, Корнилов И. Н. и наследники», «Т-во бр. Нобель» и т.д.[29]

[26] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 188.
[27] Там же, стр. 323.
[28] Сельское хозяйство и промышленность дореволюционного Казахстана. «Большевик Казахстана», 1940, № 9, стр. 44.
[29] Б. В. Волков. Торговля. Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении. СПб, 1912, стр. 257—258.

В 1908—1909 гг. только из Павлодара и Семипалатинска по Иртышу сплавлялось 4—4,8 млн. пудов хлебных грузов[30]. Постройка Сибирской железной дороги, рост иртышского пароходства, проникновение промышленных товаров в глубь казахской степи способствовали развитию обрабатывающей промышленности. Это приводило к ломке патриархально-феодальных отношений в сельском хозяйстве и подрыву натурального хозяйства казахов, создавало предпосылки для развития капитализма.

Промышленность в Семипалатинской области продолжала развиваться за счет переработки сельскохозяйственного сырья. Таблица покажет рост промышленного производства за первое десятилетие XX века[31].

Таблица 4

Годы	Число предприятий	Количество рабочих	Сумма произведенной продукции, руб.
1900	80	701	720967
1905	89	854	1823816
1910	158	1800	4944064

За 10 лет число предприятий увеличилось на 97 процентов, сумма произведенной продукции — на 585 проц., а число рабочих на 56 процентов. В 1910 г. сумма произведенной продукции в среднем на одно предприятие по отношению к 1900 г. увеличилась в 3,47 раза, стоимость продукции в среднем на 1 рабочего — в 2,68 раза, а среднее число рабочих на одно предприятие — 1,3 раза.

Промышленность оставалась в полной зависимости от капитала метрополии. Казахстан, как и другие окраины России, являлся объектом приложения капитала и жестокой эксплуатации рабочих. Дешевизна рабочей силы и сырья привлекла сюда не только русских, но и иностранных капиталистов. Больше всего капиталов направлялось в горнозаводскую промышленность, которая давала огромные прибыли; частично вкладывались средства и в обрабатывающую промышленность.

В. И. Ленин писал, что «возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.»[32] Это высказывание В. И. Ленина подтверждается фактами, относящимися и к Казахстану. Приложение иностранного капитала и капитала метрополии в Казахстане имело место и раньше. Но на первом этапе капитал метрополии еще не вмешивался здесь активно в производство, а ограничивался скупкой и продажей продукции при посредстве местных купцов. В эпоху империализма дело существенно меняется. Русская буржуазия начинает вкладывать капиталы и в промышленность. Царизм, находясь в зависимости от иностранного капитала, открыл доступ ему не только в русскую промышленность, но и к богатствам колониальных окраин. Французский и американский капиталы вторглись в наиболее прибыльные отрасли промышленности Казахстана — добывающую и горнозаводскую.

---

[30] Там же, стр. 257—258.

[31] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, лл. 100—105; д. 472, лл. 20—36, ф. 64, оп. 1; д. 5895, лл. 19—40.

[32] В. И. Ленин. Соч. т. 22, стр. 229.

В первом десятилетии XX в. в городах Семипалатинской области открывается несколько обществ взаимного кредита, обслуживавших в основном среднюю и мелкую торгово-промышленную буржуазию, которой отделения крупных коммерческих банков обычно отказывали в кредитах. Эти общества так же, как и отделения акционерных коммерческих банков, принимали вклады и выдавали ссуды в форме учета векселей, кредитов под ценные бумаги и товары и т. п. Отличие обществ взаимного кредита от отделений акционерных банков заключалось в том, что собственный капитал обществ образовывался из паевых взносов их членов. Но по уставу члены его имели право пользоваться кредитом в размере, в несколько раз превышающем их паевой взнос.

В Семипалатинске общество взаимного кредита открылось в июне 1913 г.[39] К концу 1913 г. в обществе состояло уже 153 члена с кредитом на сумму 177450 руб. 68 членов общества являлись представителями торгово-промышленных слоев населения, сумма их кредитов составляла 104250 руб.[40] Число членов общества и сумма оборотов увеличивались из года в год. Уже к концу 1915 г. в обществе взаимного кредита в Семипалатинске сумма кредитов с векселями, открытыми вкладчиками, составляла 447450 руб. Из 316 членов общества 154 представляли торгово-промышленное население, а сумма их кредита достигла к концу 1915 г. 265400 руб.[41]

Общества взаимного кредита открывались и в других городах Семипалатинской области. Например, в мае 1913 г. такое общество было образовано в Усть-Каменогорске. К концу 1913 г. оно состояло здесь из 135 членов с суммой кредита 166900 руб., из которых доля 56 торговцев и промышленников составляла 97350 руб.[42]

В первые годы своего существования банки кредитовали ремесленников, мелких торговцев и местных купцов. Впоследствии они прекратили им кредит, так как в связи с усиленным привозом фабрично-заводских товаров в начале XX в. ремесленные изделия вытеснялись с рынка, что приводило к разорению ремесленников, которые не в состоянии были покрывать задолженность банкам. Банки предпочитали иметь дело с более крупными предпринимателями и торговцами. Так, например, городским банком Артамонова в Семипалатинске в 1903 г. было учтено 28 векселей ремесленников на 3495 руб., 247 векселей мелких торговцев на 72898 р. 91 к., 59 векселей местных купцов на 38444 р. 34 к. Итак, 333 мелких торговца, ремесленника и купца держали векселя на 113 838 руб. 25 коп.[43] А в 1917 г. банк Артамонова имел всего 31 клиента, кредит которых составлял 154656 руб.[44]

Итак, предприятия первичной обработки сырья предъявляли все возрастающий спрос на промышленные кредиты. Но отделения коммерческих банков, кредитные общества и городские банки ограничивали кредиты средним предпринимателям, а мелким и вовсе отказывали в финансовой поддержке.

Развитие обрабатывающей промышленности в колониях царской России имело место в той степени, в какой это соответствовало интересам империалистической буржуазии метрополии. Проникавшие сюда капиталы, в том числе и иностранные, сосредоточивались на добыче сырья и на его первичной обработке с тем, чтобы его легче было вывозить в центральные районы или за границу.

[39] Там же, д. 616, л. 6.
[40] Там же, л. 10.
[41] Там же, д. 645, л. 20.
[42] Там же, д. 612, л. 21.
[43] ЦГА КазССР, ф. 342, оп. 1, д. 576, л. 118.
[44] Там же, д. 795, л. 25.

В начале XX в. в связи с дальнейшим развитием земледелия в области возросло значение промышленности по переработке сельскохозяйственной продукции. Она представляла собой одну из форм развития торгового земледелия. В первом десятилетии XX в. она заняла ведущее место во всей промышленности Казахстана[45]. Особенно значительное развитие в Семипалатинской области в этот период получила мукомольная промышленность. Этому способствовали интенсивный рост земледелия, увеличение числа переселенцев, рост городского населения.

В начале XX в. в мукомольной промышленности Семипалатинской области наблюдается заметный переход от единоличных форм владений к акционерной форме. В 1902 г. в области было 4 крупчатных мельницы. В 1908 г. они объединились в «Акционерное общество Семипалатинских мукомольных паровых мельниц»[46]. В 1911 г. число мукомольных мельниц достигло 22. На них было смолото зерна 929716 пудов, стоимость годовой продукции составила 1045636 руб. На мельницах было занято 188 рабочих, из них 28 подростков. Мелких же мельниц тогда насчитывалось у русских и предпринимателей других национальностей 726, у казахов — 105, всего — 831[47]. Число паровых мельниц довольно быстро увеличивалось, в особенности в последнее десятилетие XIX в.

В 1912 г. помол в Семипалатинской области достигал 2764,7 тыс. пудов — 13,1 проц. ко всему помолу хлеба в азиатской России. Область по количеству перемола и его стоимости занимала второе место в Сибири[48]. О развитии мукомолья наглядно свидетельствуют интересные сведения Акционерного общества Семипалатинских паровых мельниц, представленные на первой Западно-Сибирской выставке 1909 г. в г. Омске. Большинство паровых мельниц находилось в Семипалатинске. Это были капиталистические предприятия, на которых работало 280 человек. Производство паровых мельниц Акционерного общества достигало значительных размеров. В 1908—1909 гг. они перемалывали до 2,7 млн. пудов местного и привозного зерна[49]. Совершенствовалась техника мукомольных предприятий, паровые мельницы оснащались современным оборудованием, в них имелось по 4 паровых машины и по 4 оборудованных вальца.

Работали мельницы круглосуточно. За высокое качество помола Акционерное общество Семипалатинской области в 1900 г. получило первый приз — золотую медаль — на выставке в Париже. В 1905 г. на Брюссельской выставке Акционерное общество было награждено медалью и почетным крестом, а на 1-й Всероссийской мукомольной выставке 1909 г. в Петербурге — высшей наградой. Золотая медаль досталась Акционерному обществу и на первой Западно-Сибирской выставке 1911 г. в Омске[50].

Широкое распространение мукомольных предприятий и увеличение мукомольного производства в Семипалатинской области видны из следующих данных. В официальных отчетах Акционерного общества за 1912—1913 гг. указывается, что в 1912 г. паровыми мельницами было выработано 1 870 337 пудов крупчатки, 449 459 пудов отрубей и 7073 пуда подсева и овсюка, всего 2 326 833 пуда на общую сумму

---

[45] «Сельское хозяйство и промышленность дореволюционного Казахстана». «Большевик Казахстана», 1940, № 9, стр. 49.

[46] «Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении». Спб, 1912, стр. 298.

[47] «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.» Семипалатинск, 1913, стр. 55—56

[48] С. А. Нейштадт. К вопросу об экономике колониального Казахстана. «Известия Академии наук КазССР», серия экономическая, вып. 1, 1949, стр. 76

[49] Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 38, оп. 1, д. 66, л. 187.

[50] ГАОО, ф. 38, оп. 1, д. 66, л. 187 и об.

2 347 531 рубль. Прибыль с продажи муки в 1913 г. составляла 131 927 руб.[51]. С 1 октября 1913 г. по 1 октября 1914 г. было куплено пшеницы в г. Семипалатинске и его уездах 2 577 652 пуда на сумму 1 645 908 руб. — по 63 коп. за пуд. Было выработано 1 900 875 пудов крупчатки, 472 581 пуд отрубей и 11 691 пуд подсева и овсюка, всего — 2 385 147 пудов на общую сумму 2 157 045 руб. В 1913—1914 гг. прибыль мельниц составляла 155 533 руб.[52]

Акционерное общество паровых мельниц занимало монопольное положение в области, из года в год росла его прибыль. Мука все в больших количествах шла на другие рынки. Из всей вырабатываемой крупчатки на местном рынке оставалось лишь 500—700 тыс. пудов, остальная мука вывозилась на север и далее следующими путями — водой до Тюмени, а оттуда до Пермской железной дороги, затем до Тобольска и далее от Обдорска и Томска по Северной железной дороге на Котлас и за границу (через Архангельск), а также по северной железной дороге в Петербург и Финляндию[53].

Владельцы крупных паровых мельниц оказывались в особенно выгодном положении. Они покупали зерно у крестьян по низким ценам, перерабатывали его в крупчатку и получали громадные прибыли.

Таким образом, в начале XX в. в Семипалатинской области развивается товарное земледелие, в сельском хозяйстве товарные отношения становятся господствующими. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» писал о технической переработке сельскохозяйственных продуктов: «Сущность ее состоит в том, что земледельческий продукт прежде чем итти на потребление (личное или производственное) подвергается технической переработке»[54]. Далее В. И. Ленин указывает, что предприятия, производящие эту переработку, либо составляют часть тех самых хозяйств, в которых добывается сырой продукт, либо принадлежат особым промышленникам, скупающим продукты у сельских хозяев. Предприятия такого типа имелись и в Семипалатинской области. Они перерабатывали зерно в муку, выпускали водочные изделия, частично подвергали переработке продукты животноводства.

Таким образом, развитие торгового земледелия вело к расширению внутреннего рынка. Увеличился также спрос на продукцию сельского хозяйства края во внутренних губерниях России.

Одновременно с развитием торгового мукомолья в Семипалатинской области происходил и рост винокурения, являвшегося одним из основных видов технической переработки сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области.

Винокуренная промышленность области получила некоторое развитие в предвоенное время (до 1914 г.). В 1909 г. И. Г. Хотимский открыл в Усть-Каменогорске винокуренный завод, названный Аленинским № 23. По архивным данным 1914 г., этот завод принадлежал т-ву В. Полякова[55] — «Торговому дому П. П. Плещеева и К°». Под давлением акцизной системы мелкие предприятия объединялись. Акцизные сборы были очень высоки. Так, согласно данным обзора Семипалатинской области за 1903 г., за спирт, вывезенный в Семиреченскую область и Змеиногородской склад, начислено акциза 402 750 р. 26 к., с пива получено акциза 16 662 р. 35 к. и с меда — 10 руб.[56] Быстрая концентрация вино-

[51] ЦГА КазССР, ф. 342, оп. 1, д. 604, л. 4 и об.
[52] Там же, д. 613, л. 8.
[53] Б. В. Волков. Торговля.., стр. 299—300.
[54] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 245.
[55] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, л. 193 об.
[56] «Обзор Семипалатинской области за 1903 г.», Семипалатинск, 1904, стр. 40.

куренных заводов в России объяснялась отчасти именно этим обстоятельством.

На Аленинском винокуренном заводе № 23 было всего 50 рабочих, а сумма продукции составляла 100 000 руб. в год. Винокуренный завод имел также аппарат Генца для разваривания зерна под давлением и много других машин и аппаратов. Производство носило явно промышленный характер.

В области наряду с винокурением развивалось пивоварение. Так, винокуренный завод «Торгового дома П. П. Плещеева и К°» вырабатывал пиво и фруктовые воды. В Семипалатинске функционировали пивоваренный и фруктовых вод завод т-ва «И. Васильева и К°», пивоваренный завод т-ва «Бавария», пивоваренный и фруктовых вод заводы В. Б. Качирека, К. С. Никитина и Н. Г. Никитиной. На всех этих заводах (без «П. П. Плещеева и К°», где было 77 рабочих) работало от 8 до 21 человека. Стоимость годовой продукции составляла от 18 000 до 40 000 руб. Из механизмов имелись только варочные котлы и солододробилки[57].

В 1911 г. в области насчитывалось 2 винокуренных, 8 пивоваренных и 1 дрожжевой завод. 8 предприятий находилось в окрестностях Семипалатинска и по одному в Павлодаре, Зайсане и Каркаралинске.

Производство винокуренных изделий непрерывно росло. В 1911 г. было выработано 178 340 ведер сорокаградусного спирта, 181 947 ведер пива, свыше 396 пудов дрожжей[58].

В основном пивоваренные и водочные заводы были размещены в городах. Это давало возможность предпринимателям легче реализовать продукцию. Все это были мелкие предприятия капиталистического типа. Приток русского капитала, хотя и ускорял развитие отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, но тормозил в колониях развитие промышленности в целом.

Увеличение акциза, как уже было показано выше, задерживало рост мелких предприятий. Например, перед началом первой мировой войны во всей Западной Сибири было всего 17 винокуренных заводов[59]. Капиталисты выкачивали из колоний громадные прибыли. Об этом исследователь К. А. Колокольников пишет: «С финансовой точки зрения монополия повинна в том, что она ежедневно выкачивает через свои доходы слишком большие суммы из каналов обращения с мест в центр»[60].

Царское правительство подавляло и ограничивало развитие обрабатывающей промышленности на местах и в конечном счете задерживало развитие производительных сил. Вследствие этого винокуренная промышленность, как и другие виды производства, не получила в Казахстане заметного развития.

Первая мировая война тяжело отразилась на развитии винокуренного производства. В начале войны была запрещена продажа спиртных напитков, в связи с чем винокуренные и пивоваренные заводы в Семипалатинской области были закрыты. В отчете старшего фабричного инспектора за 1915 г. указывается, что винокуренные и пивоваренные заводы с числом рабочих от 8 до 60 и с годовой стоимостью продукции от 15 000 до 170 000 руб. прекратили производство[61].

---

[57] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, л. 193 об.

[58] «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.», Семипалатинск, 1912, стр. 54.

[59] К. А. Колокольников. Развитие винной монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью в связи с историей винной монополии в Сибири. Томск, 1914. Приложение, стр. I—III.

[60] Там же, стр. 208.

[61] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, л. 181.

В начале XX в. расширение кожевенного производства в Семипалатинской области шло в основном за счет строительства довольно крупных предприятий. Одновременно существовали и создавались новые небольшие заводы, почти ничем не отличающиеся от прежних кустарных предприятий.

В 1900 г. в области было 22 кожевенных завода, а в 1908 г. их стало 31. Стоимость годовой продукции кожевенных заводов составляла в 1900 г. 134 455 руб., а в 1908 г. — 443 860 руб.[62].

В военное время возросла потребность в кожевенных товарах, что способствовало росту кожевенных заводов. В 1914—1916 гг. П. Плещеев открыл новый завод. «Наш кожевенный завод, — писал Плещеев, — оборудован весь во время и для обороны, купил исключительно для своего производства сырые кожи. Завод при одиннадцати золотниках был рассчитан на производительность в 60 000 кож, ныне установлено четырнадцать золотников, сто дубильных чанов, шесть барабанов и соответствующее число машин»[63].

Основным потребителем кожевенных товаров являлось военное ведомство, от которого завод получал выгодные подряды. В годы войны более крупные кожевенные заводы П. Плещеева и К° и бр. Трапезниковых работали исключительно на армию.

Местные кожевенные предприятия обрабатывали лишь 25—30 проц. местного сырья, остальная кожа вывозилась за пределы области. В предвоенные годы кожи в большом количестве скупали обычно местные скупщики и торговцы у крестьян и казахов за бесценок, а потом перепродавали с большим барышом агентам крупных фирм или приезжим скупщикам. Данные свидетельствуют, что в 1900 г. в Семипалатинской области «скупкой сырых кож, отправляемых для перепродажи только в Тюмень и Нижний или на зауральские кожевенные заводы, занимались 8 торговых заведений с суммой годового оборота 473 000 руб., а для продажи на ярмарках Европейской России занимались 10 заведений с суммой торгового оборота 710 000 руб.»[64].

Отдельные виды сырья — конские и козлиные кожи — большей частью экспортировались за границу. Например, скупкой сырых кож для экспорта в Америку, Германию и Францию в 1900 г. в Семипалатинской области занимались 4 торговых заведения с годовым оборотом 660 000 руб.[65]. В одном архивном документе отмечено: «Семипалатинская область отпускает значительное количество невыделанных кож... Мне известно, что партия таких шкур из степей была распродана с выгодою в Париже»[66].

Кожевенное сырье на местах зачастую попадало в руки скупщиков и вывозилось ими в крупные промышленные центры, преимущественно на заводы военного ведомства. Так, «заводы Томской губернии снабжались сырьем из Семипалатинска, и последними производились здесь покупки»[67]. Кроме скупщиков из отдельных городов России, занимались закупкой кож различные крупные торговые фирмы: «...Все кожи, — говорится в источнике, — снимаемые при убое скота, сдавались непосредственно Омскому комитету, который обязан снабжать сырьем заводы Сибири»[68].

---

[62] «Обзоры Семипалатинской области за 1900 и 1908 гг.», Семипалатинск, 1901—1909.

[63] ГАОО, ф. 300, 1916, д. 1, л. 128.

[64] «Семипалатинские областные ведомости», 1902, 9 февраля, № 516.

[65] То же изд., 1902, 29 февраля, № 718.

[66] ЦГА КазССР, ф. 460, оп. 1, д. 26, л. 1 об.

[67] ГАОО, ф. 300, 1916, д. 1, лл. 229, 230.

[68] Там же, л. 389 и об.

Хотя в обрабатывающей промышленности в начале XX в. наблюдался некоторый технический прогресс, но в кожевенное производство новая техника пробивала себе дорогу с трудом. Механизирована была лишь часть подготовительных и отделочных операций, да и то при помощи примитивных станков и инструментов. В основном в дубильных цехах все производственные операции выполнялись вручную. Старый способ дубления кож растительными дубителями (кора ивы, дуба) применялся на всех предприятиях Семипалатинской области вплоть до Октябрьской революции.

Шерстомойное дело развивалось слабо. По данным за 1900 г., в области было всего два шерстомойных заведения (в Семипалатинске и в Зайсане). Стоимость немытой шерсти на них составляла 153 920 руб.[69]. Основная же масса шерсти вывозилась во внутренние губернии России. С течением времени число шерстомоек в области несколько увеличилось. В 1905 г. было 4 шерстомойки с общим числом рабочих 199 (из них 10 женщин). В 1911 г. насчитывалось 10 предприятий по обработке шерсти с 408 рабочими, в том числе 151 женщина[70].

Крупные торговцы и агенты заграничных фирм перекупали шерсть у мелких торговцев. Шерсть сортировали и прессовали в тюки и отправляли за границу или во внутреннюю Россию. Крупные фирмы и суконные фабрики военного ведомства заготовляли шерсть через своих агентов-комиссионеров. Например, в ведомостях указывается, что одно шерстомойное заведение принадлежало «Торговому дому Стукен и К°» в Москве. Этим заведением было закуплено в Семипалатинске 23 209 пудов шерсти — джабагы, 3529 верблюжьей шерсти и 1647 пудов козьего пуха, всего —28 385 пудов на 291 592 руб.[71] Фирма Стукена была неограниченным хозяином на Семипалатинском шерстяном рынке.

Шерстомойное заведение братьев Асеевых обслуживало исключительно суконные фабрики в с. Рассказово Тамбовского уезда и в г. Моршанске Тамбовской губернии (фабрики военного интендантства)[72]. Фирмой было закуплено мытой шерсти 37 500 пудов на сумму 375 000 руб. Общая стоимость полуобработанного сырья составила 393 000 руб. Число занятых в заведениях рабочих[73] колебалось от 100 до 120. Шерстомойные заведения В. П. Злоказова обслуживали исключительно суконную фабрику той же фирмы в с. Арямине Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Эта фабрика тоже принадлежала военному ведомству[74]. Ею было закуплено мытой бараньей шерсти 3040 пудов 11 фунтов на сумму 31 620 р. 47 к. В заведении было занято 60 рабочих[75].

Таким образом, в 1913 г., по неполным данным, только в четырех шерстомойных заведениях области было закуплено шерсти (мытой и грязной) 95 925 пудов 11 фунтов на сумму 730 754 р. 47 к.

В годы первой мировой войны под влиянием возросшего спроса на шерсть со стороны суконных фабрик военного интендантства предприниматели открыли несколько новых шерстомоек в Семипалатинской области. Старший фабричный инспектор в отчете писал, что «две шерстомойки В. П. Злоказова, имеющие каждая по 100 человек рабочих и находящиеся одна близ города Семипалатинска, а вторая в Павлодарском уезде, близ поселка Ермак, работали для нужд интендантского

[69] «Обзор Семипалатинской области за 1900 г.», Семипалатинск, 1901, стр. 34.
[70] «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.», стр. 51, 52.
[71] ЦГА КазССР, ф. 15, оп. 1, д. 1908, л. 79.
[72] Там же, л. 169.
[73] Там же, л. 80.
[74] Там же, л. 170.
[75] Там же, л. 82.

ведомства; также три шерстомойки торгового дома братьев М. и А. Асеевых (одна арендованная), из коих одна находится близ г. Семипалатинска, а две другие недалеко от города Зайсана, имеющие в среднем каждая по 100 человек рабочих, работают также для нужд интендантского ведомства»[76].

Таким образом, шерстомойные заведения области находились в полной зависимости от скупщиков, представлявших торговый капитал. Они имели дело непосредственно с крупными торговыми фирмами и фабриками.

Мойка шерсти производилась самым примитивным способом. Об этом свидетельствует акт комиссии по проверке шерстомоек А. С. Бахтеева, Шабалина, Стукена, К. Попова, Е. Алексеева и В. П. Злоказова. «Шерстомойки все устроены по одному типу, а именно: шерсть в грязном виде поступает сначала в деревянные чаны, устроенные в самой реке Иртыш и после размачивания поступает в особые шестерни из листового железа, снабженные мелкими отверстиями для протока воды. Шерсть вследствие течения воды и усиленного перемешивания палками очищалась от грязи и по прошествии 1—2 часов вымывалась и вывешивалась для просушки на солнце»[77].

Однако и при такой примитивной, допотопной технике, предприниматели извлекали из своего «дела» высокие прибыли путем бесчеловечной эксплуатации рабочих. Производительность шерстомоек с каждым годом увеличивалась. В архивных документах указывается, что «перемывается на каждой шерстомойке 20 000—25 000 пудов грязной шерсти на сумму до 150 000 руб.»[78].

Некоторый подъем в отдельных отраслях обрабатывающей промышленности по области был связан с начавшейся войной. Царское правительство для обеспечения снабжения армии вынуждено было строить отдельные новые предприятия. Так, Семипалатинский губернатор в своем отношении на имя Семипалатинского уездного начальника писал: «Настоящим предлагаю объявить потомственному дворянину Салим-Гирею Нурмухаметову Шакулову: по его заявлению, шерстомойка устраивается им для нужд войны, то я разрешаю продолжать начатые работы по постройке таковой»[79]. Он же издал такое распоряжение: «Предлагаю объявить т-ву Ф. А. Боқин и К° по заявлению т-ва, шерстомойка в 12 верстах от города Зайсана на реке Бакасу, устраивается им для нужд войны, то я разрешаю устройство таковой»[80]. Подобных документов имеется много.

Подводя итоги сказанному, необходимо заметить, что в целом шерстомойные заведения в Семипалатинской области большого развития не получили. Они в основном снабжали крупные фабрики, расположенные в центральных губерниях России. Семипалатинская область стала источником сырья для суконной промышленности России.

Главную отрасль местной обрабатывающей промышленности составляло мыловаренное, салотопенное и свечное производство.

В 1900 г. в Семипалатинской области было 16 салотопенных и мыловаренных заводов, стоимость вырабатываемой ими продукции составляла 32 150 руб. Рабочих на этих предприятиях было 53, в том числе 9 женщин, 2 подростка[81].

---

[76] Там же, л. 234.
[77] Там же, д. 1944, л. 15.
[78] Там же, д. 1908, л. 165.
[79] Там же, д. 1930, л. 96 об.
[80] Там же, д. 1910, л. 9.
[81] «Обзор Семипалатинской области за 1900 г.», Семипалатинск, 1901, стр. 34.

В 1905 г. число этих предприятий сократилось до 13, а стоимость произведенной ими продукции увеличилась и составляла 74 136 руб. В 1906 г. из Семипалатинской области было вывезено в Омск и Казань 45 тыс. пудов перетопленного сала. В последующие годы, с распространением керосинового освещения эти предприятия постепенно утратили свое первоначальное значение и намного сократились. К 1911 г. их осталось 9. На этих предприятиях производилось простое хозяйственное мыло и свечи (основным потребителем которых были церкви). В этих предприятиях применялся исключительно ручной труд.

К началу XX в. в Семипалатинской области возникает заводское маслоделие. Развитию маслоделия способствовало появление сепараторов. Маслодельные предприятия были артельными и частно-предпринимательскими. В 1900 г. в Семипалатинской области действовало 2 маслодельных завода с суммой производства 1450 руб. В 1905 г. их стало 9 (в Павлодарском уезде — 2, в Усть-Каменогорском — 7). Стоимость выпускаемой продукции увеличилась почти в 1,5 раза, составив 74 136 р. 50 к., хотя число рабочих осталось почти прежним (50 человек, из них 12 женщин)[82].

В одной из корреспонденций газеты «Семипалатинский листок» отмечается, что «для устройства маслодельного завода приобретается в аренду или в собственность и затем приспособляется старое жилье или строят специальное помещение. Количество рабочих находится в зависимости от суммы поставленного на завод молока и от того, как производится работа на сепараторе и маслобойке: ручным способом или конным приводом.

В первом случае рабочих бывает от 4 до 8, а во втором, при двойном количестве молока, требуется почти вдвое меньше рабочих рук»[83].

В 1905 г. маслодельными предприятиями было выработано масла на 47 506 руб. На них было занято 38 рабочих, в том числе 10 женщин[84]. Это были мелкие маслодельные предприятия.

В первом десятилетии XX в. развитие маслодельного производства в области происходило быстрыми темпами. Вырабатываемая продукция получила возможность выхода не только на внутренний, но и на внешний рынок. В 1911 г. в области насчитывалось 21 маслодельное предприятие. Суммарная стоимость достигла 78 366 руб. в год. Работало на маслобойках 54 рабочих, в том числе 12 подростков[85].

И все же маслоделие в области носило примитивный характер. На каждом маслодельном предприятии работало всего 2—3 работника. Особенно заметное развитие получило маслоделие в годы, предшествовавшие войне, и в первые годы войны.

Казахстан, в частности Семипалатинская область, вывозил масло в Россию, откуда оно экспортировалось и на мировой рынок. Например, в книге «Россия» указывается, что «с конца 90-х г. XIX в. в Акмолинской и Семипалатинской области стал быстро развиваться новый промысел — маслоделие. С проведением сибирской железной дороги жировые продукты вообще нашли себе удобный и скорый выход на внутренние и даже заграничные рынки»[86]. Ежегодно из Семипалатинской области вывозилось до 400 тыс. пудов масла[87].

В 1912 г. в канцелярию Степного генерал-губернатора сообщалось, что «сливочного масла вывезено из Семипалатинска местными фирмами

---

[82] «Обзор Семипалатинской области за 1905 г.», Семипалатинск, 1906, стр. 51.
[83] «Семипалатинский листок», 1905, 22 мая, № 109.
[84] «Обзор Семипалатинской области за 1905 г.», стр. 51—52.
[85] «Обзор Семипалатинской области за 1911 г.» Семипалатинск, 1913, стр. 52.
[86] «Россия». Киргизский край, т. XVIII, отд. II, СПб, 1903, стр. 276.
[87] А. Смирнов. Куяндинская ярмарка. Семипалатинск, 1924, стр. 17.

в текущем 1912 г. с 1 января по 18 октября 57 боченков; да «перевалом» через Семипалатинск, не останавливаясь в нем, прошло 17 800 боченков... принимая боченок с маслом за 4 пуда, около 299 200 пудов, чистого масла около 244 400 пудов»[88].

Закупку масла в Семипалатинской области производили иностранные торговые фирмы. Например, здесь находились представители датской компании по экспорту сливочного масла. Скупкой масла занималась сибирская компания Иергенсен[89].

Итак, в связи с развитием торгового земледелия техническая переработка продуктов сельского хозяйства в Семипалатинской области получила значительное распространение. Купец — крупный скотопромышленник к этому времени уже стал на путь организации производства. В Семипалатинской области были купцы-промышленники Плещеевы, Мусины, Красильниковы, Губайдуллины и другие. Они занимались винокурением, владели кожевенными заводами и паровыми мельницами. Давно освоенная примитивная техника и приемы обработки сырья были перенесены в эти предприятия почти без изменения из мелкого производства; сбыт продукции, весьма однообразный, был давно налажен и не вызывал опасений, так как дело касалось главным образом продуктов и изделий первой необходимости. Таким образом, в этих промыслах купец-предприниматель шел по следам за мелким промышленником.

* * *

Обрабатывающая промышленность Казахстана конца XIX в. была представлена многочисленными мелкими заведениями, и только немногие предприятия выделялись размерами выпускаемой продукции и количеством рабочих.

Обращает на себя внимание использование в некоторых отраслях производства первых паровых машин и появление механических двигателей в самом конце XIX в.

Если взять основные отрасли обрабатывающей промышленности Казахстана, то в них преобладающими были заведения с небольшим числом рабочих: мыловаренные, салосвечные, маслобойные, кожевенные, шерстомойные, пивоваренные предприятия. Лишь на винокуренных заводах концентрация рабочих была несколько больше.

Предприятия были кустарными. Нехитрое и дешевое оборудование не требовало серьезных капиталовложений. К тому же производства эти носили, в основном, сезонный характер.

Продолжает существовать и домашний казахский промысел и ремесленное производство, поставляющие на рынок не только излишки хозяйства, но и изделия, изготовленные специально для продажи. Особого внимания заслуживает ремесло в аулах, изготовлявшее изделия не на рынок, а по заказу и из сырья заказчика.

Все это говорит о том, что Казахстан к концу XIX в. оставался районом мелкотоварного производства. Однако среди кустарных предприятий были и такие, которые по своим масштабам далеко переросли рамки мелкотоварного производства, представляли собою капиталистические организованные предприятия. Такими были, например, крупяномукомольные и винокуренные производства. К ним можно отнести также шерстомойные и кожевенные предприятия, некоторому развитию которых способствовала относительная благоприятная коньюнктура (в особенности в годы первой мировой войны).

---

[88] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 6005, л. 111.

[89] «Сибирский торгово-промышленный календарь», 1910, стр. 178—180.

Такое одностороннее развитие ставило Семипалатинскую область в большую зависимость от Центральной России и превращало ее в поставщика сырья, с одной стороны, и потребителя товаров ее фабрично-заводских предприятий, с другой. В. И. Ленин указал, что «развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок один для другого»[90].

В этот период, например, отдельные отрасли обрабатывающей промышленности получили развитие в виде зачатков капиталистических мануфактур (например, кожевенное), другие имели некоторые черты простой капиталистической кооперации труда (например, шерстомойное). Хотя организация труда в этих предприятиях обладала некоторыми чертами капиталистической мануфактуры, но в условиях остатков патриархально-феодального строя она несла на себе черты неразвитости. Поэтому трудно прослеживается существование на этих предприятиях подетального разделения труда, свойственного мануфактурному периоду в России. Будучи скована тяжелыми цепями экономической политики царского правительства и сильными пережитками патриархально-феодального строя, обрабатывающая промышленность Семипалатинской области могла развиваться только замедленными темпами.

В области в этот период отсутствовали сколько-нибудь крупные капиталистические промышленные предприятия. Общественное разделение труда в обрабатывающей промышленности не достигало той ступени, на которой выделились бы новые, самостоятельные отрасли (например, на базе богатого шерстяного и кожевенного сырья возникла бы текстильная и кожевенная промышленность и т. д.).

Причиной этого отставания были колониальная политика царизма, искусственно задерживавшая развитие производительных сил окраин. Промышленность развивалась главным образом не путем объединения или централизации, а посредством расширения первоначальных предприятий. Как видно, развитие обрабатывающей промышленности, направление и характер этого развития были подчинены целям царского правительства.

Итак, в конце XIX и начале XX в. в Семипалатинской области в разной степени в системе мелкого (кустарного) производства были развиты все формы докапиталистической промышленности, в том числе: домашняя промышленность, ремесло и мелкое товаропроизводящее производство, а также в зачаточной форме капиталистическая мануфактура, которые возникали в недрах патриархально-феодальных отношений как капиталистические предприятия. Поэтому можно сказать, что в Семипалатинской области в конце XIX и начале XX в. стали появляться зачатки капиталистического производства.

---

[90] В. И Ленин. Соч., т. 3, стр. 219.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
1961 АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР Том II

М. ТУРСУНОВА

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХОВ МАНГЫШЛАКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

По своему географическому положению, природным условиям и особенностям истории и быта населения полуостров Мангышлак является своеобразной, несколько обособленной частью Казахстана. Его история тесно связана с историей России, Хивинского ханства, Персии, туркменских племен, калмыков. Ко второй половине XIX в. относится важнейший этап в истории Мангышлака — присоединение его к России.

В настоящей работе делается попытка осветить некоторые вопросы истории казахского племени адай, населявшего Мангышлак, за первую половину XIX в., а также показать процесс присоединения полуострова к России.

* * *

В начале XIX в. казахи племени адай своими кочевьями занимали пространство, ограниченное на западе восточными берегами Каспийского моря от Мертвого Култука (зал. Комсомолец) до залива Александрбай, на востоке — западными берегами Аральского моря до Мугоджарских гор, на юге — южными склонами Устюрта и колодцами Бешакты, Сыныk, Сумса (в районе Кендерлинского залива), на севере — песками Тайсойгана, р. Орь, Эмба, Сагыз, Уил (Ойыл)[1].

По своим природным условиям большая часть этой территории относится к пустыням или полупустыням, с резким континентальным климатом, малым количеством атмосферных осадков, с бурой и серобурой почвой, с разреженной бедной растительностью. Область бедна водными источниками. На обширной высокой равнине Устюрт, простирающейся с севера на юг на 700 с лишним километров и с востока на запад более чем на 250—400 километров, имеются немногочисленные родники с соленой водой и глубокие колодцы — *шинграу*. Снеговая вода, собирающаяся в плоских понижениях (*хаки, такыры*), задерживается лишь до начала мая, а затем исчезает. На сероземной, солончаковой почве Устюрта растут главным образом полынь, биюрген, баялыч и др. соляники. Летом, с наступлением жары листья полыни выгорают, остаются голые стебли, которые снова расцветают с наступлением осенних дождей. По этой причине пастбища Устюрта использовались лишь весной и осенью (*коктеу, кузеу*) и были непригодны для летовок (*джайлау*). Значительную площадь на севере Устюрта занимают солончаки, образовавшиеся в результате стечения весенних вод в засоленные низины.

---

[1] К. Жастабанов. О территории и населении казахов. «Айкап», 1912, № 3, стр. 56.

Из всех пунктов восточного побережья Каспийского моря наиболее благоприятным для скотоводства по наличию водных источников и растительного покрова является полуостров Мангышлак с прилегающей к нему территорией. Здесь короткая зима (всего 2,5 месяца) и мягкие, долгие весна и осень, кормовые травы представлены богато и разнообразно. Но климат тоже засушливый, нет проточных рек. Северную часть Мангышлака между заливами Кочак и Каракечу на протяжении 120—130 километров прорезают параллельные хребты Актау и Каратау. Они начинаются в 90—100 километрах от мыса Тюб-Караган и тянутся с запада на восток с небольшим склонением к югу. Между этими хребтами лежат межгорные долины Беке, Актобе, Башкудук, Керасар и другие шириной до 8 километров. Эти долины изобилуют травами и родниками и считаются самыми лучшими урочищами на всем восточном побережье Каспия. Значительная часть территории Мангышлака из-за отсутствия воды в дореволюционное время не использовалась.

К северу и северо-востоку от Устюрта расположены значительные по своим площадям пески Сам, Матай, Карынжарык, Ханторткуль, Каракум и другие, имеющие пресную воду и поросшие кормовыми травами. Эти пески имели большое значение в хозяйственной жизни казахов-адайцев, которые после трудных зимовок проводили здесь часть весны и осени. На северо-востоке Каспия тянется обширная равнина. Это типичная полупустыня с жарким сухим летом, холодной зимой и малым количеством атмосферных осадков. Реки Уил, Сагыз, Эмба, проходящие по этому району, бывают проточными только до наступления летней жары, после чего население могло пользоваться только колодезной водой. Однако по сравнению с Устюртом и Мангышлаком здесь больше кормовых трав и воды. Далее, к Уилу и Темиру, начинаются хорошие бидаековые луга.

Из сказанного следует, что главной особенностью территории, которую занимали адаевцы, является крайний недостаток водных источников при сухом жарком климате, особенно на юге. Один из исследователей хозяйственной жизни Мангышлака Ф. А. Михайлов подчеркнул, что здесь «лишний колодец в песках или лишний литр в секунду текущей воды в ручье обусловливает существование лишней семьи или группы семей»[2].

У адаевцев колодцы были двух типов — мелкие до четырех метров (они назывались *еспе, урпа, тайз*) и глубокие (4—10 метров), называвшиеся *кудуккую*. При более глубоком залегании воды копали *шинграу*, капитально устроенные колодцы глубиной свыше 10 метров. Для сооружения шинграу требовалось не только много средств и труда, но и известное умение. Шинграу внутри выкладывались камнем, огораживались со всех сторон земляными или каменными валами от животных и покрывались сверху. Для поения скота при шинграу устанавливались вытесанные из цельного камня большие 10-ведерные корыта — *астау*. Для сооружения шинграу двум мастерам требовалось примерно одно лето, а наиболее глубокие сооружались в два сезона и более[3]. Во второй половине XIX в. каждая сажень (2, 13 *м*) шинграу оценивалась в 10 руб.[4] В зависимости от глубины его сооружение обходилось от 50

---

[2] Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900, стр. 15.

[3] Белявский. Исследование пути от залива Цесаревича (Мертвого Култука), через Устюрт до Кунграда, произведенное в 1884 г. «Сборник географических материалов по Азии». Вып. XV, СПб, 1885, стр. 23.

[4] Там же.

до 350 руб., естественно поэтому, что оно было под силу только богатому скотоводу или целому коллективу.

Глубокие колодцы типа шинграу копали главным образом на Устюрте, где подпочвенные воды находятся на глубине 20—70 *м*. Обычно в ложбинах сосредоточивалось от 5 до 20 колодцев. Расстояние между группами колодцев составляло 10—40 *км*, но имелись и такие места, где в радиусе 25—30 *км* не было вовсе колодцев (особенно на северо-востоке и юго-востоке Устюрта). На Мангышлаке строились главным образом мелкие — от 1 до 6 саженей (12—14 *м*.). На одном урочище насчитывалось иногда от 50 до 100 колодцев[5]. Всего больше их было на полуострове Бузачи, где совершенно нет родников, Устюрте, к югу от Каратау.

В зависимости от притока воды из каждого колодца можно было напоить 20—100 голов крупного или 250—300 голов мелкого скота в сутки, т. е. один колодец мог обслужить 12—15 хозяйств. Подача воды из мелких колодцев была ручной. Для того, чтобы напоить 20—50 голов крупного скота или 100—250 мелкого, необходим был труд 3-х человек (в течение одного часа), — двое поднимали воду, а третий подгонял скот к водопою. Еще тяжелее было поение скота из шинграу. За один час шесть человек могли напоить вдвое меньше скота, чем из обычных колодцев. Даже поение скота из открытых естественных или искусственных водоемов требовало определенного труда, так как из мелких водоемов с небольшим запасом воды скот поили, вычерпывая воду кожаным ведром *(кауга)* и наполняя им корыта. Если же обходились без кауга, то поили каждый вид скота в отдельности — сначала по 10—15 голов верблюдов (так как они меньше мутят воду), затем лошадей, а в последнюю очередь — овец и коз, неразборчивых к воде, партиями по 15—20 голов.

Нужда заставила адаевцев добраться и до труднодоступных источников воды. Для задержания горных потоков, образующихся во время снеготаяния и весенних ливней, адаевцы построили водохранилище Сулаукапы; от него в долину Жарыптускен в скалах пробили канал длиною в несколько сот метров. Вода из этого хранилища использовалась не только для поения скота, но и для орошения посевов проса. На Мангышлаке имеется еще впадина Мерет с естественным богатым водохранилищем, но каменистые склоны делают его недоступным для скота. В Мерет была пробита дорога, о которой легенда рассказывает, что девушка Мерет, созвав кочевников, раздала весь скот умершего отца с одной только просьбой — вырубить в скалах дорогу к воде... По этой дороге и сегодня колхозники водят скот на водопой[6]. Сохранились также плотина и канал.

Краткая характеристика природных условий территории Мангышлака и прилегающих к нему районов показывает, что здесь в ту пору было возможно только скотоводческое хозяйство в самой примитивной форме. Во второй половине XIX в., когда казахи других районов Казахстана уже начинали переходить к полуоседлому образу жизни, адаевцы оставались кочевниками-скотоводами. Известный советский археолог и историк С. И. Руденко, исследуя кочевое хозяйство древних скифов, писал: «... Все известные нам в прошлом и современные кочевые племена в наших климатических условиях средних широт при кочевом образе их

---

[5] Н. Ломакин. О полуострове Мангышлаке и путях оттуда в разные концы Закаспийского края. «Записки Кавказского отдела РГО», 1873. Тифлис, кн. 8, стр. 9.

[6] Я. Шакиров. По следам старых кочевий. «Казахстанская правда», 1958. 6 июля.

жизни всегда имели места постоянных зимовок с пашнями при них. Единственным известным мне исключением были казахи рода адай, кочевавшие до революции между Каспием и Аралом, которые не имели ни постоянной оседлости, ни пашен. Однако такое хозяйственное состояние адаев не может рассматриваться как пережиток древнего кочевого образа жизни казахского народа. Оно явилось результатом колонизации казахских земель к северу от территории адаев...»[7].

Как правило, экстенсивное кочевое скотоводство требовало чередования пастбищ по временам года, иначе оно не могло развиваться. А природные условия Мангышлака и Устюрта сделали это чередование обязательным и необходимым. Здесь, как и в других частях Казахстана, периодически повторялись джуты, которые, как правило, сопровождались массовым падежом скота. На Мангышлаке бескормица наступала и в связи с отсутствием дождей, когда на засохшей земле не росла трава. Джуты на Мангышлаке были частыми, с тяжелыми последствиями. Единственным условием сохранения скота от джута был летний нагул, поэтому для летовок нужны были районы с обильной и разнообразной травой и удобными водоемами. Такими районами издавна являлись долины рек Эмбы, Уила, Сагыза и др., расположенные на севере.

Таким образом, в хозяйственной жизни адаев в прошлом юг и север были связаны неразрывно. Как только наступал март, адаи покидали зимовки на Мангышлаке и переходили на Устюрт, где в это время начиналось снеготаяние, а затем, в начале апреля, направлялись на север, где постепенно вступала в свои права весна, появлялась трава, которая в конце мая и в начале июня покрывает роскошным ковром все пространство. За период от марта до конца мая (68—80 дней) адаевцы проходили расстояние в 600—1000 *км* на север, делая непродолжительные остановки там, где уже появилась трава. По опыту многих поколений адаевцы хорошо знали влияние климатических условий в течение года на состояние травостоя. Они, например, перегоняли скот ранней весной, когда трава еще не появлялась, но не откладывали перегон на лето, зная гибельность его для истощенного зимней тебеневкой скота в более позднее время. На северные пастбища они приходили в начале мая, когда там поспевали сочные, питательные корма.

Свой весенний переход адаевцы совершали строго по путям, издавна проложенным от колодца к колодцу. Таких путей было несколько. Один из них, считавшийся главным, по которому шли и караваны, вел с Мангышлака через Каратау и Устюрт на Эмбу. Он проходил по колодцам Хангабаба, Тубеджик, Тенизек, Удюк, Тарталы, Уланак, Джангельды, Тущубек, Чепе. Дальнейший путь пролегал через Каратау по колодцам Аусар, Куркреукты, Карагие (на северо-западном скате Устюрта). От Карагие начинался подъем на Устюрт по скалистой, узкой, обрывистой дороге по колодцам Утес, Ешкикырган, Катше, Танкы, Коскулак, Маначи, Коюкен. Затем через колодцы Азнакуль, Карачунгур адаевцы переходили на р. Эмбу (ур. Бакачи); идя по этому пути, адаевцы преодолевали несколько безводных остановок; например, пройдя колодец Карагие, их ожидала одна безводная остановка у залива Каракечу, а между колодцами Маначи и Алтыкулашом было три безводных перехода, готовясь к которым, адаевцы усиленно поили скот у колодца Маначи, а также брали воду в запас. То же повторялось у колодца Коюкен. Воду транспортировали в 5—10-ведерных кожаных мешках *(месе)*, на рабочих верблюдах.

---

[7] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М., 1952, стр. 24.

Таких безводных переходов было немало на других маршрутах. С Мангышлакского полуострова и с гор Каратау и Актау пролегал путь на Манат. Здесь к ним присоединились адаевцы, зимовавшие между горами Каратау, Карабугазским заливом и песками Карынжарык, приходившие сюда по колодцам Биримпаз и Багда. От Маната маршрут пролегал восточнее Ешкикыргана по колодцам Алегаджи, Барангул, Джанбаян, Тулеп и через ур. Койкюн.

Адаевцы, зимовавшие на северном склоне Актау и на Бузачинском полуострове, проходили мимо залива Каракечу на подъемы Курташи, Каратюбе, а немногие — к колодцу Манат, а оттуда к колодцам Ирмак, Ешкикырган, Танкы и ур. Койкюн.

Верхние адаевцы, зимовавшие к востоку от залива Карабугаз, в песках Карынжарык и около, направлялись на летовки по маршруту: колодец Босага—Устюрт—колодцы Турлугул, Косаркин (или Чакан) — ур. Койкюн, Карабулак; другие, минуя Босага, шли через пески Сенгиркум на подъем Аккоз и далее на север тем же путем[8]. Позднее некоторые из них шли через пески Сам, западной стороной урочища Барскан и Блеули, восточной стороной песков Терскен, западной частью ур. Башуймагут к верховьям р. Ащесай и Улкенастаусалды. Впоследствии указанные места одновременно стали пограничными с районами кочевок казахов рода табын. Таким образом, адаевцы с разных пунктов восточного берега Каспия, переходя на летовки, стекались к определенным колодцам, а оттуда, по цепи редких колодцев, направлялись на север, где пути с урочищ Койкюн, Аккоз разветвлялись. К р. Эмбе они выходили развернутым фронтом и растекались по ее берегам.

К началу июня они в основной своей массе распространялись по системе рек Уил и Сагыз вплоть до бассейнов рек Хобда и Орь. Так кочевники проделывали со своим стадом в течение двух месяцев тысячекилометровый путь. Из всех кочевых путей, которые когда-либо пересекали казахские степи, это был самый длинный и трудный. Он был вдвое длиннее маршрута казахов рода шекты, зимовавших на северном берегу Аральского моря и летовавших в районе Актюбинска, и в 4—5 раз длиннее маршрута киргизов рода солты, кочевавших из Чуйской долины в Сусамыр[9]. А эти переходы считались наиболее трудными у казахов и киргизов.

Но и на летовке прокорм скота стоил огромных усилий. Здесь у адаевцев не было собственных, только им принадлежавших летовочных мест с установившейся границей.

Казахи рода адай и др. вследствие перемещения кочевий казахов Младшего жуза с востока на запад (в результате захвата кочевий казахов на востоке Джунгарией еще в начале XVIII в. и обострения земельных отношений), потеряв часть своих кочевий на западе, вынуждены были уходить на юго-запад Казахстана. В этом немалую роль сыграли и походы пограничных войск уральского казачества. В этой обстановке адаевцам не удалось закрепить за собой определенный район в качестве летовок: они не могли даже отстоять старое кочевье — район р. Эмбы от посягательств других более сильных родов, поэтому адаевские казахи на летовках вклинивались в кочевья других родов. Почти на каждое урочище или адаевцы прикочевывали к аулам других родов, или казахи других родов прикочевывали к ним. Например, на урочище Копа на ре-

[8] О кочевых путях адаевцев см. «Обзор Закаспийской области за 1893 г.» Асхабад. 1895, стр. 34—35; Н. Ломакин. Указанная статья, стр. 19; Белявский. Указанная статья, стр. 20—21.

[9] П. В. Погорельский. Оседание кочевников и развитие животноводства. Алма-Ата, 1949, стр. 54—57.

ках Сагызе и Устюрте адаевцы летовали вместе с табынцами и шектинцами. В ряде случаев летовки, которые адаевцы считали своими, были захвачены местными казахами в качестве зимних пастбищ. В силу этих обстоятельств адаевцы на севере вели постоянно борьбу за пастбища с местными казахами.

О внутренней жизни адаевцев, об их численности, местах расселения в более ранние времена сведений почти нет. Только в записках старшины Қобека Шукур-Алиулы и Г. Шахмуратова, составленных в 1803 г., имеются скупые данные о роде адай. В них сообщается, что адаевцы были одними из главных племен рода байулы Младшего жуза. Племя состояло из 12-ти отделений и насчитывало до 10 тысяч кибиток[10]. Более достоверные сведения об адаях появляются в середине XIX в. По данным Оренбургской пограничной комиссии, в 1851 г. адаевцы делились на десять отделений, их насчитывалось около 14 тыс. кибиток[11]. Эта цифра подтверждается и данными 1870 г. Фактически племя адаевцев состояло из 8-ми родов или отделений, два отделения — акпан и тазеке — из-за своей малочисленности не всегда учитывались. Отделения баимбет (или муал), тобыш, джименей, туркмен-адай, джаулы (нижние адаевцы) насчитывали более 11 тысяч кибиток. Наиболее многочисленными и богатыми были первые три отделения. Крыкмылтык, балыкшы, кунанурус, акпан и тазеке (верхние адаевцы) насчитывали более 3,5 тысяч кибиток[12]. Отделение (род) делилось на подотделения, последние — на поколения, а эти уже — на аулы.

Основными районами зимнего кочевания нижних адаевцев были полуострова Мангышлак и Бозащи, хребет Актау[13] с прилегающими к ним территориями.

Подотделения и поколения отделения баимбет размещались на зимовки. Подотделение сабутай зимовало на полуострове Мангышлак у колодцев Чат, Тущыкудук, Джабаглы, Бурдуген, Емир, Торту, Тамак, Қошкарата, Алтыкулаш, Акэспе, Александрбай, Тобекудук (Қаратау), Қаде, Қулаш (между Актау и Қаратау), Долана (Қаратау); поколение жаманкара — в Бозащи у колодцев Қочак, Алатурпа, Хиян, Чору.

Подотделение раимберды зимовало на Мангышлаке у колодцев Тубеджик, Мерет, Джагилган, Данышпан, Сагжа, Суат, Бурлы, Тенизек, Султан-эпе, Ход, Удек, Джалбарт, Чахпахата, возле залива Сарыташ, у колодцев Чича, Кунансу, Кумаккепе, в Актау-Ушауз, Туесу, Усак, Хиян, Чору; поколения анет и карымкул — возле Мурзаира, у колодцев Башкудук, Игша, Бурлы, Джарма, Қараташ.

Подотделения и поколения отделения тобыш. Подотделение альмамбет, поколения зурбай и джанай имели зимовки на полуострове Мангышлак, в окрестностях Александровского форта, у колодцев Хангабаба, Сакакудук, Узункудук, Аксуколмыш, Қиштен, Тюлькулы, Ащыкудук, Қошкарата, Сагынды, Қараялчи, Қалифе. Поколения камысбай, кумысбай, дурал, каратау, утекул, толеке имели свои зимовки на Мангышлаке у колодцев Боке, Саубет, Ишкую, Ускулу, Борджаты, Александрбай (Есентубек), Сауте, Қайдакты и далее до Қызыка. Поколения баубек и чонгай — в Каратау, у колодцев Джангельды, Ула-

[10] «Материалы по истории Казахской ССР», IV, М. — Л., 1940, стр. 535.

[11] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3380, лл. 135—142.

[12] Адаевцы считали себя потомками Адая, сына Қадырходжи Лакбыбая в 18 колене, и назывались «сегиз арыс адай» или «сегиз арыс адай рулары» (Бекжанов. Современное положение казахов. «Айкап», 1911, № 3, стр. 10). Арыс — буквально оглобля, в переносном смысле — род.

[13] Из-за суровости зимы в Каратау адаевцы зимовали мало.

нак, Инселы, Чокрак, Чакырган, Аксенгыр, Караэспе, Кокийт, Бурлы. Поколения табунай — между Каратау и Актау, у колодцев Когизакмыш; поколение кул — в Каратау, у колодцев Чаир, Торум.

Подотделения бегей, чегем и карам обыкновенно зимовали вблизи залива Кендерлы, у Чопанаты, Бешакты, Дарменаты, Сенек и у оз. Каунды, иногда — в песках Сам, Асмантай, Матай. Если зима была продолжительная и корма на Мангышлаке были плохие, то тобушевцы и баимбетовцы перекочевывали на юг в районы зимовок верхних адаевцев.

Подотделения и поколения отделения туркмен-адай.

Подотделение джаман-адай зимовало на полуострове Мангышлаке, между колодцами Беке, Чопаната, Кендерлы, у колодцев Чынджыр, Талак и Узен, а также возле Александрбая, у колодцев Барджакты и Кындыкты. Подотделение бяли — возле Мурзаира, у колодцев Актобе, Джанама, Теренше, Алимке. Подотделение теней — на Бузачах, в песках Кызылкумы. У них своих колодцев не было, они пользовались джаровскими. Подотделение байбул — возле зал. Кендерлы — у колодцев Бешакты, Дарменаты, у оз. Каунды — вместе с верхними адаевцами.

Подотделения и поколения отделения джаулы. Подотделение джар — на Бузачах от колодца Кызана к стороне залива Сарыташа, у колодцев Тущыкую, Чебыр, Таскудук, Егдыр, Чаудыр, Каратюбе, Джумаджы, Кызан и Джиделы; в Актау у колодцев Керымды, Какпакты и Торм. Подотделение ескельды — в Актау, у колодцев Булум и Кызылит. Подотделение коскулак зимовало совместно с подотделениями байбул и туркмен-адай.

Подотделения и поколения отделения джименей. Подотделения челым и джумарт — на Бузачах, от колодца Кызан в сторону зал. Кайдак, у колодцев Джиделы, Маулен, Коте, Тасурпа, Кызык, Джидешек, Ежем, Тарпалы, Коганата; в Актау, у колодцев Камысты, Джангельды.

Обычными зимовыми местами адаевцев отделений крыкмултук, балыкшы, акпан, кунан-урус (верхние) были районы залива Кендерлы, у колодцев Чопаната, Бешакты, Дарменаты, Сенек, Сумса и у озера Каунды; иногда зимовали в песках Сам, Асмантай, Матай.

Кроме адаевцев, на Мангышлаке кочевали казахи рода кердеры и ходжа между колодцами Беке и Александрбаем, Учкую (Ишкую), а казахи рода джаппас — возле Мурзаира, у колодцев Карасенгир и Тышканкум; казахи рода берш — на Бузачах в песках Кызылкум; не имея колодцев, они пользовались колодцами джаровцев.

На Мангышлаке у мыса Тюбкараган (по-местному Кетык), на юг от него по побережью Каспийского моря, у Александрбая, Кендерлы и Карабугаза адаевцы находились в соседстве с туркменскими племенами исен, игдыр, иомуд, абдал, ходжа и т. д. Они жили полуоседло и занимались скотоводством, рыболовством, огородничеством и добычей соли. Хотя между адаевскими феодалами и туркменскими старшинами шла длительная борьба за пастбища и водопои, однако она не мешала казахам и туркменам поддерживать тесные экономические и культурные связи. Свидетельство этого — появление у адаевцев новых пород лошадей и верблюдов. Туркменские ковровщицы брали у адаевцев овечью шерсть для изготовления ковровых изделий, а адаевцы брали в свою очередь у туркмен (в обмен на овец и шерсть) деревянную часть юрты, лодки. Туркмены оказали влияние и на развитие у адаевцев домашнего ремесла, земледелия, рыболовства.

В отличие от других казахов у адаевцев отсутствовали крупный ро-

гатый скот, не много было и лошадей. Объясняется это тем, что на пастбищах Мангышлака и Устюрта нет ковыля, а преобладают полынь и солянка, не пригодные для лошадей и крупного рогатого скота. Кроме того, последний не приспособлен к зимней тебеневке и длинным переходам. Даже зимой он не может обходиться без воды, тогда как верблюд, лошадь и овца зимой в воде не нуждаются. Для содержания лошадей нужны сочные корма и чистая вода, а на территории, населяемой адаевцами, их было мало. Длительность и утомительность переходов требовали выносливых лошадей, поэтому адаевцы не доили кобылиц, оставляя молоко для питания жеребят. Лошадь являлась достоянием крупных скотоводов и почти отсутствовала в хозяйстве рядовых крестьян. Кроме казахской породы лошадей, адаевцы разводили так называемую адаевскую породу (путем скрещивания казахской лошади с туркменской). Адаевская порода отличалась большой выносливостью.

Основными видами скота у адаевцев были верблюды (одногорбые) и овцы, как наиболее приспособленные к местным условиям. Верблюд в мангышлакских условиях являлся незаменимым транспортным средством. Он ценился так же, как молочное животное. Кислое верблюжье молоко (шубат) заменял адаевцам традиционный казахский кумыс при переходах через безводные пустыни и воду. Адаевские верблюды отличались большой выносливостью.

Большой выносливостью и неприхотливостью к корму и воде отличалась и адаевская порода овец. Овцы хорошо паслись на полынно-солянковых пастбищах. Адаевская овца средней упитанности легко выдерживала суточный переход в 40—50 *км*. С каждой взрослой овцы получали 8—12 и даже 16 *кг* сала. Овцы давали в среднем около 1,6—2 *кг* жабагы (шерсти весеннего настрига) и 600—800 *г* шерсти осеннего настрига.

Каждая семья у адаевцев даже в конце XIX в. почти все необходимое для себя — жилище, одежду, постельные принадлежности, предметы домашнего обихода и т. п. — изготовляла кустарным способом из продуктов скотоводческого хозяйства. Среди адаевцев было много сапожников, кузнецов, мастеров серебряных дел и др. У них была слабо развита обработка дерева, зато они мастерски обрабатывали камень-ракушечник. Работа адаевских мастеров отличалась высоким качеством. Выполненная таким простейшим инструментом, как нож, художественно, очень тонко отделанная разноцветной кожей, узорно расшитая серебряной ниткой обувь или седельный прибор удивляли и восхищали ценителей[14]. Надгробия из ракушечника, сработанные адаевскими мастерами, отличались высокими архитектурными достоинствами[15].

Ремесло у адаевцев не отделилось от скотоводческого хозяйства. Оно стояло на низком уровне развития и обслуживало потребности натурального скотоводческого хозяйства. Адаевская беднота занималась рыболовством. Основными орудиями лова были самодельные крючки из кости. Адаевцы занимались охотой на пушного зверя и на дичь; как и туркмены, казахи, хотя и в незначительном размере, занимались земледелием, применяя искусственное орошение с помощью чигирей[16].

Своеобразные географические условия, в которых оказались адаевцы, наложили определенный отпечаток на все стороны их жизни. Хозяйство здесь было более отсталым, чем в других районах Казахстана. Это, как уже говорилось, определялось своеобразием географических и климатических условий.

[14] «Оренбургский листок», 1897, № 4, стр. 4.

[15] М. Мендыкулов. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.

[16] П. Рычков. Топография Оренбургская, ч. 1, СПб, 1762, стр. 15—16.

В XIX в. у адаевцев, как у всех казахов, преобладали феодальные общественные отношения, но пережитки патриархально-родового быта у них были сильнее. Это объясняется, по нашему мнению, двумя причинами. Во-первых, кочевое скотоводство, более или менее удовлетворявшее насущные потребности людей в пище, одежде, жилище и т. д., для своего развития не требовало быстрых серьезных изменений орудий производства, а последнее, как известно, играет главную роль в развитии производительных сил общества, от изменений которых в конечном счете зависит смена одного способа производства другим. Во-вторых, ведение скотоводческого хозяйства требовало коллективного труда, а коллективы в то отдаленное время могли основываться только на родовых принципах. Вот почему у адаевцев все явления общественной жизни выступают в неразвитом, нечетко оформленном, а иногда завуалированном виде. Патриархально-родовые пережитки являлись тормозом дальнейшего развития общества.

В условиях кочевого скотоводческого хозяйства основными средствами производства были земля и скот. Скот у адаевцев находился в частной собственности. Специфической особенностью производственных отношений у адаевцев являлось то, что феодальная собственность на землю (пастбища) у них складывалась через собственность на колодцы. Их сооружение требовало не только большой затраты сил и времени, но и значительных средств, чем и пользовались феодалы. Известно, что на Мангышлаке и Устюрте еще в XIII—XIV вв. существовала феодальная собственность на водные источники (колодцы), а через них — на пастбища[17].

Первые достоверные сведения о родниках и колодцах Мангышлака были собраны в 1870 г. начальником мангышлакских войск полковником Ломакиным. Он разъезжал с отрядом по Мангышлаку, устанавливал местонахождение родников и колодцев, определял глубину и качество воды в них, указывал, кому эти родники и колодцы принадлежат, с приведением фамилии, если это были отдельные лица, с названием подотделения, если они принадлежали общине, и указывал колодцы, считавшиеся общими для всех адаевцев и туркмен. В 1892 г. работала комиссия, исследовавшая хозяйственную жизнь населения Мангышлакского уезда. Одним из главных объектов работы комиссии было водоснабжение Мангышлака и Устюрта. Комиссия описала 363 группы колодцев и родников.

Как Ломакин, так и комиссия установили, что колодцы на Мангышлаке принадлежат или отдельным лицам, или целому поколению. Ломакин писал: «Колодцев здесь очень много и каждый непременно принадлежит или кому-нибудь из отдельных лиц или целому поколению. Это единственный вид здешнего поземельного права»[18]. То же подтверждала комиссия: «По принадлежности все колодцы можно разделить на три категории: одни, большей частью устроенные недавно, составляют собственность отдельных лиц, которыми они вырыты, устроены или куплены; другие, устроенные в более отдаленные времена и не перешедшие в собственность отдельных лиц (разр. наша. — *М. Т.*), принадлежат поколениям и аулам и третьи, очень давние, считаются принадлежностью всех киргизов и туркмен Мангышлакского уезда»[19]. Отсюда видно, что с течением времени все больше колодцев переходило

[17] «История Туркменской ССР», т. 1, Ашхабад, 1955, стр. 321—322.
[18] Н. Ломакин. Указ. статья, стр. 8.
[19] «Материалы комиссии 1892 г.» «Обзор Закаспийской области за 1893 г.» Асхабад, 1895, стр. 90—91.

в собственность феодалов. Но чем колодцы древнее, тем больше на них распространялась власть общины.

На Устюрте преобладали глубокие колодцы типа шинграу; они, как построенные главным образом на средства отдельных феодалов, находились в их собственности, что утверждают все письменные источники.

Существование как частной, так и общинной формы собственности на колодцы подтверждается и правом их использования. «Право пользования колодцами, составляющими частную собственность отдельных лиц, принадлежит прежде всего их владельцам, затем их родственникам по степени их родства, а потом уже всем посторонним туземцам Мангышлакского уезда и другим кочевникам»[20]. Лицо, не владеющее колодцем, прикочевавшее к чужому, при появлении хозяина колодца со скотом должно было, напоив один раз свой скот, удалиться в другое место[21]. В условиях кочевого общества право первенства пользования колодцами было достаточным для реализации права феодала как собственника.

Колодцами, устроенными общиной и принадлежавшими ей, пользовались все члены общины по очереди, а колодцами шинграу — в зависимости от размера расходов, затраченных на его устройство. По этому принципу устанавливалось чередование кочевок аулов при длительных переходах с юга на северные летовки и обратно.

Полковник Говоров, исследовавший право казахов Мангышлака на поливную землю и воду, рассказывает, каким образом такой источник орошения земли, как родники, переходил в собственность феодалов. Он насчитал 97 родников, о которых писал: «Во время занятия Мангышлака киргизами некоторые из них завладели означенными родниками с прилегающей к ней землею, и в настоящее время эти последние составляют родовую собственность потомков тех лиц; причем, одни из родников принадлежат отдельным лицам, другие составляют общую собственность нескольких лиц, принадлежащих одному поколению. Право на воду и землю имеют лишь только члены этих поколений и никто из них не в праве продать, подарить или даже отдать в аренду свою долю воды и земли в руки лиц, не принадлежащих к этому поколению. В случае смерти владельца доля его воды и земли переходит к старшему наследнику. Вновь выделившиеся кибитки не получают надела, потому, что иначе не достало бы всем воды. Долею воды пользуются лишь только семейные, а также вдовы, имеющие детей»[22].

Здесь говорится об «отдельных лицах» и «группах лиц», которые при переходе на Мангышлак захватили родники с орошаемой ими землею и закрепили их за своим потомством. Говоров не раскрывает социальную принадлежность этих «отдельных лиц» или «группы лиц». Но уже самый факт захвата ими земли и воды характеризует их как феодалов. Некоторый свет на этот вопрос проливают данные Ломакина. По его данным, на Мангышлаке, в Каратау, между последним и Актау и у Мирзапра в 70-х годах XIX в. имелись родники в 29 местах. Воды этих родников шли исключительно на орошение посевов. В 1870 г. под орошаемыми посевами было 550 десятин, из которых 116 десятин принадлежали отдельным биям, 421 десятина — группе биев, состоявших из 2-х, 3-х фамилий[23]. Ни один из родников здесь не принадлежал рядовому

[20] Там же.
[21] ЦГА КазССР, ф. 40, д. 13, лл. 100—101.
[22] Говоров. Обычный порядок пользования землею и поливной водой в Мангышлакском уезде. В кн.: Д. И. Субботич. Материалы по землепользованию в Закаспийской области. Асхабад, 1903, стр. 5.
[23] Н. Ломакин. Указ. статья, стр. 32—34.

адаевцу-скотоводу, если не считать 3-х десятин земли, засеваемых казахами из поколения ескельды отделения джаулы у родника Ушкоз, а также 10 десятин посевов, принадлежавших беднякам разных отделений у колодца Мурзаир[24]. Таким образом, не только в год учета (1870), но и задолго до него как родники, так и поливная земля находились в собственности кучки феодалов.

Наиболее полными являются данные комиссии, которая в 1892 г. учитывала все родники и колодцы Мангышлакского уезда. Комиссия сообщает, что на берегах Каспийского моря между фортом Александровским и Карабугазским заливом имелось 3 родника с пресной и 2 с соленой водой, к северу от форта — 20 родников с пресной водой, а в горах Актау и Каратау — 88 с пресной и 2 родника с соленой водой, к югу от гор Каратау — 3 родника с пресной и 11 с соленой водой, на Устюрте — 46 с пресной и 18 родников с соленой водой. Всего в уезде имелось 160 пресных родников и 33 соленых родника[25]. Однако данные комиссии о принадлежности родников опубликованы не были и в архивах пока не обнаружены.

По данным того же Ломакина, на Мангышлаке по дороге к Каратау, заливам Сарыташ и Кайдак, у заливов Александрбай и Кендерлы и на полуострове Бузачи имелись 1139 основных колодцев. По данным же комиссии в 1892 г., на берегу Каспийского моря между фортом Александровским и Карабогазским заливом было 76 колодцев с пресной и 62 — с соленой водой, на Мангышлакском полуострове — 98 с пресной и 53 с соленой; на полуострове Бузачи — 438 колодцев с пресной, 860 с соленой; в горах Актау и Каратау — 29 с пресной и 8 с соленой водой; к югу от гор Каратау — 183 с пресной и 246 с соленой водой; на Устюрте —387 колодцев с пресной и 447 с соленой водой. Всего было 2887 колодцев глубиной от 0,5 до 25 саженей (глубина колодцев возрастает к югу от гор Каратау и на Устюрт)[26]. Но из предварительных данных Комиссии не видно, какие колодцы принадлежали биям, а какие поколениям, сколько было общих для всех адаевцев и туркмен колодцев. Такие сведения (по основным колодцам) приведены только в статье Ломакина. По его данным, из 1139 колодцев 794 принадлежали 77 биям шести родов, а 291 колодец — девяти подотделениям этих же родов. Таким образом, выходит, что остальные 19 подотделений и поколений этих родов не имели вовсе общинных колодцев. Большинство колодцев Устюрта и района Кендерлы принадлежали верхним адаевцам, лишь 54 колодца, расположенные на больших путях, считались общими для всех адаевцев и туркмен[27]. Некоторым биям принадлежало более 100 колодцев. Известный бий Ермамбет владел 114 колодцами в районах Бузачи, по берегам залива Кайдак и гор Актау, Урман-бию в Бузачах принадлежали 105 колодцев, Есен-бию — 40 и т. п.

Такое распределение собственности на колодцы являлось источником постоянной, временами ожесточенной борьбы между адаевскими родовыми делениями, между последними и казахами рода шекты на Устюрте, между адаевскими и туркменскими феодалами. Адаевцы подотделения джар, захватив колодцы подотделения коскулак, насчитывавшего 210 кибиток в местности Мастек (Бузачи), вынудили их уйти на юг в районы Кендерлинского залива[28]. Особой ожесточенностью отли-

[24] Там же.
[25] «Материалы комиссии...», стр. 69.
[26] Там же, стр. 69.
[27] Н. Ломакин. Указ. статья, стр. 32—34.
[28] Там же, стр. 30.

чалась борьба между адаевцами и шекты в середине XIX в. во времена Исета Котибарова, когда первые у колодца Шектыкырылган потерпели жестокое поражение[29].

Захват большинства колодцев феодалами явился средством эксплуатации рядовых скотоводов — сородичей. Из данных Ломакина нам известны подотделения и поколения в шести родах, кочевавших на Мангышлаке, и их колодцы. Из 27 подотделений и поколений этих родов самостоятельную кочевую общину составляли казахи 9 отделений, владевших 291 колодцем. Адаевцы же остальных 18 подотделений и поколений не имели своих колодцев, значит они и вынуждены были кочевать вместе с владельцами колодцев и родников, подвергаясь феодальной эксплуатации. За право поить свой скот и пасти его они должны были выполнять любую работу для глав родовых отделений, владевших колодцами, т. е. платить отработочную ренту. Бии же, в условиях кочевого скотоводства, при натуральности хозяйства и сохранении родовых пережитков, не в состоянии были взимать с подвластных им своих дальних и близких сородичей натуральную ренту в виде скота. Им нужна была прежде всего рабочая сила, необходимая для разведения, сохранения скота, ведения его хозяйства. Эти отношения между «родственниками» существовали как само собою разумеющиеся, осуществлялись без какой-либо официальной договоренности и не бросались в глаза. Все это прикрывало их феодальную сущность. В отличие от других районов Казахстана, у адаевцев рядовые общинники подвергались более жестокой эксплуатации, были более зависимы от феодалов.

Сопоставляя данные Ломакина и комиссии 1892 г. и исключив из данных последней 834 колодца Устюрта, не учтенных Ломакиным, обнаруживаем, что за 20 с лишним лет количество колодцев на Мангышлаке увеличилось на 914 . Это — колодцы, приобретенные феодалами в собственность в 70—90-х годах XIX в. Их число продолжало быстро увеличиваться и в последующие годы.

Таким образом, феодальная верхушка адаевцев различными путями сосредоточивала в своих руках главное средство существования в скотоводстве — водные источники в виде колодцев, и следовательно, и прилегающую к ним поливную и пастбищную землю.

Так как колодцы устраивались на самых лучших урочищах, то естественно, что собственник колодца являлся и хозяином окрестных пастбищ. Право владельца колодца первым пользоваться водой автоматически распространялось на пользование пастбищами.

Феодальную верхушку в лице баев, биев, «почетных аксакалов», старшин у адаевцев называли биями, почетными биями, а старшин, как у туркмен и персиян, сардарами.

В соответствии со своей экономической мощью и количеством подвластного населения бии делились на крупных и мелких. Власть некоторых из крупных биев распространялась на целое отделение. Таких крупных биев в середине XIX в. было 6. За ними стояли так называемые почетные бии, которые управляли отделением, подотделением и поколением; в 1870 г. в отделении баимбет было 33 почетных бия, в тобушевском —23, в джаулиевом —16, в туркмен-адаевском роде —9, джименеевом — 5.

Самые мелкие бии управляли аулами, поколениями. Бии управляли всей экономической, политической и общественной жизнью адаевцев. Наиболее крупные из них выступали от имени адаевских отделений в регулировании споров между ними и племенами Младшего жуза, тур-

[29] Белявский. Указ. статья, стр. 20—21.

менами, Хивинским ханством и пограничными властями России. Хивинские ханы старались привлечь на свою сторону крупных биев и через них установить свою власть над адаевцами. Такую же политику проводила впоследствии царская администрация, которая назначала на все должности местного управления угодных ей биев, раздавала им чины и щедро одаривала.

Власть биев не была наследственной, однако некоторым из крупных биев удавалось закрепить свое положение за своими сыновьями. Таким образом бии составляли на Мангышлаке господствующий класс. Среди адаевцев не было султанов. Как известно, не все роды Младшего жуза были подвластны султанам. К ним, возможно, относятся и адаи, кочевья которых находились в северо-восточной части Каспийского побережья. В начале XVIII в. среди адаев выдвинулся батыр Есек Есенгулов. Во второй половине XVIII в. хан Нурали попытался закрепить Мангышлак за своим братом Пирали, но эта попытка не удалась. Пирали недолго кочевал с адаевцами во время их перехода на летовки и вынужден был уйти от них. Власть местных феодалов-биев осталась нетронутой.

Масса трудового населения была неоднородна по своему имущественному положению. Различие в имущественном положении определяло и степень зависимости от феодалов, от сословной неполноправности до полной закабаленности. Часть населения на основе сохранения общинной собственности на небольшое количество колодцев и пастбищ формально составляла отдельные кочевые общины, где все трудоемкие работы (пастьба, поение скота, рытье колодцев, сооружение шинграу) совершались сообща, всеми членами общины. Конечно, и такого рода общинники не были свободны от феодальной эксплуатации, которая выражалась во всякого рода приношениях и поборах. Другая, большая часть крестьянства, имевшая скот, но лишенная воды, вынуждена была кочевать вместе с феодалом и выполнять основные трудоемкие работы в его хозяйстве.

Адаевцы жили напряженной трудовой жизнью, что бросалось в глаза наблюдателям того времени. В производственной жизни адаевцев большое место занимало водоснабжение. Девять месяцев в году они содержали скот, пользуясь водой из колодца[30], а во время перекочевок, продолжавшихся четыре месяца, они вынуждены были рыть новые или очищать старые колодцы, чтобы обеспечить скот водой. Поение скота требовало значительной затраты труда сверх обычных работ по уходу за скотом: пастьба, охрана, уход за молодняком. Много труда в период перекочевок уходило на сборку и разборку юрт, навьючивание и развьючивание животных, заготовку и подвоз к стоянкам воды и топлива и т. д. Зимою много усилий затрачивалось на добычу корма для верблюдов из-под снега, сооружение зимних жилищ, утепление юрт земляным валом, сооружение загонов для скота и т. д.

Кроме того, население во всем должно было следовать своему бию, выполнять его поручения, рискуя жизнью, участвовать в операциях по захвату чужого скота (барымте), затеваемых им. Часть сородичей обслуживала самого бия, его семью и их гостей. Особенно тяжело отражалась на материальном положении подвластных биям крестьян межфеодальная борьба, продолжавшаяся вплоть до конца XIX в. как внутри племен, так и между адаями и их соседями. Длительность и ожесточенность этой борьбы была обусловлена главным образом недостаточностью водных источников. Каждому открытому столкновению предшествовала

---

[30] Каждый адаевец носил на поясе железную лопату — *болдеме* — для рытья и очистки колодцев. Ею они работали с удивительной быстротой и сноровкой.

взаимная барымта, которая нередко кончалась разорением целых аулов, а иногда уплатой куна за убитых во время столкновений. В этой борьбе была заинтересована имущая верхушка, а расплачиваться приходилось трудящимся. В барымте не различали, кто виновен, а разоряли любого, попавшего под руку, лишь бы он принадлежал к роду обидчика. Убытки при ответной барымте возмещали бии, феодалы; рядовым же кочевникам убытки не возмещались. В то же время, по обычному праву, кун платили не только виновные в убийстве, а все сородичи. Немало наживались за счет трудящихся те бии, которые вели судебное разбирательство. Как известно, все уголовные и гражданские дела до реформы 1868 г. разбирались судом биев, которые за это получали 10 проц. стоимости иска, причем платили и правый и виноватый. Но во многих случаях эта правовая норма видоизменялась в ущерб интересам бедноты. Очень показателен следующий факт, сообщенный А. Гейнсом. Суд биев, обсудив иск одного русского крестьянина к адаевцу, укравшему у него трех лошадей, вынес решение: лошадей возвратить истцу, дополнительно взыскать с ответчика трех лошадей и 150 рублей штрафу. Размер бийлыка (плата биям за суд) был определен в 3 быка. В данном случае бийлык составил 100 процентов[31].

На население ложилось и содержание мусульманского духовенства, в пользу которого по шариату каждая семья должна была выделять с 40 голов скота одну[32]. На традиции держалось и обязательное угощение глав родовых делений — биев и старшин. После заготовки мяса на зиму (согум) бии со своими приближенными посещали подвластное население и угощались своей долей (*сыбага*). Конечно, это для материально достаточных большого значения не имело, но бедняки при этом теряли запасы, которыми семья кормилась бы целую неделю.

После очередного джута или барымты некоторые бедняки оказывались без всяких средств. Это приводило в пожизненную кабалу к феодалам. Кочевать они больше не могли. На попечение этих бедняков адаевские богачи оставляли в Устюрте на все лето основное поголовье верблюдов и лошадей. О тяжелом положении этих бедняков побывавший на Мангышлаке и Устюрте в 50-х годах XIX в. топограф Алексеев писал: «Верблюдов большей частью пасут бедные, одинокие, а иногда семейные киргизы, нанимавшиеся почти из-за насущного хлеба, с оплатой от 2 до 3 баранов за все лето. Бессемейные пастухи отгоняют верблюдов в солончаки, где нет ни порядочной для лошадей травы и ни одной пресной копани..., и довольствуются в течение целого лета одним верблюжьим молоком, не заботясь ни о какой другой пище, ни о пресной воде. Семейные остаются около копаней с пресной водой. Не имея собственного скота и особой пищи, они в течение нескольких месяцев ограничиваются одним верблюжьим молоком, довольствуя им и детей»[33]. Небольшое количество бедноты было занято обработкой поливной земли биев.

Основная масса разоренных крестьян сосредоточивалась в районе песков Сам, в устье р. Эмбы и на полуострове Бузачи, где добывали себе пропитание рыбной ловлей. О тяжелом материальном положении обитателей полуострова Алексеев писал: «Бедный класс киргизов на Бузачи от недостатка средств к приобретению находится в самом жалком состоянии»[34]. О бедняках, обитавших в низовьях р. Эмбы, он писал: «Бедняки эти, едва прикрывая свою наготу, останавливаются кочевьем обык-

[31] А. К. Гейнс. Сборник литературных трудов. СПб, т. II, 1898, стр. 112.
[32] «Материалы по обычному казахскому праву». Сборник I. Алма-Ата, 1948, стр. 139.
[33] ЦГВИА, ф. ВУА (Военно-ученый архив), 1853, д. 19261, л. 84.
[34] Там же, л. 83.

новенно в 30—40 кибиток, плотно сдвинутых в кучу или ввиде каре»[35]. Посреди тесно расставленных кибиток они разводили костер, чтобы защитить себя и скот от комаров и слепней. Этих людей прозвали тобыр-адаевцами (*тобыр* — бедняцкий стан).

В хозяйстве адаевских феодалов в значительной мере применялся и труд рабов[36]. Домашнее рабство сохранилось у адаевцев до 70-х годов XIX в.

Краткий обзор социальных отношений адаевцев показывает, что в начале XIX в. они переживали период феодализма при сохранении укоренившихся пережитков патриархально-родовых отношений и наличии домашнего рабства. У адаевцев уже сформировался класс феодалов, главными представителями которых были бии. Феодалы держали в своих руках колодцы и распространяли свою власть на прилегающие к ним пастбища. Султанов в отличие от других районов Казахстана у адаевцев не было. Основной формой эксплуатации крестьянства была отработочная рента в хозяйстве феодалов.

* * *

Мангышлак и Устюрт в первой половине XIX в. являлись территорией, на которую издавна претендовали хивинские ханы. С другой стороны, необходимость использования пастбищ, расположенных на территории Хивы, и торговый обмен с ней заставляли адаевцев поддерживать с этим ханством тесную связь. Скудость пастбищ заставляла часть адаевцев пасти свой скот на пастбищах, принадлежавших хивинским феодалам. Эти переходы адаевцев были особенно необходимы в неурожайные годы и в снежные суровые зимы. Кроме того, адаевцы обменивали в Хиве продукты животноводства на хлеб, который они почти не производили. Вот что заставляло их терпеть любые притеснения со стороны Хивинского ханства, они продолжались вплоть до Хивинской революции 1920 г.

Начало подчинения адаевских казахов хивинскому ханству относится к концу XVIII в., когда они признали своим ханом Абулгазиза, сына бывшего хана Хивы Каипа[37]. Капитан генерального штаба Мейендорф в письме к министру иностранных дел К. В. Нессельроде писал, что казахи, откочевавшие на Мангышлак и Сыр-Дарью, признали своим ханом в 1797 г. Абулгазиза, находящегося в Джанкенте, расположенном в 200 верстах от устья р. Сыр-Дарьи[38]. Н. Муравьев, побывавший в Хиве зимой 1819—1820 г., подчеркивал не только факт подчинения хивинским ханом Мухаммед Рахимом (1806—1826 гг.) каракалпаков, туркмен и адаевцев, но говорил также и об усилении власти хана над казахским населением, кочевавшим на Сыр-Дарье и на Мангышлаке[39]. Он писал, что с воцарением вышеуказанного хана прекратилось приглашение на ханство в Хиву казахских султанов, что казахи, управляемые Ширгазы, братом Абулгазиза, ежегодно приносят хану подать 1/100 часть скота, что хивинский хан считает население Мангышлака себе подданным и преданным[40]. Полковник генерального штаба Белявский и Г. С. Карелин утверждают, что в 30-х годах XIX в. адаевцы находились в зависимости от Хивинского ханства[41]. По данным Л. Костенко, в 40-х годах XIX в. всех казахов

[35] Там же.
[36] ЦГВИА, ф. ВУА, 1887, д. 6850, стр. 201.
[37] «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, стр. 34—35.
[38] Там же, стр. 395, док. № 117.
[39] Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и в Хиву в 1919 и 1820 гг. ген. штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров М., 1822, ч. 2, стр. 52.
[40] Там же, стр. 133—134.
[41] Белявский. Указ. статья, стр. 2—3.

насчитывалось около двух с половиной миллионов, из которых два миллиона 200 тыс. душ он считал подданными России, а остальных 300 тыс. — независимыми и кочующими на Устюрте или признающими власть Хивы, Бухары и Коканда[42]. К этому времени относится и утверждение военного министра России о том, что казахи и туркмены Мангышлака зависимы от Хивы[43]. Г. И. Даниловский, возглавивший российскую миссию в Хиву в 1842 г., считал, что казахи родов табын, адай и шекты находились под властью хивинского хана. Он даже различал степень зависимости этих казахов: если адаевцы управлялись своими биями и только для сбора зекета к ним приезжали ханские сборщики, то шектинцы же полностью управлялись хивинскими чиновниками, жившими в крепости Беш-кала, специально устроенной для этой цели[44].

Не без основания царское правительство издало в 1838 г. специальное постановление, обязывавшее пограничные управления «склонить независимых от России киргиз к подчинению общему порядку, вводившемуся тогда в степи, действуя в этом случае благоразумием и мерами увещевания»[45]. А к концу 50-х годов XIX в. адаевцы окончательно вошли в российское подданство. А. Алекторов пишет, что после подавления бунта Е. Котибарова (1855—1856 гг.) подчинились правительству России шомышты-табынцы и адаевцы, чем было уничтожено влияние Хивы на юго-западе и юго-востоке[46].

Приведенные факты свидетельствуют, что с конца XVIII в. и до середины XIX в. адаевцы несомненно находились в подчинении Хивинского ханства. Нужно заметить, что если в документах часто встречается утверждение о том, что шектинцы в 1822 г. приняли хивинское подданство[47], то в отношении адаевцев подобных утверждений не встречается. Это можно толковать в том смысле, что адаевцы были в меньшей зависимости от Хивы, чем шектинцы. Хивинскому хану не удалось укрепить свою власть над адаевцами в такой мере, в какой ему удалось это сделать на Сыр-Дарье.

Главной опорой и проводниками политики хивинского хана на Мангышлаке были адаевские бии. Они должны были держать население в повиновении хану, содействовать ханским сборщикам зекета. Хивинские ханы подкупали биев подарками и почетными назначениями. Так, Хивинский хан назначил родоправителями на Мангышлаке влиятельного бия Мая и муллу Калбы[48]. После смерти Калбы, хан Мухамед Эмин назначил на его место его 19-летнего сына Кафаура. Следует отметить, что Кафаур понимал историческую необходимость присоединения к России для казахского народа. Его не остановили ни ханские «милости», ни угрозы, а вскоре он перешел в российское подданство. Каждую весну и осень адаевцы пригоняли в хивинские города большое количество скота и продуктов скотоводства (армячину, войлок, шерсть, кожу), обменивая все это на хлеб, (главным образом джугару) и на изделия ремесленного производства — бязь, деревянную и железную утварь и т. п. В хивин-

[42] Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб, 1870, стр. 31.

[43] А. Г. Серебрянников. Туркестанский край. Сборник материалов по истории его завоевания 1844—1846 гг. Ташкент, 1914, стр. 61.

[44] «Описание Хивинского ханства». «Записки РГО», 1851, стр. 95, 96, 99.

[45] И. Н. Крафт. Сборник узаконений для киргизов степных областей. Оренбург, 1898, стр. 57.

[46] «Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах». Казань, 1900, стр. 29—37.

[47] А. И. Добромыслов. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902, ч. 2, стр. 265; А. Е. Алекторов. Указ. соч., стр. 25; «Материалы по истории Казахской ССР», IV, стр. 38.

[48] ЦГА КазССР, ф. 85, д. 23, лл. 68—70.

ских городах адаевцы приобретали и изделия русской промышленности, поступавшие туда через Бухару и Оренбург.

Адаевцы платили хивинскому хану пошлину за пригнанный для продажи скот, за покупаемый хлеб и товары. Г. И. Даниловский, изучавший состояние торговли в Хиве, писал, что пошлина с продаваемого скота на базаре взимается: с барана — 25 коп., с лошади и рогатого скота — 2 руб., с верблюда — 4 руб. ассигнациями[49]. Адаевцы платили пошлины и за покупаемый товар. За каждого навьюченного верблюда они платили пошлину от 3 р. 50 к. до 6 руб. серебром[50]. Это подтверждал и купец Турпаев, приезжавший в 1834 г. в Хиву. Адаевцы жаловались ему, что хан обременяет их налогами, что при ввозе хлеба и товаров он берет с каждого верблюда до 5 и более рублей[51]. Этот сбор взимался с адаевцев, которые прибывали для обмена в хивинские города из пределов Мангышлака. С тех, которые зимовали на территории Хивы, взимался «бадж» — сбор за продажу скота в хивинских городах[52].

Хивинский хан облагал адаевцев государственным налогом — зекетом. Он определялся ежегодно в размере 600 тилле (около 4 руб. на русские деньги) или же 1000 овец[53]. Если они в какой-то мере могли уклоняться от уплаты зекета, когда находились на Мангышлаке и Устюрте, то часть адаевцев оказывалась во власти хана, его чиновников и местных беков, когда переходила в пределы Хивы для пастьбы скота или обмена. По данным 1851 г., на территории Хивинского ханства было около 1000 кибиток адаевцев и до 1700 кибиток из других родов Младшего жуза[54]. Располагались они близ городов Кунграда, Куня-Ургенча, Ходжейли, Кзыл-Ходжи, Гарлен, на ур. Буздюй. Все они платили хану зекет — 5 тиллей с каждых 40 верблюдов, лошадей и рогатого скота, и 100 аббассов (прим. 1 рубль ассигн.) с 40 овец[55]. Кроме того, они должны были платить местному беку за пользование пастбищами специальный сбор, так называемый чуп-пули (деньги за траву). Так, кунградскому беку адаевцы и шектинцы платили по 20 коп. с верблюда и лошади, 10 коп. с коровы и по 5 коп. с овцы[56]. Бедняки, даже не имевшие скота, за одно только пребывание в пределах Хивы платили по 1—1,5 тилли[57]. Некоторые адаевцы арендовали землю у хивинских землевладельцев за половину урожая. Их называли *ярымча* (половинники). Кроме того, с них взимался в пользу хана ушур в размере 1/10 части собранного урожая. Многие из адаевцев жили извозом — отдавали верблюдов в наем хивинским купцам для торговых караванов.

Сбор зекета был подлинным грабежом. Адаевские старшины обязаны были собирать зекет к определенному сроку, в противном случае, приходили отряды хана, грабили аулы, угоняли скот, убивали мирных людей. Особую жестокость хан проявлял по отношению к тем, кто тяготел к России. Известный адаевский батыр Суюнкара в 1832 г. дал обещание султану, правителю западной части Младшего жуза Б. Айчувакову, вступить в подданство России. Когда об этом узнал хивинский

---

[49] Г. И. Данилевский. Указ. соч., стр. 126.
[50] Г. С. Карелин. Дневник. «Записки РГО», 1883, кн. X, стр. 485.
[51] М. Галкин. Дневник переводчика армянина Турпаева, посланного в 1834 г. из Ново-Александровского укрепления в Хиву. «Записка РГО», по отд. этн., т. 1, 1867, стр. 117.
[52] Оренбургский облархив, ф. 6, 8336, 1850, л. 10.
[53] Н. Середа. Из истории волнений в Оренбургском крае. «Русская мысль», 1891, кн. X, стр. 80; ЦГИА КазССР, ф. 4, д. 3380, 1850, лл. 129—134.
[54] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3380, лл. 151—160.
[55] Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства, стр. 135.
[56] Белявский. Указ. статья, стр. 22.
[57] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 5369, 1854, лл. 60—61.

хан Аллакули, он отправил в аул Суюнкары отряд в три тысячи человек под начальством есаулбаши Мамбетнияза. Суюнкара в это время кочевал близ берегов Каспийского моря, на полуострове Бозащи. Отряд хана разграбил аулы Суюнкары, взял в плен 30 женщин и девушек, а также жену, дочь и одного из сыновей Суюнкары. На обратном пути тот же отряд разграбил около 100 аулов адаевцев. Пять дней спустя, 800 адаевцев во главе с Суюнкарой отправились в погоню за отрядом хана и через 6 дней настигли его. Началась битва, в которой было убито около 150 адаевцев. Оставшиеся в живых вынуждены были бежать. Отряд хивинского хана преследовал их до поздней ночи, многих захватили в плен. Адаевцы были прижаты отрядами хана к крутому берегу. Спасаясь от плена, они бросались с обрыва и погибали. По свидетельству участника этих событий пленного Беляева, убитых было до 300—400 человек.

Есаулбаши Мамбетнияз послал пленного Ахмета к Суюнкаре с требованием, чтобы тот немедленно прислал послов с просьбой о мире. Суюнкара отправил к хану своего старшего сына Бокбатыра с десятью биями. Но хан заключил их под стражу, за исключением одного бия, которого отправил обратно к Суюнкаре с требованием, чтобы тот приехал в Хиву и стал служить ему со всеми подвластными ему адаевцами. Кроме того, хан потребовал от Суюнкары платить ему зекет по 5 баранов с каждой кибитки. Суюнкара, спасаясь очередного нападения, перекочевал с уцелевшими от разгрома аулами на пограничную линию и перешел под покровительство Баймухаммеда Айчувакова[58].

Таким опустошительным набегам адаевцы, кочевавшие на Мангышлаке и Устюрте, подвергались постоянно.

Однако в 30—40 годах XIX в. в жизни адаевцев произошли большие изменения. Восточные берега Каспийского моря, имевшие большое экономическое и стратегическое значение, давно привлекали внимание царского правительства. Оно ревностно охраняло этот район от проникновения других государств, а с 30-х годов XIX в. приступило к присоединению его к России. Это обстоятельство имело большое значение в политической и экономической жизни адаевцев.

Из вышеизложенного вытекают следующие краткие выводы. Казахи племени адай жили в своеобразных географических условиях, которые оказали влияние на все стороны их жизни. Природные условия позволяли адаевцам заниматься главным образом подножным, пастбищным скотоводством и задерживали переход к более высоким формам хозяйства —земледелию и сенокошению, являвшимся основой для перехода к оседлости.

Хозяйство адаевцев было отсталым, натуральным, полностью зависевшим от условий природы. Ремесло было развито слабо, хотя некоторые виды художественного ремесла достигли большого совершенства. Ремесло не отделилось от скотоводческого хозяйства, обслуживало потребность натурального хозяйства.

Природные условия занимаемой адаевцами территории обусловили и виды разводимого ими скота. Наиболее приспособленными к местным условиям оказались верблюды и овцы. Лошади были малочисленны и не имели такого значения в хозяйстве адаевцев как верблюды и овцы. Рогатый скот на Мангышлаке почти не разводился.

Требуя для своего ведения коллективного труда, скотоводство обусловило сохранение патриархально-родовой общины. Долгое время здесь сохранялось домашнее рабство. Феодальные формы эксплуатаций

[58] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 1652, лл. 13—15.

и все связанные с ними явления общественной жизни выступали в неразвитом, не четко оформленном виде.

Основным эксплуататорским классом в племени адай были бии. Они сосредоточили в своих руках управление всей экономической, политической и общественной жизнью населения; через них старались проводить свою политику хивинские ханы и царское правительство. Адаевские казахи в течение двух столетий почти не знали власти султанов.

Феодальная собственность на землю (пастбища) складывалась через собственность биев на колодцы, которые являлись здесь главным условием существования и хозяйствования. Здесь существовало две формы собственности на колодцы — феодальная и общинная; однако к 70-м годам XIX в. подавляющее большинство колодцев перешло в собственность кучки феодалов и использовалось ими как средство получения отработочной ренты от рядовых кочевников. Адаевские казахи жили напряженной трудовой жизнью во все времена года.

Особенности природных условий, необходимость чередования пастбищ, дальность расстояния между зимними и летними районами кочевок придавали проблеме пастбищ и водоснабжения особую остроту. Это являлось причиной систематических столкновений как внутри самих адаевских общин, так и между адаевцами и соседями — казахами родов Младшего жуза и туркменскими племенами.

Недостаток пастбищ, необходимость обменной торговли, заставляли адаевцев поддерживать с Хивинским ханством тесную экономическую связь. Эти связи служили Хивинскому ханству средством порабощения адаевцев, продолжавшегося с конца XVIII и до середины XIX в. Хивинские ханы всячески старались подчинить адаевцев своей власти, безуспешно пытались использовать их против продвижения России.

Присоединение Мангышлака к России

Постепенно завладевая Средней Азией в XIX в., царское правительство придавало особое значение занятию Хивинского ханства. Только географическое положение Хивы обусловило то обстоятельство, что окончательное ее подчинение России совершалось лишь в начале 70-х годов, после занятия Ташкента (1865), подчинения Бухарского ханства и присоединения Зеравшанского округа (1868), за два года до присоединения Кокандского ханства (1875—76).

Присоединение Мангышлака необходимо рассматривать как процесс постепенного распространения власти царского правительства в сторону Хивинского ханства с запада, со стороны Каспийского моря. Чтобы решить эту задачу, России нужно было завладеть восточным берегом Каспия, где кочевало многочисленное племя адай и туркменские племена, основная масса которых находилась в зависимости от Хивы и Персии, платила им дань. Таким образом, на восточном берегу Каспия переплетались интересы России, Персии и Хивы.

Россия долго не могла подчинить прикаспийских туркмен. Осторожные и дальновидные политики России (Катенин, Нессельроде, Горчаков, Ермолов и др.) в начале XIX в. опасались, что если Россия начнет военные действия на восточном берегу Каспия, то против нее выступят не только туркмены, но и Персия и Хива, за спиной которых стояла Англия, готовая оказать им помощь в борьбе против России. Это обстоятельство до поры до времени сдерживало Россию от решительных действий в этом районе. Такой политики царское правительство придерживалось до начала 70-х годов, пока Россия не укрепила свои позиции в Средней Азии.

И в отношении прикаспийских туркмен до 80-х годов XIX в. царизм проводил политику подчинения их своему влиянию мирными средствами, путем расположения их к себе, установления с ними дружественных отношений, оказания материальной помощи (хлебом), обещания военной помощи и защиты их интересов от посягательств Хивы и Персии. Такую политику царское правительство проводило и после овладения восточным берегом Каспия, до непосредственного присоединения всей территории туркмен. Мирные отношения Россия поддерживала и с Хивой. Одновременно велась подготовка к полному подчинению Хивы России: изучалось ее военно-политическое положение, а также проводилась большая военно-политическая и разведывательная работа на восточном берегу Каспия и в прилегающих территориях. Во имя осуществления этих целей, а также для основания укрепления на восточном берегу Каспия Россия предпринимала в течение XVIII и первой половины XIX в. несколько экспедиций. Так, экспедиция 1720 г. Ф. И. Соймонова и К. П. ван Вердена изучала острова Кулалы, Тюбкараган, Александрбай. В мае 1764 г. начальник Астраханского порта капитан Токмачев и инженер-майор Ладыженский, кроме залива Тюбкараганского, описали еще заливы Красноводский, Валханский и остров Челекен, впервые открыли Киндерлинский залив с прекрасной гаванью и пресной водой.

В 1805 г. по личному указанию Александра I генерал майор Фелкерзем обследовал устье р. Эмбы и мыс Тюб-Караган. Свои проекты и сметы по созданию военно-торговой базы у Тюб-Карагана он представил министру коммерции графу Румянцеву. Долго не было достигнуто единого мнения о месте для строительства. Адмирал Мордвинов предлагал построить его у Красноводска или Огурчинска, но против этого возражал главноуправляющий Грузии Ермолов. Он опасался, что «персияне не останутся равнодушными, видя нас учреждающими заведения столько близко к границам их, паче к Хорасанской области, непокорствующей им и давно уже возмутившейся»[59], поэтому строительство укрепления на восточном берегу Каспия было отложено на неопределенное время.

27 лет спустя поиски возможностей сооружения укрепления на Мангышлаке возобновились. В 1832—1836 гг. с перерывами на восточном побережье Каспия работала большая экспедиция Г. С. Карелина. Перед ней были поставлены обширные задачи: нанести на топографическую карту весь восточный берег Каспия от устья р. Эмбы до персидских пределов, отыскать удобное место для основания укрепления, «выяснение истинного состояния киргизцев ...адаевского племени, с давних времен утвердившегося по берегам заливов Мертвого и Кайдака»[60]; «ознакомление жителей с нашими произведениями, привлечение их к непосредственным с нами торговым сношениям и изыскание средств к прочному основанию с ними сношений»[61]. Об экспедиции Карелина было официально объявлено, что она выезжает для обследования уральских рыболовных островов.

В период 10 мая — 16 августа 1832 г. экспедиция описала полуострова Бузачи и Мангышлак, устье р. Эмбы. Она также собирала сведения об адаевцах. О значении северо-восточного побережья Каспия для России Карелин писал следующее: «Северо-восточные берега Каспийского моря никогда не были обозреваемы с тем вниманием, коего по

[59] ЦГВИА, ф. ВУА, ф. 483, д. 1, л. 2 об.

[60] Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. «Записки РГО по общей географии», т. X, 1883, стр. 5—6.

[61] Л. С. Берг. Туркмения, т. 1, 1929, изд-во АН СССР, стр. 99.

географическому своему положению заслуживают. Весьма немногие из мореходцев и то мимоходом заглядывали в сии пустынные места. Ни один естествоиспытатель не посещал берега, включенные между Старым Мангышлаком и Гурьевом на протяжении с лишком 900 верст. Пространство великое и тем более важное, что прилежит к землям, служащим ключом к будущей нашей торговле и политическим связям с Среднею Азиею. Хотя ближайший осмотр сей страны подает мало надежды к прямо хозяйственным заселениям или колониям, но в отношении военном и коммерческом может по всей справедливости стяжать внимание правительства[62].

Об адаевцах он писал, что они «живут в совершенной независимости, ни в чем ни кому не давая отчета»[63].

Кроме путевого журнала, который составляет целую книгу, Карелин составил карту северо-восточной части Каспийского моря, карту зал. Кайдака и планы многочисленных островов. По возвращении из экспедиции он составил обстоятельную докладную записку, в которой предлагал приступить к строительству порта и укрепления на утесе Кзылтас. Он доказывал, что относительная глубина бухты, наличие на вершине утеса источников пресной воды и строительного материала, близость к Гурьеву и выгодное положение на пути в Хиву придают этой местности очевидные преимущества[64].

В это время секретно вынашивался план похода на Хиву, что придавало работе Г. Карелина особую важность. Его вызвали в Петербург; 19 мая 1833 г. на заседании Азиатского комитета Военного Министерства в присутствии Перовского были обсуждены результаты экспедиции Г. Карелина. Комитет еще раз подтвердил, что со времени Петра I Россия стремится «стать твердой ногой на восточный берег Каспийского моря и выгоды коего как для торговли и промышленности, так и для дальних желаний правительства очевидны»[65], и нашел, что время для осуществления этого наступило. Наиболее подходящими пунктами для сооружения крепостей были признаны залив Карасу-Кайдак и берег Мангышлака, но для начала предпочтение было отдано Карасу-Кайдаку.

Заложение крепости Азиатский комитет возложил на Оренбургского генерал-губернатора Перовского, выделив в его распоряжение для для этой цели 50 тыс. руб., а начальником строительства рекомендовал Карелина. Рассматривая строительство укрепления как первый шаг по пути продвижения в Среднюю Азию и опасаясь вмешательства Хивы и Персии, Азиатский комитет рекомендовал действовать осторожно, ничем не обнаруживая его завоевательного и политического характера. Поэтому, только в исключительных случаях разрешалось применение оружия, запрещалось устраивать какие-либо селения, давать нижним чинам и казакам права и привилегии поселенцев, а местному населению стараться внушить, что укрепление построено с целью развития торговли со среднеазиатскими ханствами.

Произведя необходимую подготовку в Астрахани в 1833—1834 гг., экспедиция Карелина в конце 1834 г. в составе 500 казахов и солдат на 5-ти судах в сопровождении 3 крейсеров вышла из Гурьева и 2 мая высадилась в заливе Карасу. Начавшаяся в мае 1834 г. закладка (укрепления) закончилась в течение двух месяцев. Это было солидное со-

---

[62] Г. С. Карелин. Указ. соч., т. X, стр. 5.
[63] Там же, стр. 485.
[64] А. Попов. Борьба за Среднеазиатский плацдарм. «Исторические записки института истории АН СССР», 1940, № 7, стр. 184.
[65] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062, л. 59 об.

оружение, состоявшее из 4-х бастионов и двух полубастионов, огражденных валами и каменной засекой, которая, по словам Карелина, «не только кавалерию, но и добрую европейскую пехоту заставит призадуматься». Окружность укрепления составляла 620 саж., на его территории могло разместиться 100 дворов[66].

При появлении русских войск, на берегу собралось много адаевцев. Карелин и Мансуров — командиры войск — подплыли к берегу и объявили о мирном характере прибытия войск. Они предупредили, что в случае враждебного действия по ним будет открыт огонь из орудий. Адаевцы, посовещавшись между собой, удалились и в дальнейшем никаких враждебных действий не предпринимали. Некоторым биям, прибывшим в укрепление, Карелин раздавал подарки, на что ему было отпущено 3 ящика шелку и 3 тыс. руб. деньгами[67]. Затем казахи начали пригонять баранов на мену, но от продажи лошадей и верблюдов в первое время воздерживались, опасаясь разъездов казаков по степи. Вскоре гарнизон стал демонстрировать перед туркменами и казахами свою силу. Летом 1834 г. было уничтожено около 20 туркменских рыбачьих судов, объявленных разбойничьими. Соль, которой пользовалось местное население, перешла в распоряжение военного гарнизона[68]. Адаевские аулы были лишены водопоя из родников у нового укрепления, и они вынуждены были откочевать[69].

22 июля 1834 г. гарнизон праздновал открытие укрепления. Его «освящал» специально приглашенный из Астрахани священник. Сюда были приглашены и казахи. Во время торжества была устроена демонстрация силы русского оружия, в расчете, что слухи о ней дойдут до Хивы и Персии. С крепостных валов стреляли из ружей, было пущено множество ракет.

Карелин полагал, что укрепление послужит делу установления торговых связей с Индией. Он писал: «К Аральскому морю путь, к Хиве — другой, но оба ведут к одной цели, непосредственной торговле с Индией»[70].

Таким образом, основание Ново-Петровского укрепления означало, что давнишняя мечта царского правительства укрепиться на восточном берегу Каспия и распространить свое экономическое и политическое влияние в странах Востока начала осуществляться.

Весть о постройке Ново-Петровского дошла в Хиву с опозданием. Там полагали, что появление русских войск на северо-восточном берегу Каспия имеет временный характер. Впоследствии, убедившись, что русские укрепляются на занятом пункте, хан жаловался, что русское правительство не почитает его ханом, а ханство — независимым[71]. Он посылал своих лазутчиков, чтобы разведать характер и цели постройки крепости, его военную ценность. Хан негодовал на адаевцев по поводу отдачи в наем верблюдов коменданту крепости Карелину и вызвал к себе старшину адаевцев Мая-бия для объяснения. Хан задумал уничтожить укрепление.

Чтобы расположить к себе местное население, а также привлечь к торговле хивинских купцов, Карелин, спустя два месяца после основания укрепления, послал в Хиву астраханского купца Турпаева. Подлинной целью поездки Турпаева было выяснение отношений хана к по-

---

[66] А. Попов. Указ. ст., стр. 186.
[67] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062, л. 127.
[68] Там же, лл. 267—268 об.
[69] Белявский. Указ. ст., стр. 13.
[70] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1062, л. 231.
[71] М. Галкин. Указ. ст., стр. 123.

стройке нового укрепления. По пути следования в Хиву Турпаев разъяснял адаевцам и туркменам, что укрепление основано для торговли с ними и с хивинским ханством, а также для их защиты[72].

С приездом бия Мая в Хиву, хан, собрав к себе туркменских старшин, продержал их в течение 12 дней. Он требовал от собравшихся нападения на укрепление. Туркмены отказались, ссылаясь на «худобу лошадей»[73]. Тогда хан приказал бию Мая объединить адаевцев с табынцами и напасть на укрепление[74]. Бий тоже отказался, заметив хану, что адаевцы не храбрее туркмен.

За этой отговоркой скрывалось нежелание адаевцев защищать интересы хивинского ханства в борьбе с царскими войсками на Мангышлаке. Адаевцы ясно себе представляли бесполезность выступления против России на стороне немощного Хивинского ханства. Тогда хан решил прибегнуть к более сильным средствам. Бию Мая хан приказал немедленно заплатить 100 хивинских червонцев, якобы в качестве куна за убитых туркмен, возвратить туркмену Казы 60 верблюдов, откочевать от укрепления, прервав всякие связи с русскими, а затем приехать в Хиву[75]. В качестве заложника хан задержал его сына Баймухаммеда, прибывшего в Хиву вместе с Турпаевым в августе 1834 г. Наблюдение за выполнениями своего приказания хан поручил юзбаши (начальнику сотни) Аманбаю, который отбыл вместе с Мая на Мангышлак. Ему также поручалось разведать о военной силе Александровского укрепления и о намерении его командования.

Приказание хана откочевать от укрепления казахское население встретило с большим недовольством. Табынцы с тревогой спрашивали: «Где нам еще кочевать?»

В ур. Ешкикырылган бий Мая объявил адаевцам ханскую волю. Адаевские бии и старшины, собравшись, обсудили требование хана. Ввиду того, что адаевцы не могли обойтись без пастбищ на территории Хивинского ханства, а, кроме того, хан в любое время мог ограбить их, бии решили покориться его воле, собрав с населения 60 верблюдов и 1000 червонцев, а за выкуп сына Мая Баймухаммеда —1000 лошадей и 180 кошм[76]. Хотя хан попытался выступить в военный поход против крепости, из этого ничего не получилось. В январе 1836 г. Перовский сообщил, что хивинский хан, «собрав рать, хотел идти на Ново-Александровское, но голодные воины его, состоящие на собственном продовольствии, разошлись раньше, чем... хан решился выступить»[77]. После этого хан в ноябре того же года обратился с письмом к Перовскому, в котором писал: «...С недавнего времени русские начальники беспрестанно оказывали такие действия, которые невольно побуждали к вражде и несогласию». Он обвинял русских в том, что они в пределах Хорезма построили Александровскую крепость, простирали руку к казахам, издавна бывшим его подданными, наконец, пошли на «неслыханное дело, захватив купцов». В конце письма он подчеркнул, что если будет разрушена крепость, то Хива приложит все силы к тому, чтобы жить с Россией в дружбе, а если «опорой будет сила», то и он, хан «малым бедствием будет стараться избавиться от большего»[78].

---

[72] Там же, стр. 116—117.
[73] Там же, стр. 127.
[74] Там же.
[75] Там же, стр. 125.
[76] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2732, лл. 86—90.
[77] «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 23 (из бумаг Оренбургского генерал-губернатора Перовского), стр. 205.
[78] Там же, стр. 210.

Однако известие о предстоящем походе русских войск в Хиву в 1839 г., сильно встревожив хивинское правительство, активизировало его действия на Мангышлаке. Хан хотел поднять местное население против сбора средств для снаряжения экспедиционных войск и тем самым сорвать поход. Но его расчет на поддержку казахского населения еще раз не оправдался. Как видно из документов, отряду Хивинского ханства пришлось действовать на Мангышлаке без поддержки местного населения.

Хан начал с рассылки своих эмиссаров в Мангышлак, в районы р. Эмбы и Сыр-Дарьи. В своих письмах он приказывал адаевским и туркменским старшинам «вредить русским», призывал к открытой войне против России. Но активных действий со стороны адаевцев он так и не добился. Летом 1839 г. ханские отряды стали появляться на Мангышлаке, заниматься грабежом, пленением людей и т. д. Так, они захватили в плен более 120 русских; забирали с собой кусовые и подъездные лодки, а большие ломали и топили в море[79]. В 1840 г. вблизи Александровского форта было сожжено и разграблено судно купца Турпаева с продовольствием и другими товарами на сумму 4047 р. 90 к. Были угнаны 857 баранов, принадлежавших тому же купцу и Завьялову[80]; в феврале того же года на Ново-Александровской пристани была сожжена караульная изба[81]. При этом на стороне хивинских войск выступали только отдельные лица из адаевцев и туркмен — Чалау, Ордыберды, Марлен, Чабек и др., известные своими морскими разбоями[82].

Обстановка на Мангышлаке парализовала жизнь местного населения. Лейтенант Бодиско, посетивший Ново-Петровское укрепление в 1839 г. сообщал: «Меновой торг с кочевыми жителями здесь почти не существует»[83]. Он утверждал, что даже дружественные старшины из адаевцев и туркмен прекратили сношения с крепостью[84].

После неудачного похода Перовского в 1839 г. хан усилил свои притязания к адаевцам. На требование русской дипломатической миссии 1841 г., возглавляемой Никифоровым, восточные берега Каспия признать владениями России, хан Аллакули ответил категорическим отказом. Более того, после отъезда посла хан объявил адаевцам, что он якобы определил с послом границы ханства с Россией. Территория, лежащая на правой стороне Урала, принадлежит России, а на левой — Хивинскому ханству... Поэтому, заявил хан, адаевцы не должны сноситься с русскими и платить налоги. В противном случае «рты их будут залиты свинцом и не будет никакой помощи»[85]. Вслед за Никифоровым для окончательного урегулирования спорных вопросов прибыла в Хиву миссия Данилевского. При жизни хана Аллакули он также ничего не мог добиться. Только после его смерти в 1842 г. был заключен с Хивой выгодный для России торговый договор. Хан согласился взимать 5 проц. пошлин с товаров, привозимых из России. А на признание владениями России восточного берега Каспия он не только не согласился, но и выдвинул требование об уничтожении Ново-Петровского укрепления на Мангышлаке[86]. Таким образом, основание военного укрепления у залива Сарыташ еще не избавило адаевцев от угнетения Хивинским хан-

[79] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2151, л. 17.
[80] Там же, д. 2159, л. 77 об.
[81] Там же.
[82] Там же, д. 2192, лл. 7—12.
[83] Там же.
[84] А. Попов. Борьба за среднеазиатский плацдарм, стр. 220—221.
[85] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2409, л. 11.
[86] А. Серебрянников. Туркестанский край, стр. 195.

ством, а обострило отношения между Хивой и Россией, что отрицательно отразилось на положении адаевцев.

Систематический грабеж адаевцев отрядами хивинского хана привел к тому, что адаевцам нельзя было свободно кочевать и производить торговые операции с укреплением. Адаевцы обратились к русскому правительству с просьбой избавить их от гнета и порабощения ненавистного им хивинского хана. Еще в 1842 г. к коменданту Ново-Петровского укрепления с письмом от адаевцев прибыл бий Қалбий. В письме говорилось: «Укрепление построено по велению великого царя, в котором вы поставлены комендантом, чтобы повеление царя нам, а наши жалобы довести до его сведения. Вы почтенные люди, а мы слабый народ. Вы должны знать, освободил ли нас великий царь от рук Аллакули, дайте нам об этом знать, что прикажет нам царь, слушаемся и прибегаем под его защиту. Если мы будем действовать по приказанию Аллакули-хана и сами будем вредить русским, то добровольно принимаем от царя наказание»[87].

Спустя два года бии снова обратились к коменданту того же укрепления с просьбой объяснить, была ли определена граница России с Хивинским ханством. Они заявляли, что «готовы пожертвовать жизнью за избавление от подданства хивинского хана и просили довести до сведения царя, как несчастных, угнетенных при вратах жестокого хивинского хана»[88]. В другом письме тот же бий Қалбий писал, что адаевцы «покорные слуги русского государства», находятся в таком положении, как «при челюсти дракона» и «не желают оставаться в подданстве хивинского хана»[89].

Адаевцы обращались и к Оренбургской пограничной комиссии с просьбой определить границу с Хивой или отвести им места под кочевки где-либо подальше от владения Хивинского ханства. На этот раз инициатива исходила от самих масс. С этой просьбой они отправили в Оренбург в 1842 г. бия Қудайбергена Токканова. Но установление точной границы с Хивой не входило в планы царского правительства, стремившегося использовать отсутствие границы, как постоянный повод для дальнейшего продвижения в глубь Средней Азии. Военное министерство решило: «Вопрос об определении границ влияния хивинцев в степи отложить впредь до усмотрения»[90], ибо, как говорится в другом документе: «Отсутствие твердой границы в этом районе полезно»[91].

Тогда Оренбургская пограничная комиссия, делая вид, что она что-то предпринимает по этому вопросу, поручила правителю западной части Младшего жуза султану Б. Айчувакову определить кочевья адаевцам таким образом, чтобы не были стеснены казахи других родов[92]. Айчуваков не мог выполнить это, так как нельзя было отвести землю адаевцам, не затронув интересов других родов.

В 1844 г. к адаевцам и шомышты-табынцам прибыли ханские сборщики зекета в сопровождении военных отрядов. В счет зекета они отбирали у адаевцев верблюдов и лошадей. В июне 1845 г. в аулах адаевцев снова были сборщики зекета с военным отрядом. Эти сборщики вмешивались и во внутренние дела казахов. В 1845 г. ханские

---

[87] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 2171, л. 132.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] Там же, лл. 106—107.
[91] А. Попов. Указ. статья. «Исторические записки Института истории АН СССР», № 7, стр. 225.
[92] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 3151, лл. 251—255.

сборщики зекета вместе с адаевским бием Карымкулом приезжали в аулы тлеукабакского отделения с целью взыскания по барымте»[93].

Расположение Ново-Петровского укрепления не могло обеспечить конечную цель царизма. Для этого необходимо было обосноваться ближе к границам Хивы, Персии, среди туркменских и казахских племен. Однако Ново-Петровское укрепление, просуществовав в течение 10 лет без особых осложнений с соседями, дало возможность царскому правительству продвигаться в глубь восточного побережья Каспия. Уже через два года после заложения Ново-Петровского укрепления царское правительство начало подготовку к перенесению его на более удобное место.

В 1836 г. Карелин снова обследовал юго-восточные берега Каспия. Восточные берега были обследованы в 1839 г. офицерами генерального штаба Бодиско и Ширковым, а в 1844 г. был еще раз обследован залив Тюб-Караган чиновником особых поручений Матвеевым, капитан-лейтенантом Кемецким и др. Все эти экспедиции подготовили перенесение Ново-Петровского укрепления с залива Карасу на Мангышлак, в Тюб-Караганский залив. Эти экспедиции собрали большое количество материала по географии, фауне, флоре обследованных районов, об их населении, расселении туркменских племен, их быте, хозяйстве, торговле с соседями и т. д., которые имеют большое значение как достоверный фактический материал.

По сравнению с Карасу-Кайдаком Мангышлак имел определенные преимущества. Как было указано, он являлся перевалочным пунктом для товаров, шедших в Хиву и обратно, местом крупных торговых операций. Мангышлак соединял крупные торговые города Астрахань и Гурьев, расположенные в устьях Волги и Урала, с Хивой морским путем, протяженностью всего в 200 верст. Перевозка грузов могла производиться от Астрахани до Мангышлака в 3 дня, а при попутном ветре — в одни сутки. От Мангышлака в Хивинское ханство шел и караванный путь, расстоянием в 800 верст или 20 дней конной езды. Перевозка одного пуда обходилась около 30 коп. серебром. На Мангышлаке имелась незамерзающая гавань. В 10-ти верстах от мыса Тюб-Караган низкие берега образуют превосходную бухту для судов со значительной осадкой, закрытую со всех сторон от морских ветров. Наконец, Мангышлак являлся центром кочевий казахов-адаевцев, которые до сих пор не были подвластны России. По существу до основания укрепления Александровского здесь хозяйничало Хивинское ханство. Для царизма было необходимо освободить этот район от влияния Хивинского ханства и подчинить адаевцев своей власти. Восточные берега Каспия были богаты рыбой. Здесь были месторождения соли, угля, строительного камня и пр. Большим разнообразием отличалась охотничья фауна Мангышлака. В горах Актау и Каратау водились архары, сайгаки, лисы и др. звери. Берега заливов Кочак, Кайдак, Каракечу, Александрбай нередко на несколько верст покрывались стаями диких лебедей, гусей, уток и др. дичи.

Основанию укрепления на Мангышлаке в высших кругах России придавали большое значение, но, опасаясь вмешательства Хивы и Персии, осторожно отнеслись к реализации этого плана. Хивинский хан, узнав об обследовании Мангышлака в 1844 г., велел туркменам прикочевать к Мангышлаку и не допустить там основания укрепления[94]. Поэтому высадку войск на Мангышлаке было решено провести одно-

[93] Там же, д. 180, лл. 59—60.
[94] А. Серебрянников. Указ. сборник, стр. 5.

временно с открытием постоянного пароходного сообщения по Каспийскому морю[95]. Всеми вопросами, относившимися к организации высадки десанта и занятию полуострова Мангышлак, занимался Оренбургский военный губернатор Обручев. На случай нападения хивинцев, сюда было отправлено более 700 солдат, которые, кроме обычного вооружения, имели еще и 6 трех- и четырехфутовых единорогов и две пушки. В заливе Тюб-Караган постоянно находился пароход для поддержания связи с Гурьевом и Астраханью[96]. В Гурьеве содержалась одна рота для отправки на Мангышлак в случае надобности.

Десантный полк под руководством Обручева 14 апреля отправился из Гурьева на двух пароходах и двух росшивах, а 15 апреля прибыл к месту назначения. В течение двух месяцев было возведено сильное военное укрепление получившее впоследствии название форт Александровский. Оно было снабжено 14 орудиями[97]. А через два года количество войск, содержавшихся в форте Александровском на Мангышлаке, Александрбае и Красноводской косе, было доведено до 3600 человек[98].

В так называемом Верхнем укреплении, построенном на вершине среднего холма скалистой гряды напротив Тюб-Караганской пристани, были расположены главные здания укрепления. Здесь находились управление воинского начальника, казармы для 300 казаков и двух десятков артиллеристов, лазарет, продовольственные магазины, склады вооружения, пороховой погреб и пр. Верхнее укрепление было обнесено каменной стеной. Его артиллерийское вооружение было доведено до 24 орудий[99]. От Верхнего укрепления по западному склону гор в низину шли две каменные стены, между которыми было расположено Нижнее укрепление. Здесь впоследствии обосновались купцы со своими домами и лавками, образовался базар, вырыты были колодцы, водой которых пользовался гарнизон и население форта. На возвышенностях, расположенных по обеим сторонам укрепления, были возведены батареи. Между фортом Александровским, Гурьевом и Астраханью ежемесячно ходил почтовый пароход, а также крейсировали два парусных судна: одно — около устьев Волги и Урала, другое — от укрепления, вдоль восточного побережья для охраны рыбопромышленников от морских разбоев.

Спустя лет 30 после основания укрепления, у форта были устроены два маяка: один на мысе Тюб-Караган, другой — при входе в гавань. Пристань защищалась двумя боевыми башнями.

Итак, перенеся военное укрепление с залива Карасу—Кайдак на Мангышлак, царское правительство сделало еще один большой шаг в укреплении своей позиции на восточном берегу Каспия, в распространении своего политического и экономического влияния на местные племена и соседние государства.

Но эти мероприятия столкнули русские войска с хивинскими. В это время Хива была занята войной с Бухарой из-за Мерва[100] и поэтому оказалась перед совершившимся фактом. В ноябре 1846 г. хан официально обратился к царскому правительству с грамотой, в которой было сообщено, что «на землях, издревле принадлежавших ему, основаны

---

[95] Там же, стр. 193.
[96] А. Серебрянников. Указ. сборник, стр. 193.
[97] Там же, стр. 235.
[98] ЦГВИА, ф. ВУА, 1846, д. 18282, л. 6.
[99] П. Юдин. Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 г. «Русская старина», 1894, № 7—8, стр. 138.
[100] «Обзор Закаспийской области 1882—1890 гг.» Асхабад, 1892, стр. 62.

крепость и строение; поскольку таковые дела противны приязни и не согласны с дружественными, то отправил Шукурулу-агу, поручив ему узнать о том, что укрепление основано «по его ли воле или это дело обитателей линии» (пограничных начальников). Хан заявил, что если Россия уничтожит это укрепление, то это может служить основой для сохранения мирных отношений[101].

В ответе царского правительства (данном только в апреле 1847 г.), говорится, что укрепление возведено на тех же местах, где Россия раньше имела крепость, что оно не имеет никакой другой цели, кроме обеспечения безопасности торгового пути и установления большого порядка на местах[102]. Такой ответ не устраивал хана, он опять же обратился к адаевцам и другим казахам и попытался, объединившись с ними, выступить против русских войск на Мангышлаке. В декабре 1847 г. его эмиссары прибыли к адаевцам с требованием выделить с каждой пятой кибитки по одному конному воину, откочевать от укрепления и присоединиться к Исету Қотибарову для совместного выступления против русских войск[103]. Но адаевцы отказались[104].

Хан решил силой заставить адаевцев выступить против русских войск. Летом 1847 г. его отряд под начальством юзбаши Қошмамбета прибыл на Мангышлак. Отряд длительное время кочевал вместе с адаевцами, находившимися в 150 верстах от укрепления, всячески притесняя их. Отряд задержал адаевцев около гор Актау и Қаратау и запретил им кочевать вблизи укрепления и поддерживать какие-либо связи с фортом. В счет зекета им было собрано 2000 овец, 20 лошадей, около 300 кошм. Насилия, чинимые этим отрядом, вынудили население Мангышлака бежать. Около 40 семей нашли себе убежище у Александровского укрепления. Положение адаевцев оставалось бы по-прежнему тяжелым, если бы русские войска не дали решительный отпор хивинским войскам. В 1847 г. большой отряд хивинского хана, посланный для нападения на аулы бия Баймухаммеда Маяева, был рассеян отрядом, посланным из Ново-Петровского укрепления под командованием старшины Михайлова[105].

В мае 1848 г. отряд хивинского хана в количестве 400 человек начал грабить адаевцев, кочевавших в окрестностях Ново-Петровского укрепления. Против них выступила команда Уральского казачьего войска, которая настигла отряды хана с захваченными в плен людьми, награбленным скотом и имуществом. Хивинцы, заметив приближение казаков, бросили награбленное и напали на них. Завязался бой. Отряд хана, не выдержав натиска казаков, обратился в бегство. Қазаки преследовали его на расстоянии 30 верст. Хивинцы потеряли около 100 человек убитыми, 11 было взято в плен, казаки захватили 38 лошадей, 6 ружей и 20 сабель[106]. В 1848 г. отряд хана вновь ограбил несколько аулов, но также был разбит командой из укрепления.

Выступления русских войск против Хивы имели огромное значение для адаевцев, увидевших, что, благодаря защите русских войск, они избавляются от ига хивинского хана. Его отряды больше не могли бесчинствовать безнаказанно на Мангышлаке как прежде.

---

[101] А. Серебрянников. Указ. сборник, стр. 296.
[102] Там же, стр. 78—80.
[103] А. Ф. Разянов. Хивинские набеги в Киргизскую степь в 1848 г. (архивные документы). «Труды общества изучения Киргизского края». Вып. 6, т. 5, 1924, стр. 11.
[104] А. Серебрянников. Указ. сборник, стр. 280.
[105] ЦГА КазССР, ф. 4, д. 130, лл. 178—181.
[106] Там же, д. 3151, лл. 217—228 об.

Таким образом восточные берега Каспия, игравшие немалую роль во внешней политике царизма на востоке, а также в установлении его господства в Казахстане и Средней Азии, были присоединены к России в процессе продвижения ее в глубь Средней Азии. Оно было осуществлено путем преодоления военного сопротивления войск Хивинского ханства.

Одновременно это означало, что казахи племени адай, насчитывавшие более 14 тысяч кибиток, кочевавшие на огромных пространствах, оторванные от основной части Младшего жуза, более 50 лет назад после перенесения своих зимних кочевий на восточные берега Каспия, были присоединены к России. Присоединение произошло добровольно. Казахи-адаевцы всячески содействовали русским войскам в основании укреплений. Адаевцы, жестоко угнетенные хивинским ханством в продолжении более полувека были освобождены от этого гнета.

Присоединение этой территории к России произошло без какого-либо юридического акта. Здесь кочевали казахи, основная масса которых давно состояла в подданстве России. Поэтому территория, занимаемая адаевцами, рассматривалась как часть земли казахов, ставших подданными России. Юридическим оформлением присоединения этого района было подчинение местного населения власти царизма путем распространения на них своей административной системы.

Несмотря на то, что присоединение этого района произошло в условиях царского режима, установления жесточайшего колониального угнетения и бесправия населения, оно имело исключительно важное значение в судьбе казахского населения восточного берега Каспия. Казахи-адаевцы вместе со всем казахским народом оказались в составе России, имевшей развитую экономику, культуру и передовые общественно-политические отношения, что имело большое значение в последующем направлении развития их экономической и общественно-политической жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. С. Сулейменов. Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1905—1907 годах 3

П. Г. Галузо. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье. 75

Т. Т. Тажибаев. Школы Внутренней (Букеевской) орды во второй половине XIX века 125

Г. Есенгалиева. О развитии промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов в Семипалатинской области в конце XIX—начале XX века 153

М. С. Турсунова. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века 173

Редактор *И. Н. Королева*
Тех. редактор *З. П. Ророкина*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Корректор *Л. А. Ярошенко*

* * *

Сдано в набор 10/VIII 1961 г. Подписано к печати 24/XI 1961 г. Формат 70×108¹/₁₆. Физ. л. 12,75. Усл. печ. л 17,46+1 вклейка. Уч. изд. л 17,65. Тираж 1750. УГ07750. Цена 1 р. 44 к.

Типография Издательства АН КазССР. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 113.